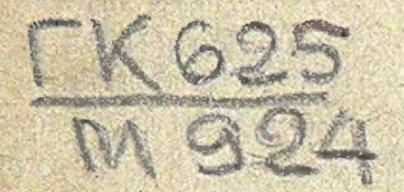
ШТАБ Р. К. К. А.
НАУЧНО-УСТАВНОЙ ОТДЕЛ

М. Л. МУРТАЗИН

БАШКИРИЯ
И БАШКИРСКИЕ ВОЙСКА В ГРАЖДАНСКУЮ ВОЙНУ

ИЗДАНИЕ ВОЕННОЙ ТИПОГРАФИИ УПР. ДЕЛАМИ НАРКОМВОЕНМОР и РВС СССР
1927

СССР Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ШТАБ РККА

НАУЧНО-УСТАВНОЙ ОТДЕЛ

М. Л. МУРТАЗИН

БАШКИРИЯ И БАШКИРСКИЕ ВОЙСКА В ГРАЖДАНСКУЮ ВОЙНУ

ИЗДАНИЕ
ВОЕННОЙ ТИПОГРАФИИ УПРАВЛЕНИЯ
ДЕЛАМИ НАРКОМВОЕНМОР и РВС СССР
1927

★
ВОЕННАЯ
ТИПОГРАФИЯ
УПРАВЛ. ДЕЛАМИ
НАРКОМВОЕНМОР
И РВС СССР
Пл. Урицк., 10.
Ленинградский
Гублит № 29111.
Тираж 2.500.14 л.
Заказ № 197.

ПОСВЯЩАЕТСЯ ШЕСТОМУ СОВЕТСКОМУ
ВСЕБАШКИРСКОМУ КУРУЛТАЮ

ОГЛАВЛЕНИЕ.

ОТ РЕДАКЦИИ.

Написанный автором труд представляет собой две самостоятельные темы: „Прошлое башкирского народа“ и „Башкирские войска в Гражданскую войну“.

Мысль автора—дать историческую справку о Башкирии в качестве предпосылки, объясняющей создание башкирских войск и их борьбу в период Гражданской войны,—вылилась в форму самостоятельной темы.

Редакция, идя навстречу возможно полному собиранию материалов по истории Гражданской войны, в особенности по истории национальных частей, и констатируя, что в этом отношении военная литература очень бедна,—все же считает необходимым отметить некоторые стороны настоящего труда, с которыми редакция не может полностью согласиться и считает их спорными.

Настоящий труд не может быть назван научно-исследовательским изысканием, а скорей представляет собой: в первой части („Прошлое башкирского народа“)—сводку всех имеющихся сведений, изложенных в разных книгах о Башкирии, и во второй части („Башкирские войска“)—дневник или воспоминания участников боевых эпизодов.

Вполне соглашаясь с автором, что от неправильной национальной политики отрядов Красной армии по отношению к башкирским частям зависело довольно много крупных недоразумений, выливавшихся иногда в вооруженные столкновения, все же редакция не может согласиться с допущенным упрощением автором условий классовой борьбы и исторических условий, в результате которых, далеко не случайно, башкирские войска продолжительное время дрались на стороне колчаковских полчищ против частей Красной армии,—к простому взаимоотношению личностей и только к ошибкам командования Красной армии.

Метод изложения некоторых глав, в особенности III главы, взят с чрезмерным подчеркиванием роли командира бригады башвойск, что невольно приводит к сужению объективности изложения, независимо от той громадной роли, которую комбриг играл в истории башкирских войсковых формирований.

Редакция.

ОТ АВТОРА.

Настоящая работа представляет собой попытку набросать очерки по истории Гражданской войны в Башкирии и дать обзор действий башкирских войсковых частей в различные моменты этой войны как в пределах Башкирии, так и на других фронтах. Для более ясного представления о том политическом и экономическом положении, в котором застали Башкирию революционные вехи—Февраль и Октябрь 1917 г.,— основной части книги предпослан краткий обзор главнейших моментов истории башкирского народа, до известной степени предопределявших ту роль, которую пришлось играть Башкирии и башкирам в событиях революционного времени.

Первая часть работы имеет, кроме указанной цели, также и самостоятельное значение—восполнение тех скудных данных, которые имеются в настоящее время о Башкирии в литературе на русском языке. В данном случае дело заключается не в бедности русской литературы о башкирах, но в распыленности сведений о них по отдельным печатным трудам, большая часть которых сделалась библиографической редкостью. Путеводителем по этим работам может служить перечень использованных автором источников.

При изложении Февральских и Октябрьских событий в Башкирии автор стремился, опираясь на соответственные источники, возможно яснее и точнее изложить их течение и характер, избегая субъективных оценок и выводов.

Книга является первым опытом исследования истории возникновения и действий красных башкирских частей. Неполнота архивных материалов и распыленность участников усложнили работу, и охватить всю совокупность действий башчастей оказалось невозможным. В частности остались неосвещенными действия башкирских войск на Южном и Кавказском фронтах.

Автор обращается ко всем участникам фронтов, где боролись башкирские части, с просьбой принять деятельное участие в исправлении и дополнении обработанного им материала.

Автор приносит глубокую и сердечную благодарность И. М. Токареву, К. К. Воронцову, Р, И. Бикбавову и А. О. Терегулову, которые широким участием в подборе материалов и частичным их редактированием помогли ему справиться с серьезной и ответственной задачей по составлению настоящего труда, а также благодарит всех тех, кто предоставил в распоряжение автора некоторые ценные документы из Гражданской войны.

Муса Муртазин.

ИСТОЧНИКИ.

I. Дела и документы Архива Красной армии.

№№	№№	№№
46—207	40—951	214
42—375	29—375	65—681
41—219	231—411	59—594
57—970	57—970	61—800
57—669	47—213	10
234—780	40—954	203—603
200—045	58—220	82—166
65—740	58—354	

II. Документы, находящиеся на руках участников Гражданской войны.

III. Указатель литературы о башкирах на русском языке.

Годы.

1734. *Ватсен.*—Известия о киргизских и башкирских народах. „С.-Петербургские Ведомости“, №№ 8, 11, 15 и 18.

1734. *Его же.*—Путевые записки Исбрагим-Идеси. „Древняя Русская Вивлиофика“ Новикова, том VIII.

1762. *П. И. Рычков.*—Топография Оренбургская, т.-е. обстоятельное описание Оренбургской губернии. Изд. И. Акад. Наук. СПБ. (Книга переиздана Оренбург. Отд. И. Геогр. О-ва в 1887 г. Оренбург).

1771. Академик *И. Лепехин.*—Дневные записки путешествия 1768/69 г.г., ч. II. СПБ.

1799. *Г. Г. Георги.*—Описание всех обитающих в Российском государстве народов. Изд. И. Акад. Наук. СПБ (ч. II, стр. 94).

1809. *П. Паллас.* Путешествие по разным провинциям Российского государства. СПБ.

1823. *Спасский.* О древних вещах, найденных в Гумешевском руднике Пермской губ. „Сибирский Вестник“. ч. XXII.

1825. *Плано Карпини* (1246).—Собрание путешествий к татарам и другим восточным народам. Пер. Языкова. СПБ.

1832. *Р-на.*—Сведения о башкирцах. „Московский Телеграф“ (часть II, стр. 253—257).

1845. Историко-этнографический очерк башкирцев. „Оренбург. Губ. Ведомости“ № 35.

1847. *Салават Юлаев*—башкир Шайтан-Кудейской волости. Там же, № 4.

1847. *В. Юматов.*—Несколько известий о службе у башкирцев. Там же, № 50.

1847. *В. Юматов.*—О названии башкирцев. Там же, № 24.

1847. Грамоты Уфимскому воеводе Головину о том, чтобы башкирских земель русским пришлым людям не отдавать. Там же, № 38.

1847. *В. Юматов.* Мысли об истории Оренбургской губ. Там же, № 15—18.

1848. *В. Юматов.*—Древние предания у башкирцев Чубилинской волости. „Оренбург. Губерн. Ведомости“, № 7.

1848. *Его же.*—Древние памятники на земле башкирцев Чубилинской волости. Там же, №№ 1, 2, 5, 7, 37.

1848. Нечто из описания нравов башкирцев былого времени. Там же, № 37.
1849. Краткий исторический взгляд на первобытных жителей Оренбургского края. „Оренбург. Губ. Ведомости", №№ 12—15 и 17.
1850. *Небольсин.*—Заметки о башкирцах „Отечественные Записки". т. XXIII, 8, ст. 1.
1850. *И. Казанцев.*—Описание башкирцев. „Оренбург. Губ. Ведомости" №№ 10, 15—20.
1851. *Иванин.*—Описание закамских линий. „Вестн. И. Геогр. О-ва". Т. I.
1855. Опыт исследования о древней Югре. Там же, кн. XI.
1859. *В. М. Черемшанский.*—Описание Оренбургской губ. Уфа.
1860. *А. Зырянов.*—Несколько слов о курганах Шадринского уезда Пермской губ. „Пермские Губ. Ведомости" № 5.
1862. Несколько актов к истории башкирских бунтов при Анне Иоанновне. „Памятная книжка Казанской губ." на 1861/62 г. Казань.
1863. *Назаров.*—Башкиры о башкирцах. „Современник" № 11.
1864. *Вельяминов-Зернов.*—Источники для изучения тарханства, пожалованного башкирам русскими государями. „Зап. И. Ак. Наук". Т. I, кн. 2.
1865. *Игнатьев.*—Царские грамоты о челобитных о землях башкира тархана Акинчика Таникеева в XVII веке. „Оренбург. Губ. Ведомости", №№ 8, 33.
1865. *Его же.*—Курганы в Приуральских местах Оренбургской губ. Там же, №№ 43—45, 47—49.
1866. *П. Фирсов.*—Положение инородческого населения северо-восточной России в Московском государстве. „Ученые записки И. Казанского Унив.".
1866. *Ешевский.*—Колонизация северо-восточных окраин России. „Вестник Европы", Т. I.
1867. *А. Аксаков.*—Буйства башкир в деревне Исергиновы, Бугульминского уезда Самарской губ. „Самарский Листок", № 69.
1869. *Д. Хвольсон.*—Известия о хазарах, буртасах, славянах и русских Ибн-Даста. „Журн. Мин. Нар. Просвещ.", Декабрь.
1869. *П. Фирсов.*—Инородческое население прежнего Казанского царства в Новой России до 1762 г. и колонизация Закамских земель в это время. „Ученые записки И. Казанского Унив.".
1870. О сходцах на башкирских землях. „Пермские Губ. Ведомости", № 93.
1870. Челобитная царям Иоанну и Петру Алексеевичам от жителей сибирских слобод на башкирцев. „Тобольские Губ. Ведомости", №№ 6, 7.
1870. Что такое Башкирия и кто владеет ею ныне. „Деятельность", №№ 141, 148, 156, 183, 185, 195.
1870. *Игнатьев.*—Грамота царя Алексея Михайловича 1676 г. к башкирцам нынешнего Осинского уезда. „Перм. Губ. Ведомости" № 40.
1870. *Его же.* Один из примеров отвода башкирских земель в XVIII веке. „Уфимские Губ. Ведомости" № 21.
1870. *Его же.* Примеры отвода башкирских земель в XVII в. Там же, № 26.
1871. Исторические и административные сведения о башкирском народе, составленные по приказанию гр. Панина в 1775 г. „Уфимские Губ. Ведомости", №№ 45, 46.
1872. Исторические сведения для истории Уфимского края, г. Уфы, башкирского населения и пугачевщины. „Памятная книжка Уфимской губ." на 1873 г. Г. Уфа.
1873. *Р. Игнатьев.*—Историко-административные сведения о башкирском народе, составленные по циркулярам гр. Панина в 1775 г. Там же.
1874. *В. М. Флоринский.*—Башкирия и башкирцы. „Вестник Европы", Т. XII.
1876. Д-р *Малиев.*—Антропологические очерки башкир. Труды Казанского О-ва Естествознания. Т. V. Вып. 5.
1876. Колонизация башкирских земель. „Оренбургский Листок", №№ 8, 30, 33.
1876. *Уйфальви.*—Башкиры, мещеряки, тептяри. „Извест. Имп. Геогр. О-ва", № 2.

1878. *Новиков.*—Очерк колонизации Башкирского края. „Истор. Библиотека", № 12.
1878. Исторические и административные сведения о башкирском народе (из архива Тургайской области). „Памятная книжка Уфимской губ." на 1878 г. Г. Уфа.
1879. *Р. Игнатьев.*—Карасакал, лже-хан Башкирии. „Оренбург. Листок", №№ 7—17.
1879. *Нефедов.*—Движение среди башкир перед пугачевским бунтом. „Русское Богатство", № 10.
1879. *Нефедов.*—О курганах Приуральского края. „Извест. Общ. Люб. Естеств., Антроп. и Этногр.". Т. XXXV, вып. 1.
1879. *М. Лосиевский.*—К населению башкир, из неизданных арабских и татарских хроник. „Оренбургский листок", №№ 47, 50, 51.
1879. *Р. Игнатьев.*—Ив. Кир. Кириллов. Основатель Оренбургского края. „Уфимские Губ. Ведомости", №№ 14—16, 18, 20, 23, 24, 27, 28, 30—34
1881. *Его же.*—В. Н. Татищев, второй начальник Оренбургского края. Там же, №№ 2, 6, 26—38, 40—42, 46.
1881. *Его же.*—Взгляд на историю Оренбургского края. „Оренбург. Губ. Ведомости", №№ 1—3, 5, 7, 10, 15, 16, 21, 23, 29, 33, 37, 40—50.
1882. *М. Лосиевский.*—Пугачевский бригадир Салават Юлаев и Фаризи. „Волжско-Камское Слово", № 221.
1882. *Р. Игнатьев.*—Кн. В. А. Урусов, третий начальник Оренбургского края. „Уфимск. Губ. Ведомости", №№ 10, 14, 17, 20, 24, 27, 29—31.
1882. *Его же.*—Взгляд на историю Оренбургского края. „Оренбур. Губ. Ведомости", №№ 1, 4, 5, 14, 16, 18, 19, 23, 27, 30, 46, 47.
1883. *М. Лосиевский.*—Былое Башкирии и башкир по легендам, преданиям, и хроникам. „Справочная книжка Уфимской губ." на 1883 г. Уфа.
1883. *Р. Игнатьев.*—Памятники доисторических древностей Уфимской губ. Там же.
1883. *А. Алекторов.*—История Оренбургского края. Оренбург.
1883. *М. В.*—На восточной окраине. Башкирская старина. „Русские Ведомости", №№ 201, 203, 227, 268, 326.
1885. *А. Алекторов.*— Башкиры. (Этнографический очерк). „Оренбург. Листок", №№ 42, 46, 48, 52.
1886. *Его же.*—Башкиры. Там же, №№ 1, 2 (продолжение).
1886. *Н. Ремизов.*—Очерки из жизни дикой Башкирии. Быль в сказочной стране. Москва. (Книга вышла вторым изданием там же в 1889 г.).
1891. Проф. *Соммье.* О башкирах. Перевод с итальян. под редакцией Д. Никольского. „Записки Уральского О-ва Естествознания". Т. XIII (отдельный оттиск).
1894. *Р. Игнатьев.*—Башкир Салават Юлаев, пугачевский бригадир, певец и импровизатор. „Известия О-ва Археолог., Истор. и Этногр. при И. Казанск. Университете", № 56.
1897. *В. Н. Витевский.* И. И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1750 г. (Монография выходила отдельными выпусками с 1891 г.).
1897. *Д. Соколов.*—Башкирское войско в походе русских против Наполеона. Труды Оренбург. Учен. Архивн. Комиссии. Вып. III.
1900. *А. И. Добросмыслов.*—Башкирский бунт 1735, 1736, 1737 г.г. Там же, Вып. VIII.
1903. *Лющин.* — Описание башкирского бунта 1775 г. „Известия О-ва Археолог., Истории. и Этнограф." при И. Казанск. Университете.
1903. *И. С. Пушкинцев.*—Волнения в Башкирии в 1835 г. Труды Оренбург. Учен. Архивн. Комиссии. Вып. XI.
1904. *Д. М. Соколов.*—О башкирских тамгах. Там же, Вып. XIII.
1907. *А. И. Абрамов.*—Башкиры. „Русский Антрополог. журнал", №№ 3, 4, 27, 28.
1910. *А. И. Кастанье.*—Древности киргизской степи и Оренбургского края. „Труды Оренбург. Учен. Архивн. Комиссии". Вып. XXII.
1912. *Тумим.* Положение о башкирах. Уфа.

1913. *В. Ефремов.*—К истории Уфимского края. „Вестник Оренбург. Учебн. Окр.“, № 1, 4.
1913. *В. Гольмстен.*—Могильник близ гор. Уфы. Москва.
1914. *Плано Карпини.*—История моголов. *Вильгельм де-Рубруквис.*—Путешествие в восточные страны. Издание Суворина. СПБ.
1915. *И. И. Филоненко.*—Башкиры. Уфа.
1916. *С. И. Руденко.*—Башкиры. Опыт этнографической монографии. СПБ.
1918. Временные, до окончательного применения к жизни основных законов, меры к осуществлению автономного управления Башкурдистана. Оренбург.
1919. Соглашение Российского Рабоче-Крестьянского Правительства с Башкирским Правительством о Советской автономии Башкирии. „Известия ВЦИК“, № 65/615; „Жизнь Национальностей“, № 10/18, отдельной брошюрой. Саранская газета „Коммунар“, 1919 год № 47.
1919. Доблестная защита Петрограда в октябре 1919 г. Материалы Штаба РВСР. Москва.
1921. *М. Халиков.*—Маленькое пояснение. „Известия Башцик“, № 29.
1921. *Биишев.*—О Большой Башкирии. Там же, № 37.
1921. Ко всем трудящимся Башкирии. Там же.
1921. *М. Муртазин.*—Октябрьская революция и Башкирия. Там же.
1921. *Н. Чувашев.*—Не допустите окончательного вымирания. Там же, № 48.
1921 Труды Научн. О-ва по изучению быта, истории и культуры башкир. Вып. II. Стерлитамак.
1922. *К. Воронцов.*—Количество голодающих в Башкирии. „Известия Башобкомпомгол“, 12 февраля.
1922. *Пестун.*—На борьбу с анархией в земельных отношениях. „Известия Башцика“, № 25.
1922. Приказы Башцика и БСНК, №№ 5, 6, 7. Там же.
1922. Известия Башоблкома РКП(б), № 1—2.
1922. *Биишев.*—О Башкирии. Там же, №№ 48, 51, 53.
1922. *Его же.*—Башкиры после февральской революции. Там же, № 58.
1922. *Его же.*—О Башкирии и башкирах. Там же № 61.
1925. К землеустройству в Башкирии. Там же, № 57.
1925. *С. Атнагулов.*—Башкирия. Госиздат.
1925. *Н. Е. Какурин* и *В. А. Меликов.*—Война с белополяками 1920 г. Гвиз.
1926 *Н. Какурин.*—Как сражалась революция. Т. II. Госиздат

ВВЕДЕНИЕ.

Для большинства читателей наибольшее число вопросов должна, по всей вероятности, вызвать та часть книги, которая излагает историю башкир после февральской революции. Сложность обстановки и запутанность взаимоотношений действующих группировок в Гражданской войне, а также оценка их классовой структуры,—естественно может породить известные расхождения в трактовке событий недавнего прошлого. Поэтому для большей ясности нашего изложения необходимо сделать несколько вступительных замечаний.

На своем пути для объединения в общую семью трудящихся Советского Союза башкирские трудовые массы встретили целый ряд препятствий.

Башкирское национально-революционное движение по ряду причин возглавлялось вначале не российским пролетариатом, а зарождающейся мелко-буржуазной башкирской интеллигенцией (Валидов).

Основными причинами того, что национально-революционное движение башкирских трудящихся масс в то время руководилось башкирской мелко-буржуазной интеллигенцией, служили:

1. Тяжелое наследие русского царского правительства,— полная экономическая и политическая отсталость башкирского народа с зачатками его классовых группировок, как результат систематического захвата колонизаторами башкирских трудовых земель, лесов и пастбищ.

2. Под влиянием эсэров и кадетов, стремление русского кулачества (арендаторы) привело к самовольному захвату лучших башкирских земельных и лесных угодий в 1917—18 г.г.

3. Полное отрицание татарской буржуазией, правыми и левыми эсэрами и духовенством под флагом мусульман,—башкир, как народа, отличного по своим хозяйству, языку и культуре от татар, и в целях достижения этого провоцирование всеми доступными им средствами башкирского национально-революционного движения и вытягивание ими на арену „мусульманской общественности“ идеи создания государственного объединения мусульман внутренней России и Сибири.

4. Как следствие вышеуказанных причин—усиление недоверчивого отношения башкирских трудовых масс к русскому населению вообще, как к колонизатору, а к татарской буржуазии и духовенству, как к явным посягателям на свою свободу, и отсюда пробуждение широкого национального чувства, выразившееся в непреодолимом стремлении осуществить национальное самоопределение, как единственный источник завоевания политических и экономических прав бесправными.

Башкирская мелкая буржуазия своевременно удачно использовала широко популярный лозунг о самоопределении башкир, в котором экономически и политически отсталое башкирское население видело свое освобождение от векового колониального гнета, вследствие чего Башкирия охотно объединилась вокруг этого лозунга.

Этому сплочению башкирского народа, без различия его социальных групп, за исключением незначительной части крупной контр-революционной башкирской буржуазии во главе с Ишаном Курбангалиевым, в значительной мере способствовало отсутствие более или менее ярко выраженного классового содержания в самом башкирском народе, благодаря чему в процессе национально-революционной борьбы классовые группировки затушевывались, и этим самым весь башкирский народ в этот период составлял „якобы единую компактную нацию без различия интересов ее отдельных групп“.

Некоторые слои советской общественности того времени, не разбирая сущности этого башкирского национально-революционного движения, стали придавать ему явно контр-революционный характер.

Действительно, некоторые руководители башкирского национального движения того времени были яркими сторонниками буржуазно-демократического самоопределения. Они имели в виду всемерно поддерживать связь с учредительным собранием, полагая, что последнее без оговорок санкционирует явочно объявленную башкирскую территориальную автономию, и этим самым они оказались в то время противниками диктатуры пролетариата.

Впоследствии учредиловка, а также колчаковщина с своим Дутовым, беззастенчиво раскрыли свою истинную контр-революционную физиономию и этим дали знать башкирскому трудовому народу, что он не имеет права даже мечтать о своем национальном самоопределении. Такой оборот в поведении реакции резко изменил настроение не только большинства руководителей башкирского национального движения, в первую голову защищавшего интересы башкирской бедноты, но и меньшинства, стоявшего твердо на точке зрения целесообразности буржуазно-демократического самоопределения для башкирского народа.

С этого момента начинается бурный рост в стремлении башкирского трудового народа и войска связаться с российским пролетариатом и общими силами создать единый социалистический союз.

Конец 1918 и начало 1919 годов являются периодом изысканий путей к присоединению башкир к Соввласти. Только в день 18 февраля 1919 года переход башкирского трудового народа с его национальными войсками на сторону Советов становится фактом. Все же переход совершился не безболезненно. Отсутствие достаточного количества коммунистов-башкир в составе башкирских национально-революционных войск дало повод многим местным советским и военным работникам, недостаточно знакомым с основами национальной политики Соввласти, относиться с недоверием к переходившим частям башкирского национально-революционного войска и правительству. Вместо того, чтобы, согласно директив Верховного Советского командования, использовать переходившие в сторону Советов вооруженные башкирские силы для борьбы с контр-революцией, последние были не только не использованы, даже разоружены, что до некоторой степени не могло не отразиться на настроении только что с энтузиазмом присоединившихся к Соввласти башкирских солдатских масс и населения. Таким своим ошибочным подходом к башкирам местное командование вынудило часть башкирского войска даже отколоться снова от Красной армии и некоторое время пробыть в горах. Это обстоятельство внесло некоторое осложнение в политическую атмосферу Башкирии. Татарские левые эсэры, русское кулачество и скрытые контр-революционеры всяких национальностей и оттенков снова подняли свою голову. Реакционно настроенная часть башкир старалась эти ошибки тоже использовать в своих целях. Таким образом, Башкирия снова стала ареной некоторого национального антагонизма. Закий Валидов, глава башкирского движения того времени, в котором трудовые башкирские массы первоначально видели своего вождя, не оправдал их доверия в дальнейшем. Он оказался чужд духу Советской власти и постепенно превратился в ее врага. Подавляющее большинство башкирских работников, не взирая на некоторые ошибки, допущенные из-за своей неосведомленности местными советскими гражданскими и военными работниками, твердо было убеждено в том, что только диктатура пролетариата избавит башкирский трудовой народ от посягательств на его свободу и экономическо-политическое преуспеяние. Благодаря умелому и своевременному вмешательству центральных органов Советской власти в башкирские дела, указанному кругу башкирских работников удалось оторвать башкирские трудовые массы от жестокого плана Заки Валидова и воспитать в них твердое преданное отношение к Соввласти, как

к единственной защитнице интересов башкирских бедняков. Таким образом, идея Советской Башкирии сделалась настолько близкой башкирскому народу, что когда в 1920 году Валидов пытался осуществить свои враждебные замыслы по отношению к Советской власти, его не поддержали ни большинство башкирских работников, ни большинство населения.

Восстание 1920 года объясняется большим влиянием ушедшего от Соввласти Валидова на мулл и кулацкую часть башкирского народа, а также крайне пагубным методом борьбы против валидовщины бандитских отрядов типа Руденко—Поленова, выражавшимся в произвольных расстрелах и грабежах мирного населения. Недовольство, возникшее на этой почве, старались использовать всякие контр-революционные элементы.

Это восстание, раздутое не по своим размерам, в конечном итоге было ликвидировано главным образом усилиями самих же башкирских работников. Их усилия в основном сводились не к применению вооруженной борьбы, а к ликвидации восстания методами мирной агитации и пропаганды.

В связи с переходом Советской страны на мирно-хозяйственное строительство, ростом хозяйства самой Башкирии, принятием ряда принципиальных и конкретных мероприятий в области национального вопроса Центральным Советским правительством положение трудящихся слоев всех национальностей Башкирии коренным образом изменяется. Встает эпоха окончательного изжития наследства царского правительства—национального антагонизма и гнета и успешного совместного социалистического строительства.

При чтении данного очерка может показаться, что в нем уделено слишком много внимания нашим ошибкам. Но не надо забывать, что на своих ошибках мы учимся. Чем внимательнее мы анализируем эти ошибки, чем больше стараемся вскрыть их природу и устранить факторы, которые их порождают, тем более мы себя от них гарантируем. Автор надеется поэтому, что лица, которым дороги интересы советского строительства в Башкирии, дополнят и исправят эту работу, углубят изучение допущенных в бурный период революционных событий промахов и укажут пути их предотвращения на будущее время. Будет чрезвычайно отрадно, если в деле установления наитеснейшей связи между трудовыми массами Башкирии и трудящимися всего Советского Союза в совместной борьбе за строительство коммунизма свою долю пользы внесет материал, собранный в данной книге.

РАЗДЕЛ I.

ПРОШЛОЕ БАШКИРСКОГО НАРОДА.

ГЛАВА I.

От периода кочевья и подчинения Золотой Орде к русскому владычеству.

Происхождение башкирского народа.

Первые более или менее ясные упоминания о башкирском народе относятся к X веку нашей эры. Арабские писатели Ибн-Фацлан и Ибн-Даста (912 г.) сообщают о кочевом племени, жившем между землей печенегов и землей болгар, в котором историки определенно узнают башкир. Писавший около 950 г. персидский историк Абу-Зеид Эль-Балхи упоминает о племени „башджард", распадавшемся на две группы—одна жила в соседстве с болгарами, другая—в соседстве с печенегами. Первые восточные писатели, сообщавшие о племени „башджард", совершенно определенно считают его одним племенем, при чем из их свидетельств устанавливается, что этим именем они в одинаковой степени называют как башкир, так и венгров. Европейские писатели (итальянец Плано Карпини и фламандец Руисбрук) указывают на существование в Московии венгерского племени, жившего в стране, которую они называют „Великой Венгрией" (XIII век). К XIII веку относится интересное путешествие венгерского монаха Иулиана (1241 г.) к башкирам. Узнавши из преданий, что часть венгерского племени осталась далеко на Востоке, этот монах решился отправиться к своим братьям, с целью их обращения в христианство. По свидетельству Иулиана, благополучно вернувшегося из далекого путешествия, встреченный им народ понимал его речь, как и он сам понимал речь „восточных венгров".

Вопрос о происхождении башкир и их братьев—венгров привлек к себе большое внимание русских и иностранных ученых. Почти все исследователи соглашаются на родстве обоих народов, но спорят о происхождении общего их предка—„башджардов". Современные исследователи сильно затруд-

няются тем обстоятельством, что обе группы первоначально единого народа сильно смешались с теми народностями, с которыми они соприкасались втечение многих веков своей истории.

Современное изучение этого вопроса позволяет нарисовать такую схему происхождения башкир и истории их появления на Урале. Мадьяро-башкирское племя „башджард", по всей вероятности, финско-угорского (а может быть и тюркского) происхождения, уже в VI столетии нашей эры появившееся в Западной Сибири, кочует здесь, окруженное тюркскими племенами. В IX веке часть его (будущие венгры) двигается на Суздаль в Старую Угорию, увлекая за собой другие мелкие кочевые народы, и направляется далее на юго-запад. Другая часть продвигается на Урал и, смешиваясь с окружающими тюркскими племенами, образует башкирскую народность.

Башкиры до подчинения Золотой Орде.

Те скудные сведения, которые дошли до нас о башкирах до их подчинения Золотой Орде, рисуют их в качестве звероловов и скотоводов. Все башкирское племя делилось на роды и колена во главе с ханами и биями. Башкирам был известен род народного веча—зеин или джин, на котором сообща решались крупные вопросы. Князья (ханы) и родовые старшины (бии) сохранялись у башкир долгое время. В одной грамоте царя Федора Иоанновича, подтверждавшей указ царя Ивана Грозного, данный в 1557 году владетельному колену Осинской дороги на право вотчинного владения землей, упоминается князь Кантафер. В датированной 1700 г. башкирской челобитной встречается: „бьют челом... Умраска мурза, Ямметеев сын, князь Ишеев с братьями". В последовавшей ответной грамоте, данной на имя стольника и воеводы Пушкина, Ишеев называется также князем.

О родовом быте башкир говорят хорошо сохранившиеся до сего времени воспоминания о нем. До наших дней некоторые волости—прежние роды—тщательно сохраняют старые родословные, возводящие их к своему князю — родоначальнику. Мы еще не располагаем обобщающими работами по исследованию этих родословных: они должным образом и не собирались. В распоряжении общества по изучению истории быта и культуры башкир имеются три родословных дерева: два—минских башкир и одно—князя Шагали-Шагмана, из Тамьянского края, сын которого Джанга-Бирды, как гласит приписка около его имени, был у „Султана и Падишаха Московского".

Башкирские роды имели свои отличительные знаки—тамги, сохранившиеся до сих пор.

По некоторым сведениям (например, указания Абу-Зеид Эль-Балхи), башкиры до их покорения монголами были в известной зависимости от волжских болгар. Эта зависимость выражалась, повидимому, в уплате небольшой дани звериными шкурами и медом. К концу XII и началу XIII веков башкиры стали подвергаться культурному влиянию Средней Азии, Бухары и Туркестана, откуда стали появляться проповедники—„абисы". Нити между Башкирией и Бухарой оставались протянутыми до самого последнего времени. Не говоря уже о том, что лучшими считаются муллы, получившие образование в Бухаре, можно указать на существование в Башкирии сколков с бухарских духовных медресе, образцом которых являлось медресе в Стерлибашеве.

Эпоха Золотой Орды. При появлении на юго-востоке Европы орд Чингиз-хана башкиры сделались данниками Золотой Орды (ок. 1240 г.). Владычество монголов не было башкирам в тягость. Они были обложены легким ясаком и им были дарованы некоторые привилегии. Часть башкир (тарханы) [1] была освобождена от дани вовсе. Известия о жизни башкир во времена Золотой Орды почти отсутствуют. Есть указания на то, что башкиры в это время много перенесли от набегов ногайцев. При хане Узбеке (1313—1326 г.г.) в Башкирии окончательно утвердился ислам, заменивший старый башкирский шаманизм.

О времени проникновения ислама в Башкирию можно судить по некоторым сохранившимся древним мусульманским памятникам. Около ст. Чишмы, в полуверсте от оз. Акзират, до сих пор можно видеть „кашане" (здание)—гробницу Хуссеин-бека. На вделанной в окно старого здания мраморной доске, заменившей стершуюся надпись надгробного камня, куфическим арабским шрифтом (особый вычурный стиль для надписей) написано: „Справедливый среди Судей хаджи Хуссеин-бек из рода Тарсас в Туркестане — да простит его Аллах—умер в девятый день месяца Аллахом благословенного 744 г. (744 год Гиждры—это 1344 год христианской эры).

В теперешнем Мензелинском кантоне Татарской Республики на р. Зае, около дер. Кизыл-Кипчак, находится надгробный памятник, поставленный, как это видно из надписи, почти полностью прочтенной проф. И. Н. Березиным, Хассан—Билюку. Этот памятник позволяет утверждать, что ислам был в Башкирии значительно ранее его официального признания. В надписи указывается, что памятник поставлен „в год пришествия угнетения". Этой датой обычно называется год нашествия на болгар монголов, т. е. 623 г. Гиждры, или 1227 г. по нашему исчислению.

---

[1] Привилегированный класс того времени, своего рода „дворянство".

С распадением Золотой Орды башкиры находились в подчинении трех ханств: западная их часть — по рр. Белой и Ику — была подвластна Казани; башкиры, кочевавшие по реке Узеню, подчинялись Астрахани, и, наконец, северо-восточная группа родов платила ясак царям Сибирским. Подчинение было почти-что номинальным.

Соприкосновение башкир с русскими. Их подданство Москве.

Первыми из русских, которые столкнулись с башкирами, были новгородские ушкуйники, поднимавшиеся в своих торговых поездках по Каме и Белой. Летопись отмечает, что в 1468 г., в царствование Иоанна III, московские воеводы доходили до Белой Воложки (р. Белая). Запись 1508 г. в составе посольства Махмед-Амина, хана Казанского, к царю Иоанну III называет князя Уфимского Кара-Килимбета.

Когда произошло подчинение Башкирии царям московским—точно неизвестно. Карамзин в своей истории указывает на 1557 г. В материалах Д. С. Волкова имеется рукопись, указывающая на 961 г. Гиждры, что соответствует нашим 1555—1556 г.г. Условием подданства России — была неприкосновенность прав башкир на землю, что им было обещано Иоанном Грозным.

Управление Башкирией при Московской Руси.

На первых порах взаимоотношения между башкирами и русскими были мирными. Для облегчения сдачи ясака, первоначально доставлявшегося в Казань, башкиры просили построить им город. Так возникла Уфа, заложенная в 1574 г. боярином Иваном Нагим. Часть башкир была освобождена от податей (старые тарханы) и должна была нести военную службу. Эта служба русским началась в царствование Василия Шуйского (1606—1610 г.г.). В донесении воеводы князя Репнина о победе, одержанной в 1608 г. под Балахною, говорится, что в составе „понизовой силы“ [1], принимавшей участие в сражении, были и башкиры. Из грамоты царя Алексея Михайловича на имя Уфимского воеводы Алябьина явствует, что башкиры участвовали в делах против поляков под Москвой в отряде князя Дмитрия Трубецкого и после этого были в полку князя Д. М. Пожарского. Кроме того, тысяча башкир была в походе против крымцев.

Взяв под свою „высокую руку“ Башкирию, Москва тотчас же озаботилась закреплением за собой новой области: вслед за Уфой возникает ряд других городов—крепостей. По построении Уфы было учреждено Уфимское воеводство. Административные дела решались в так называемых приказных и съезжих избах. Уфимский воевода находился в ведении Казанского дворцового приказа. От времени царя Алексея Михайловича сохранился наказ, данный в 1664 г. воеводе

[1] Правительственных войск нижн. Поволжья.

Сомову и дьяку Родионову, в котором имеется немало подробных наставлений воеводе. Между прочим воеводе предлагается строго „надзирать" за сборщиками ясака и ограждать от них „уфимских всяких людей и татар и башкирцев", и от взятия с последних „посул и поминок". Говорится о недопустимости продажи башкирских земель. Здесь же имеется распоряжение о выдаче башкирам „за их службу против Сибирских царевичей" денежного вознаграждения новгородскими золотыми.

Башкирия в административном отношении была разделена на своего рода округа, называвшиеся „дорогами". Дорог было четыре: Ногайская, Казанская, Сибирская и Осинская. Ногайской дорогой называлась область к югу и к юго-востоку от Уфы. Сюда попали современные кантоны Стерлитамакский, Зилаирский и часть Белебеевского. Казанской дорогой считалась территория к западу и к северо-западу от Уфы—восточная часть Мензелинского кантона Татарии, западная часть Бирского кантона и небольшие участки Белебеевского и Уфимского. Сибирская дорога занимала северо-восток Башкирии. Сюда входили: восточная часть Уфимского кантона, восточная часть Бирского, весь Месягутовский кантон и бывший Златоустовский уезд Челябинской губ. Осинская дорога была расположена к северу от Уфы и тянулась узкой полосой по западному краю Осинского уезда. К дорогам не была прикреплена Зауральская часть Башкирии— б. Челябинский, Троицкий и Верхнеуральский уезды б. Оренбургской губ., от которой в составе Башреспублики остались Тамьян-Катайский и Аргаяшский кантоны и в которую входил также перечисленный в Челябинскую губернию Яланский кантон.

Вместе с построением городов появился в Башкирии и служилый люд—бояре, боярские дети, стрельцы, пушкари, подьячие, ставшие первыми колонистами края. Следующую группу поселенцев образовали ссыльные. При царе Алексее Михайловиче в Башкирию были посланы военнопленные поляки, позже—стрельцы. Если заселение края производилось по правительственной инициативе, то вместе с этим появлялись самовольные переселенцы из беглых крестьян, которых притягивала сюда привольная жизнь далекой окраины. Башкирские земли начали привлекать к себе земледельцев из соседних губерний, образовавших небольшие слободы.

Первые башкирские бунты.

Начавшийся захват земель вызвал большое недовольство башкирского населения, вылившееся в открытые возмущения. Башкирские восстания продолжались с небольшими перерывами вплоть до 1837 г., и втечение трех столетий русского владычества, если считать и более мелкие восстания, отмечено 76 „башкирских бунтов". Первым крупным движением башкир был

„мятеж“ 1645 г.; большие силы башкир подошли к Мензелинску, но были отражены с большими потерями. Через 17 лет вспыхивает восстание около Уфы, для усмирения которого пришлось выслать особый отряд из Москвы. Но едва стольник и воевода Языков сумел справиться с этим восстанием, в 1664 г. возникает еще более сильное, так называемый Сеитовский бунт, продолжавшийся около пяти лет. В этом восстании, совпавшем с движением Разина, башкиры были не одни. К ним примкнули мещеряки, татары, калмыки, киргизы. Под предводительством старшины Сеита повстанцы имели ряд значительных успехов над малочисленными правительственными отрядами, и русские поселения были преданы огню и мечу. С отпадением Киргизского хана Аюки движение несколько замирает с тем, чтобы вспыхнуть с новой силой в 1677 г., когда башкиры подступили к самой Уфе. В 1680 г. присланному из Москвы воеводе Федору Васильевичу Зеленину как будто удается водворить порядок, но через три года в районе Мензелинска снова разгорается восстание, за которым следуют непрерывные волнения до XVIII века.

Башкирия при Петре. Алдаро-Кусюмовский бунт

Завести торговые сношения со Средней Азией было заветной мечтой Петра. Если другие неотложные дела не позволяли ему уделять много времени восточному вопросу, то им все же делались попытки проникнуть в области, лежавшие на юго-восточной границе государства (например, неудачный Хивинский поход князя Бековича-Черкасского).

Граничившая с Башкирией Киргизская степь казалась Петру ключом к Азии. Посылая полномочное лицо для подчинения России Киргиз-Кайсакской Орды, Петр указывает, что „хотя оная Киргиз-Кайсакская Орда—степной и легкомысленный народ, но она всем азиатским странам ключ и врата, и той ради причины оная Орда потребна под Российской протекцией быть, чтобы только через их во всех странах коммуникации (сношения) иметь и Российской стороне полезные способные меры взять“. Однако, до осуществления этого плана русским надо было прочно укрепиться в Башкирии, и Петр особенно заботится о том, чтобы „во всю полуденную Азию путь отворить и своевольный башкирский народ навек обуздать“. Занятый войной со шведами Петр поручает управление краем воеводам и комиссарам, которые очень мало способствуют „умиротворению Башкирии“. Их злоупотребления и притеснения приводят к бунту, известному под именем Алдаро-Кусюмовского, начавшегося в 1704 г., который разросся к 1707 г. в сильнейшее народное восстание. Бунт длился, временами несколько затихая, до окончания шведской войны. Причины восстания башкиры

объяснили в челобитной (прошении), поданной впоследствии Петру: „разорение было не от нас: мы ясаки платили и подводы давали и службу служили, а приехали в Уфу город Михайла Духов, Андрей Жихарев, и наложили на нас тягости, которые на отцах наших наложены не были. 72 статьи прибыли наложили. Надеясь на твою высокую милость, мы с ними спорили. Да после того приехал к нам Александр Саввич Сергеев со многими полками и брал много подвод и многими бедами нас изнурял; призвал наших добрых выборных людей, поил зельем и вином и порохом жег навлет, многих людей там до смерти поморил, бил, мучил и в крепкие места запирал, стращал, что повесит, изрубит, и брал сказки [1], что великому государю дать бы пять тысяч лошадей да тысячу людей и выборные люди поневоле сказки дали“. Жалобы башкир на Сергеева были основательны. Действительно, самое начало своего правления Сергеев ознаменовал небывалым злодейством. По установившемуся обычаю он созвал в Уфу выборных старшин, батырей и тарханов. Получивши в подарок только 22 лошади, Сергеев решил дополнить приношения объездом вверенной ему области. По мере приближения отряда комиссара жители убегали в леса и степи вместе с женами и детьми. Вернувшись ни с чем в Уфу, Сергеев снова велел собраться выборным. Когда их собралось очень немного, он распорядился загнать в огороженный двор всех, кто подвернется под руку, и устроил для них своеобразный „пир“. Под угрозой палочных ударов несчастных заставили пить вино с каким-то зельем. Под одурманенных людей подкладывали солому и зажигали, ставили на руки зажженные свечи, на некоторых сыпали порох и поджигали. В ограду были введены пушки, и из них стреляли до вечера. В течение дня сам Сергеев расхаживал между лежащими и наводил на их лица зажигательное стекло. После этого злодейства Сергеева терпение башкир лопнуло, и они начали открытые враждебные действия.

Башкиры, к которым присоединились каракалпаки, киргизы, часть татар, мещеряков и других ясачников, двинулись под предводительством Алдара Кусюма на Уфу. Навстречу им был двинут почти тысячный отряд Петра Хохлова, а из Казани были посланы Сидор Аристов с конным отрядом в 770 человек и полковник Рыдарь с солдатскими полками. Осадивши отряд Хохлова, повстанцы отняли от него провиант, взяли в плен половину отряда, и он с трудом пробился к Табынску, где и присоединился к войскам Аристова и Рыдаря. Волнение приняло громадные размеры; башкиры были в 30 верстах от Казани. Все русские деревни по Каме, Белой и Самаре были разграблены. Церкви, усадьбы и хлебные склады

[1] Списки податных сословий (заведенные Петром I) с 1722 г.

были сожжены. Крестьян убивали или вместе с женами и детьми продавали в рабство в Бухару, Хиву и Крым. Негодных для продажи малолетних детей и стариков сажали на колья или давили на заборах (разбирали бревенчатые заборы и, вкладывая в промежутки между бревнами головы, давили сверху).

Движение все время разросталось. Казанский вице-губернатор Кудрявцев доносил Петру, что и Казанский уезд поднимается: восстали башкиры и волнуются чуваши. Усмирение восстания было поручено князю Петру Ивановичу Хованскому, которому было указано добиться успокоения во что бы то ни стало, прибегая к мирному воздействию. Однако, попытки переговоров не удались. Все русские и вотяцкие деревни между Камой и Волгой были разгромлены. Правительственные войска начали действовать. Отряд под начальством Бартенева, высланный Хованским, оттеснил башкир к Уфе. Вскоре атаман Невежин нанес им поражение около Билярска. Когда в поход двинулся сам Хованский со значительными силами, башкиры послали к нему парламентеров для заключения мира. Зачинщики были выданы и казнены. Рядовым участникам бунта было объявлено прощение. Петр жестоко расправился с виновником разорения, комиссаром Сергеевым он был повешен на площади в Казани. Тем не менее движение башкир не затихло. Через три года после казни Сергеева они снова заволновались и послали людей к калмыкам, крымцам и на Кубань, приглашая мусульман присоединиться к большому восстанию против русских, но гонцы были перехвачены, и на первое время опасность новых неприятностей от башкир была предотвращена.

Здесь уместно отметить, что из всех русских областей с мусульманским населением Башкирия своими постоянными волнениями доставила русскому правительству едва ли не больше всего беспокойства. Вместе с тем она явилась первой окраиной государства, пытавшейся сплотить в один союз русских мусульман для совместной борьбы против насильственной ассимиляции.

После усмирения Алдаро-Кусюмовского бунта правительство постаралось принять меры к улучшению положения башкир. В кратковременное царствование Петра II был издан указ (24 октября 1729 г.), которым приказывалось „сборщиков к башкирцам, для ясачного сбора по древнему их башкирскому обыкновению, посылать русских людей добрых и смирных и пожиточных, на их подводах без прогонов, а будучи им, сборщикам, у того сбору, им, башкирцам, никаких обид и налог под жестоким наказанием не чинить, чего ради при каждой посылке давать им инструкции".

Систематическое „устроение" края было начато при Анне Иоанновне. Правительством были приняты меры к скорей-

шему обрусению края и прочному его заселению русскими. В этом отношении особенно потрудились начальники Оренбургского края Кириллов, князь Урусов и Неплюев.

Из мер к колонизации Башкирии в царствование Петра I можно указать только на небольшой эпизод: высылку на поселение в Башкирию партии возмутившихся стрельцов (1711 г.).

ГЛАВА II.

Утверждение русского владычества и период больших восстаний башкирского народа.

Проект Кириллова. Для большей твердости русского господства за Волгой, в связи с подданством России Киргизского хана Абдул-Хаира, было решено укрепить южную границу Башкирии. Русские крепости должны были разделить два кочевых народа и дать возможность с большей легкостью справляться с обоими.

Обер-секретарем Сената Иваном Кирилловичем Кирилловым был составлен проект постройки при устье р. Ори укрепленного города, который должен был служить базой для обширной торговли со средне-азиатскими ханствами и Индией. В мае 1734 г. проект получил одобрение, и Кириллов, которому в качестве помощника был дан полковник Кутлу-Магомет (Алексей Иванович) Тевкелев, игравший видную роль в деле подчинения киргиз России, начал готовиться к экспедиции. Эта экспедиция послужила поводом к сильному восстанию башкир, длившемуся с 1735 по 1740 г.г. и стоившему больших жертв и усмирителям и, в особенности, усмиренным. Она знаменует также начало крутых мер правительства к „искоренению“ башкирского народа и укреплению своего владычества в Башкирии. Это же восстание замечательно попыткой башкир образовать самостоятельное ханство, во главе с совершенно независимым от России башкирским ханом.

Ход экспедиции. Башкирский бунт 1735—1740 г.г. Когда Кириллов прибыл в Уфу и стал деятельно готовиться к походу на Орь, видные башкиры определенно заявили, что построения города они не допустят. Вести о походе Кириллова проникли в Башкирию еще до его приезда в Уфу, и башкиры, во главе со старшинами Кильмяк-Абызом, Акай-Кусюмом, Умером, Сабаном и Юсупом и др., были уже готовы к вооруженному отпору. Передать о своем решении Кириллову башкиры поручили трем уполномоченным, которые, ссылаясь на обещания царя Иоанна Грозного оставить им их древние обычаи и выразив протест против постройки

русских городов вообще, объявили, что Оренбурга на их земле не будет. Как заявили уполномоченные, башкиры не могут допустить постройки нового города и будут сами заботиться о себе, защищая свою свободу, при чем, так как русские первые нарушили свое слово, они не считают себя больше подданными России. Между прочим, в посланном в августе 1735 года уже из Оренбурга (Орска) подробном докладе Кириллов так сообщил об отношении башкир к своим столкновениям с русскими. „Ныне слышу" пишет он: „прежние бунты называли истяки (башкиры) не бунтами, но войной с русскими, за каковое слово всяк, кто из них назвал бунт войной, должен был по последней мере в ссылку послан быть".

Кириллов не обратил внимания на заявление башкир, а Тевкелев запытал посланных до смерти и произвел суровый розыск. Восстание началось. Начальник Екатеринбургских заводов Василий Никитич Татищев и Казанский губернатор граф Платон Мусин-Пушкин указывали Кириллову на серьезную подготовку башкир к бунту, но он в их известия не поверил. Враждебные действия начались с нападения на отряд Вологодского полка, шедшего под командой подполковника Чирикова на соединение с Кирилловым. Отряд потерпел тяжелые потери, и его остатки с трудом пробирались к главным силам Кириллова. Затем башкиры стали вести партизанскую войну, нападая на обозы и мелкие части русских.

Несмотря на сопротивление башкир и продовольственные затруднения, Кириллов достигает устья Ори и закладывает (август 1735 г.) новую крепость.

Между тем восстание разгорается. Из Казани на помощь Кириллову направляется Мусин-Пушкин, а затем назначается специальное лицо для подавления „башкирского замешания"— генерал-лейтенант Александр Иванович Румянцев, которому были даны в этом отношении особые полномочия. Кириллов и Румянцев сильно расходились во взглядах на способы умиротворения башкир. В то время как Кириллов рекомендовал розыск и казни, Румянцев думал поладить с башкирами мирным путем. В ноябре 1736 г., донося, что башкирское возмущение утушено (как это ему казалось), он пишет, что бунтовщиков наказать нельзя за отсутствием достаточного количества войск и их плохим материальным снабжением. Императрица Анна Иоанновна одобрила меры Румянцева, ответив в указе на его имя, что, хотя „милостивые и добрые способы" к утушению замешания ей и нравятся, однако, „с другой стороны, в консидерацию (соображение) приходит, что ежели сие от башкирцев происшедшее восстание... без всякого наказания упустить, то бы сим впредь такие ж противности начинать неповадно было б", почему и повелевает наказать главных виновников, особенно Кильмяк-Абыза и Акая.

К концу 1735 г. восстание пошло на убыль, но 1736 г. начался новыми грозными выступлениями, вызвавшими появление указа 16 февраля, предлагавшего принять самые решительные меры к ликвидации волнений. Численность правительственных войск в Башкирии была увеличена. Над башкирами была произведена жестокая расправа. В 1737 году Кириллов вместе с бригадиром Хрущевым (Румянцев в это время был переведен на Украину) собрался окончательно раздавить восстание, разделив имеющиеся русские войска на пять отрядов, которые должны были окружить башкир со всех сторон, „главных заводчиков и товарищей их, до сих пор не пойманных, искоренить, остальных же привести в полное подданство". Планы Кириллова и Хрущева были одобрены, но смерть Кириллова помешала закончить начатое дело „искоренения", порученное Татищеву и затем кн. Урусову. От деятельности Кириллова, жестокого укротителя башкирского народа, кроме жутких воспоминаний о расправах, остались, между прочим, ценные материалы — донесения о тех несправедливостях и грабительстве его предшественников по управлению краем, которые были причиной постоянных возмущений башкир.

В краткий период управления Татищева (1738—1739 г.г.) бунт стих почти совершенно. В 1738 г. киргизский хан Абдул-Хаир обнаружил было претензию на башкирский престол. Он взял в жены башкирку и стал проявлять враждебные действия по отношению к правительству. Но Татищеву удалось уладить дело: Абдул-Хаир при личном свидании с ним подтвердил свою верность России. При сменившем Татищева кн. Урусове (1739—1741 г.г.) волнение башкир снова разгорелось. Руководителем его явился старшина Аландзагул, которому, по его собственному признанию, принадлежала мысль о провозглашении самостоятельного башкирского ханства под главенством хана Султан-Гирея (Карасакала).

Карасакал. Среди деятелей башкирского движения (1735—1740 г.г.) особенное внимание привлекает к себе Карасакал, „нареченный хан Башкирии".

О том, кто был Карасакал, не имеется точных сведений: его называли кубанцем, турком, киргизом, калмыком. Башкиры во главе с Аландзагулом утверждали, что он простой башкир Ногайской дороги Юрматынской волости Миндегул. Так или иначе, в истории башкирских войн за самостоятельность ему принадлежит исключительное место.

Первоначально Карасакал явился к ханам Большой, Средней и Малой Киргизских Орд и объявил, что он сын Зюнгорского (Калмыкского) хана, брат незаконно царствующего хана Галдан-Черипа. Враждебные зюнгорам киргизы приняли его ласково, но реальной помощи для борьбы с братом не оказали. Карасакал жил окруженный почетом со стороны Абдул-Хаира

и знатнейших киргиз и стал привлекать к себе всеобщее внимание. Претендент на Зюнгорский престол был человеком далеко незаурядным. Он был выдающимся воином и наездником и обладал такими познаниями арабской духовной мудрости и таким знанием восточных языков, что приводил в изумление всех слышавших его ученую речь и мудрые толкования Корана. Вождям башкир, до которых дошли слухи о появлении у киргиз замечательного человека, Карасакал показался избавителем, ниспосланным провидением для спасения исстрадавшейся Башкирии. Его имя было сообщено в Башкирию и подхвачено с восторгом. На совещании башкир было решено до окончательного изгнания правительственных войск назвать его будущим или нареченным ханом.

Среди народных собраний Карасакал появился в районе современного Тамьян-Катайского кантона. Он не отрицал, что его главнейшая задача—добиться законной власти над зюнгорами, но что теперь, видя страдания мусульманского народа, он забыл личные дела и готов вместе с башкирами биться с неверными. Карасакал указывал на помощь, которую башкиры могут получить от киргиз и турецкого султана, будто знавшего его лично. Приняв начальство над значительным отрядом, Карасакал, однако, не объединил всего командования, хотя и действовал с большими силами, чем другие предводители, и на более обширной территории (преимущественно на востоке Башкирии).

Карасакал имел широкие замыслы. В случае успешности хода военных действий, он думал восстановить Казанское и Астраханское ханства. Ему принадлежит первая попытка примирить башкир с их припущенниками (инородцы-мусульмане, поселенные на башкирских землях) для совместного выступления против русских войск. Не в пример своим предшественникам в тех случаях, когда припущенники не соглашались присоединиться к войскам башкир, он не разорял их селений. Карасакал принимал одновременно все меры к тому, чтобы прекратить раздоры между башкирами и киргизами.

Свои военные действия Карасакал начал в верховьях Яика (Урала) и к востоку от него. Здесь им были разорены деревни, населенные „сибирскими слобожанами“ (русскими беглыми крестьянами). Затем он перекинулся к югу, где Кириллов закладывал Оренбург (нынешний Орск). Войска Карасакала наделали немало бед Кириллову. При столкновениях взаимное ожесточение дошло до крайних пределов. Русские жители убивались и сжигались заживо, сжигались дома и церкви, из могил вырывались трупы, и кости их подвергались поруганию. Нечего и говорить о том, что с пойманными башкирами поступали не менее жестоко. Усиление русских войск позволило вести довольно удачную войну с башкирам,

но отряд самого Карасакала, оперировавший в Исецкой провинции (в районе Челябинска и Троицка) не легко поддавался. Когда, наконец держаться не было возможности, Карасакал бежал к киргизам. Несмотря на требование о его выдаче, киргизы отвечали, что они не могут выдать отдавшегося под их покровительство члена зюнгорского владетельного дома; и Карасакал жил спокойно в Орде, пока неудача предпринятого им похода в Зюнгорию для отвоевания у брата трона не заставила его скрыться окончательно.

Преследование и казни восставших и меры к прочному обрусению края.

Бунт 1735—1740 г.г. развязал руки правительству. За башкирами была определенная вина, позволявшая приступить к репрессиям. К ним принадлежали, с одной стороны, преследования и казни участников бунта, и с другой—общие меры к обеспечению спокойствия на будущее время.

По отношению к жертвам восстания мы располагаем цифровыми данными из разных источников. По сведениям Рычкова, бывшего секретарем „Оренбургской комиссии", за пять только лет по официальным донесениям сожжено 300 башкирских деревень, казнено 7.455 человек, сослано в каторгу 135 человек, отдано помещикам башкирских жен и детей 2.282 человека.

По сведениям „Мензелинской комиссии" казнено и убито 9.438 чел., роздано женщин и детей 6.309 человек, сожжено 396 деревень. Поскольку эти данные относятся к жертвам только „регулярных людей" (войск и агентов правительства), количество жертв восстания вообще (от казаков, мещеряков, верных башкир) должно быть значительно выше, как это предполагает и сам Рычков. Более 5.000 башкир еще при Кириллове было отправлено в Остзейские полки и на работу в Рогервик (Балтийский порт). Нельзя обойти молчанием и материальных взысканий; у башкир было отобрано до 20.000 голов лошадей и разного скота и, кроме того, от продажи лошадей выручено 9.828 руб. 29 коп., что, при низкой стоимости скота в те времена, указывает на очень большое число реквизированных животных.

Казни отличались большой жестокостью, В августе 1740 г. около прежнего Оренбурга (Орска) была произведена „экзекуция". Башкиры Юнус Исмагилов, Джиангул Усекеев, Карабаш Углеялов, Якуб Касишев были посажены на железные колья. Одиннадцать человек было подвешено на железные крючья за ребра, 80 человек было повешено на веревке, 21 человеку были отрублены головы, в том числе и упорному Ангулову, умершему до казни от добровольной голодовки. В Сакмарском городке в сентябре того же года имела место другая экзекуция. 125 человекам были отрублены головы, 50 человек было повешено, 301 человеку были отрезаны уши и носы.

Построение крепостей. Правительство видело, что карать бунты было недостаточным; их необходимо было прекратить в самом зародыше. Поэтому оно, подавляя уже вспыхнувшие восстания, стало принимать по отношению к башкирам меры военной предосторожности: окраина стала покрываться сетью укреплений, долженствовавших отделять ее от казанских татар и киргиз и разрезать страну внутри. Возведение укреплений началось с сооружения Закамской линии, к постройке которой было приступлено в 1732 г. под наблюдением тайного советника Ф. В. Наумова. Начинаясь у пригородка Алексеевка, при слиянии р. Кинеля и р. Самары, линия шла на север к реке Соку, идя далее по левому берегу этой реки на р. Шемшу и оканчивалась Кичуйским фельдшанцем. В 1736 г., как это видно из донесения Кириллова в кабинет, в пределах тогдашнего Оренбургского края было 21 укрепление, не считая пригородка Алексеевска и гор. Самары. Эти укрепления были следующие: 1) крепости: Оренбургская (Орская), Губрелинская, Озерная; 2) форпосты: Средний, Бердский, Крылов, Караульный, Верхний, Сорочий, Тоцкий; 3) укрепления: Бузулукское, Борское, Красно-Самарское, Табынское, Красно-Уфимское, Елдятское, Кубовское, Миасское, Кызылташское, Чебаркульское и Калмыцкий брод. Расстояние между этими пунктами колебалось от 65 до 35 верст, и связь между ними могла поддерживаться сравнительно легко. При Татищеве список крепостей и укреплений дополнился следующими: Тевкелев Брод (Новосергиевское), Переволоцкое, Чернореченское, Ельшанское, Карагайское, Иткульское. Урусов и Неплюев докончили сеть укреплений, которая, однако, как показало восстание Пугачева, не оправдала возлагавшихся на нее надежд.

Органические меры против „своевольства" башкир. Мерами пресечения бунтов и военной предосторожности башкирский вопрос, понятно, решен быть не мог. Для обеспечения спокойствия области необходимо было приступить к коренным реформам. Первый начальник Оренбургского края Кириллов рекомендовал насильственное уменьшение численности башкир, которое, по его мнению, могло быть достигнуто взятием их на военную службу. „За время, которое они там (на службе) пробудут"—писал Кириллов, в своей докладной записке: „жены без плода останутся, а которого убьют, тот вовсе не возвратится". Свою мысль Кириллов подкрепляет интересной ссылкой на то обстоятельство, что „так исстари наблюдали эту политику во всем государстве над татарами; во время шведской, польской и турецкой войн везде их посылали, перед войсками на пропажу, вменяя в службу, а на самом деле затем, что они в домах ненадобны". Подавши мысль, Кириллов, однако, впоследствии не счел возможным приступить к ее проведению в жизнь, и когда

по представлению Румянцева (январь 1737 г.) ему было предписано нарядить на службу до 3.000 башкир „под предлогом турецкой войны, а в действительности для уменьшения числа их и приведения в слабость“ он постарался настоять на отмене распоряжения. Тем не менее идея Кириллова неоднократно применялась впоследствии.

В другой докладкой записке Кириллов предлагает раздавать „воровские земли“ русским, татарам и мещерякам, построить городки, населив их мешеряками. С неособенно виновными („непущими“) башкирами он советует поступить следующим образом: „Непущих (зачинщиков) и детей мужского пола, годных в ссылку, в Остзею послать, а жен и детей, девок, развесть во внутренние города и раздать, кто взять похочет... чтобы корень их был вовсе вырван, и впредь отростков таких, как один главный вор Акай, живущий на Яицких вершинах Юрматынской волости (не давал): отец его Кусюм за бунт в тюрьме замучен, а дед повешен, а ежели тогда дети отосланы были в ссылку, то бы ныне внук не воровал“. Здесь имеется в виду не только усмирение, но и искоренение.

На представление Румянцева и Кириллова о мероприятиях по усмирению башкир последовал указ 11 февраля 1736 г., в котором при предписании о пресечении и расправе приказывается произвести коренную ломку существовавших в Башкирии податных и земельных отношений. Указом было предписано служилым и мещерякам „от башкирцев быть отделенными“: земли, за которые они платили башкирам оброк, было велено им дать на вечные времена в безоброчное пользование. То же было сделано и по отношению к тептярям [1]. Затем был снят еще существовавший запрет с башкирских земель. „Хотя по прежним указам и воеводским наказам“, гласит указ: „в Уфимском уезде у башкирцев земли и угодья покупать и крепить не велено, однако ж ныне усмотрено, что то запрещение им, башкирцам, весьма неполезно; того ради, для лучшей их впредь пользы, указали мы то запрещение отменить, и впредь, с сего указа, земли и угодья тамошним жителям—дворянам и офицерам и мещерякам [2] у башкирцев покупать и за себя крепить позволить“. В этом же указе мы находим заботу правительства об ослаблении связи башкир с мусульманскими народами и об ограничении их древних вольностей. С казанскими татарами башкиры впредь могли вступать в брак только с разрешения Казанского губернатора, и „кому по прошению дозволено будет, с каждой

---

[1] Финское племя, принявшее ислам, перекочевавшее в Башкирию в период восстания башкир против русского правительства. В настоящее время тептяри обашкирились, называя себя „новыми башкирами“.

[2] Народность, близкая к башкирам; некоторые историки считают, что мещеряки ведут свое начало от гуннов.

свадьбы брать по лошади драгунской, а кто без позволения женится, с таких брать по три лошади драгунских".

Башкирам было запрещено иметь не только оружие, но и кузницы. Право собираться для совместного обсуждения общих вопросов было отнято. Оставлен был только „обыкновенный старинный сбор о семике", где было разрешено один день съезжаться на реке Чесноковке и „тогда о нуждах мирских советовать и письменно доносить и бить челом". Вероисповедные дела и мусульманское просвещение были взяты под строгий контроль. Было указано „в башкирах ахунам быть по одному на дороге, итого четырем, и тем ахунам чинить особые присяги, дабы им о всяких худых поступках объявлять и не таить и никого из других вер в свой закон не приводить и не обрезывать, без указов мечетей и школ не строить, а который ахун из них умрет, то на их места с челобитья, усматривая верность, определять".

Этот указ существенно видоизменял отношение правительства к башкирам. Они являлись теперь уже не живущими по обычаю дедов данниками, обязанными только ясаком и службой, но их внутреннее устройство стало подвергаться строгой регламентации и надзору.

Свободная колонизация. Заводы.

Указ 11 февраля 1736 г., разрешая свободную продажу башкирских земель, знаменует собой начало свободной колонизации угодий старых башкирских вотчинников. Поощряемые правительством и прельщаемые выгодностью предприятия, энергичные дельцы из соседних областей устремляются на почти даровые земельные участки. В годы, непосредственно следующие за изданием указа, начинают множиться горные заводы, история возникновения значительной части которых связана с именем сибирского купца Ивана Твердышева и его компаньонов Мясникова и Мосолова. Потерпев неудачи в ведении горнозаводского дела хозяйственным способом, правительство, и в частности берг-коллегия (орган, ведавший горной промышленностью), решили обратиться к частной инициативе. Первым предпринимателем, изъявившим желание взяться за это дело, и явился Твердышев, наживший себе состояние поставкой мяса в войска. В 1744 г. Твердышеву передается Шильвинский завод (построен в 1734 г.), в 1745 г. Воскресенский (построен в 1737 г.). Затем возникают один за другим заводы: Преображенский (1748 г.), Архангельский (1753 г.), Катав-Ивановский (1755 г.), Усть-Катавский (1758 г.), Юрезанский (1758 г.), Белорецкий (1768 г.), Симский (1761 г.), Миньярский (1771 г.) и Минский (1779 г.). В одном указе берг-коллегии имеются записи количества купленной заводами земли и заплаченных за нее сумм. Для Архангельского завода было куплено 356 квадратных верст и 44 десятины за 200 рублей. За земли, прирезанные к Воскресенскому заводу на

огромном пространстве, заплачено 150 руб. Земли под рудники покупались особо. Площадь в 250 саж. в длину и 200 саж. в ширину называлась „местом“. За 482 отведенных места по одной заводской купчей заплачено 185 руб., по другой—за 25 мест—15 руб. Не дороже платили и за леса. Белорецкий завод купил 300.000 десятин строевого леса за 300 руб., Авзяно-Петровский и Катавский купили право вырубки (на вечные времена) 180.000 десятин леса за 20 руб. Обычно же заводчики обходились и без покупки леса: они просто выговаривали себе право бесплатной эксплоатации лежащих вблизи заводов лесных угодий и пользовались им в самых широких размерах.

Первоначально для работ на заводах привлекались башкиры, но дело с ними из-за отсутствия у них навыков к заводской работе, вследствие частых недоразумений на почве эксплоатации их заводской администрацией, не ладилось. Заводы стали прибегать к услугам беглецов и раскольников, что вызвало суровые преследования со стороны гражданских и духовных властей, нарушавшие нормальный ход работ и создавшие резко оппозиционное настроение населения заводов. Как бы то ни было, заводы и их подсобные селения все время увеличивались. Они стали походить на русские укрепления. В них имелась своя заводская полиция, нередко бывали церкви и школы. На случай приезда владельца имелся „дворец“ с многочисленным штатом дворни. Заводам не хватало только укреплений. Правда, по ходатайству некоторых владельцев берг-коллегия в начале Пугачевского движения разрешила возводить валы, но разрешение не было использовано: заводчики увидели, что крепости могут держаться только при условии верности гарнизона, на что они не могли расчитывать.

Два последних крупных восстания Батырши Алеева и Пугачева.

Восстание Батырши. После усмирения бунта 1735—1740 г.г. правительство стало хозяйничать в Башкирии, как в совершенно подчиненной ему области. Его агенты прилагали усилия к ассимиляции башкир и в особенности народов, живших в качестве их припущенников [1]. К этому времени относится подчинение киргиз и насильственное обращение в христианство калмыков, кончившееся их бегством в Китай. Русский натиск на мусульманский восток, на Среднюю Азию, начал приобретать все большую силу. Вполне понятно, что агрессивная политика правительства создала удобную почву для объявления священной войны против неверных, а Башкирия, только что начавшая испы-

[1] „Припущенниками“ называются родственные башкирам народности, живущие на башкирских землях, на основе владения. Тем же названием иногда обозначаются и башкиры, переселившиеся в данный район из другого.

тывать последствия хозяйничания чужеземцев, сделалась главной ареной военных действий.

Пятнадцать лет начальник Оренбургского края Иван Иванович Неплюев (1742—1759 г. г.), тонкий дипломат и „прекрасный администратор“, но только в духе воинствующего русского национализма, поддерживал среди башкир полное спокойствие. Но в 1755 г. башкиры поднялись снова. Организатором и руководителем движения был мешеряк мулла Батырша Алеев. Еще в 1754 г. Батырша объездил всю Башкирию с целью подготовки восстания. Пропаганда Батырши имела большой успех. В том же году он склонил к восстанию немало башкирских родов-волостей. На общем собрании старшин было решено действовать вместе с казанскими татарами, киргизами и другими тюркскими племенами. Затем Батырша принялся за рассылку своих „наставительных и разжигательных“ писем. Он приглашал всех русских мусульман, доведенных до крайнего разорения, отложиться от России, не чинить никаких служб, не допускать строить городов, крепостей и заводов и изгнать из своих пределов представителей русской власти. Батырша увещевал башкир, „сохранивших чистую веру“, приготовлять военных лошадей, сабли, копья, луки и стрелы и начинать, повинуясь воле Аллаха, разорять неверных россиян для того, чтобы смочь избавиться от них вовсе и начать жить свободно: „умножить мечети и построить училища“.

Срок всеобщего восстания был назначен на 10 июля 1755 г. По словам Батырши, Турция оказывала мусульманам помощь, в Астрахань, мол, пришли сильные войска, и шли вести о присылке новых армий.

Временное пленение Батырши не примкнувшим к восстанию старшиной Янышем, представившим Неплюеву текст его возвания, заставило приступить к действиям ранее срока— в мае. Сейчас же после бегства Батырши из рук Яныша поднялась Бурзянская волость. Восставшие башкиры убили присланного из Петербурга для добывания цветных камней каменотеса, разбили почтовый стан по Илецкому тракту, убили несколько чиновников и проезжих и сожгли медеплавильный завод графа Шувалова. Затем восставшие, числом до 10.000, бежали к киргизам с целью соединения с ними и совместного выступления. Киргизы заволновались.

Начальник края Неплюев, бывший до назначения в Оренбург послом в Турции, был прекрасно знаком с восточным вопросом, знал во всех подробностях обстоятельства движения русских на восток, сопротивление тюркских народов и роль Турции в их отношении к русским и, наконец, слабые места каждого народа—взаимные нелады и старые распри. Из этого знания он извлек для себя большую пользу, сумев разделить объединившиеся на почве национального и культурно-быто-

вого родства национальности напоминанием о старых взаимных обидах.

К башкирам собирались примкнуть киргизы. Неплюев написал наместнику Калмыцкого ханства Дундуку о присылке 1.000 калмыков для наказания киргизских дерзостей. Он напомнил о старых счетах калмыков с киргизами, и последние охотно откликнулись на его зов. Башкирским припущенникам Неплюев указал на их новые земельные льготы, дарованные им императрицей, и объяснял восстание башкир их желанием вернуться к старому порядку в земельных отношениях. В результате этого мещеряки и тептяри отпали от башкир и встали на сторону правительства. Неплюев сумел в короткий срок подтянуть достаточное количество войск для решительного подавления бунта. В начале восстания в его распоряжении было три полка. Он тотчас двинул их вглубь страны и распорядился не щадить ни людей, ни жилищ. Были срочно вызваны 1.000 яицких и 1.000 донских казаков и 4 регулярных полка из Казанской губернии. Неплюев действовал и силой и хитростью. К киргизам были отправлены подложные листы от имени одного уважаемого оренбургского муллы, в котором говорилось, что мулла, якобы, радуется подвигу своих единоверцев, но башкиры народ вероломный и непостоянный, и киргизы могут сделаться жертвой их предательства. К башкирам от имени того же муллы было написано то же самое с указанием на опасность общих действий с киргизами. От своего имени Неплюев предлагал 1.000 рублей за голову Батырши и 500 рублей за 10 его ближайших сподвижников.

Восстание, кровавое и жестокое, продолжалось недолго. После нескольких поражений башкиры начали переправляться через Яик к киргизам, вместе со всем имуществом, женами и детьми, разоряя и сжигая попадавшиеся им по пути деревни. Затушил восстание дипломатический прием Неплюева. Он объявил киргизам, что государыня императрица, видя их верность России, жалует им жен, детей и имущество перешедших к ним башкир в полную собственность, при условии высылки всех мужчин обратно за Яик. Грамота оказала магическое действие. Киргизы, только что собиравшиеся подняться вместе с башкирами, почуяв добычу, обратились в их врагов. Далеко не всем башкирам-мужчинам удалось вернуться обратно, потеряв жен, дочерей и все имущество. Неплюев остался какбудто посторонним зрителем. Вернувшиеся остатки башкир принесли повинную и стали просить разрешения перейти снова Яик для мести киргизам. Неплюев разрешения не дал, но обещал смотреть на переход сквозь пальцы. Тогда большие партии башкир двинулись в киргизские степи и жестоко отомстили киргизам за предательство. Ближайшие кочевья киргиз были разграблены, мужчины перебиты, женщины, девушки и имущество взяты с собой в Башкирию. Озлоблен-

ные киргизы в свою очередь обратились к Неплюеву с просьбой позволить им отомстить предателям и ослушникам русской государыни—башкирам. Но начальнику края казалось, что пущено уже достаточно башкирской и киргизской крови и дальнейшее их ослабление может принести только ущерб государству в смысле получения с них налогов и податей, и разрешения не последовало. Когда 30.000 киргиз попробовало было переправиться через Яик, они были отражены русскими войсками.

Так неудачно окончилось последнее большое восстание Батырши.

Движение Пугачева. Годы, предшествовавшие появлению Пугачева, были отмечены крутыми мерами и против беглых и раскольников в Оренбургской губ., от которых особенно пострадали яицкие казаки, испытавшие на себе немало гонений и притеснений. Недовольство среди них достигло больших размеров, и почва для возмущения была хорошо подготовлена. Нет ничего удивительного, что толчок, данный так называемым императором Петром III, привел к мгновенному взрыву. Бунт Пугачева носил характер стремления к земле и свободе, массового протеста казачества и обездоленного низшего крестьянства против насилия, произвола и нетерпимости. Такой его характер позволил примкнуть к яицким казакам всем инородцам Заволжья, до этого времени выступавшим против русских и всего русского вообще. Для заводских крестьян пугачевщина была восстанием против эксплоатации владельцев, для башкир—борьба с засильем заводов, крепостей и находящихся при них селений. В лозунгах Пугачева, имевших в своей основе экономические предпосылки, была найдена какая-то примиряющая средняя линия, и старые враги забыли давнишнюю ненависть. Грабя и сжигая уральские заводы, Пугачев объявлял заводских крестьян вольными казаками и выселял их за пределы Башкирии в „привольные Кунгурские места". Освобождая население заводов от зависимости хозяев, он в то же время избавлял башкир от русских поселений. И понятно, что башкиры не могли не поддерживать такого человека, как мнимый император Петр Федорович.

Юлай и Салават. Осенью 1773 г. старшина Сибирской дороги Шайтанской волости Юлай Адналин, человек, считавшийся верным правительству, получил из Уфы официальное сообщение о появлении у яицких казаков беглого каторжанина Емельки Пугачева, объявившего себя императором Петром III. Юлаю приказывалось немедленно собрать отряд башкир и выслать его на Стерлитамакскую пристань (гор. Стерлитамак), в распоряжение асессора Богданова. Юлай снарядил около сотни всадников под командой своего сына Салавата. Получив от Богданова

отряд в 1.200 человек башкир и мещеряков, Салават двинулся к Оренбургу и в нескольких десятках верст от города передался со всем отрядом войскам Пугачева. В Бердской слободе Салават был лично представлен Пугачеву, который пожаловал его чином полковника. Пугачев тут же обещал башкирам полную независимость, свободу жить—как звери в поле; обещал также вывести всех русских людей из башкирских земель. Обещание было сдержано: пугачевские войска разоряли и жгли даже покорявшиеся ему русские селения и заставляли жителей сниматься с насиженных мест и двигаться за ними или выселяться за пределы Башкирии на свободные земли. Обещание было тем легче выполнить, что в действиях Пугачева сам Салават принимал большое участие.

Общее восстание „инородцев".

В то время как Пугачев осаждал Оренбург, Салават двинулся разорять крепости и селения и склонять на сторону Пугачева кроме башкир также и их припущенников,—магометан, язычников и подневольных христиан. Мероприятие Салавата имело успех. При приближении его отрядов к Уфе чуваши нынешнего Белебеевского кантона поднялись и, изгнав духовенство и сжегши построенную для них церковь Михаила Архангела, присоединились к его войскам. То же сделали прочие башкирские припущенники. Таким образом русскому человеку,—революционеру Пугачеву—удалось сделать то, что оказалось не под силу Батырше.

Когда Пугачев укрепился в Белорецке, Салавату было поручено собрать всех беглецов из отрядов ближайших помощников Пугачева Чуки и Губанова и вести их через Златоустовский завод в нынешний Троицкий уезд. Пока на Пугачева двинулся генерал Деколонг, мелкие отряды башкир, русских и прочих народностей грабили все, что попадалось под руки из имущества заводчиков, при чем была забыта всякая национальная вражда: предводителями являлись то башкиры, то татары, то русские. Общее командование нал отдельными мелкими партизанскими отрядами принадлежало Салавату. Отряд Салавата состоял более чем из 8.000 человек. Другие выдающиеся вожди башкир Айтуган и Бахтемир имели под своей командой до 4.000 человек.

Разорение заводов и крепостей.

Заводы были для башкир бельмом на глазу. Под предводительством Салавата и его отца Юлая башкиры начали мщение. Прежде всего пострадали заводы Симский и Катавский, построенные на земле Юлая. Не все заводское население, привыкшее видеть в башкирах врагов, приняло башкир дружелюбно: Юлай имел столкновения. Но заводы все-таки были взяты, недоразумения с жителями улажены, и сами заводские здания и все имущество Твердышева было разграблено. При

грабеже люди Твердышева усердно помогали башкирам громить дома, конторы, лавки и кабаки их владельцев. Вслед за Катавским заводом был разгромлен Усть-Катавский завод, жители которого были высланы в Кунгурские привольные места. Салават взял приступом, разорил и сжег затем Красноуфимскую крепость и подошел к Осе. Обе крепости были построены на коренной башкирской земле. В особенности чтили башкиры старую Осу, где по их преданиям раньше было большое селение башкир-гаинцев. Через три дня после занятия Осы, крепость была сожжена, и жителям было сказано итти, куда хотят,—на те же „привольные места". Есть сведения, что 9.000-й отряд башкир осаждал и Челябинскую крепость, но взять ее не смог.

Поражение Пугачева и конец Салавата.

Действия Пугачева были весьма успешны. Построенные ценой больших трудов и затрат крепости, с таким усердием воздвигавшиеся Кирилловым, Урусовым и Неплюевым, сдавались одна за другой. В Уфимской провинции Пугачева встретило всеобщее сочувствие, как башкирского населения, так и русской заводской бедноты. Но появление регулярных войск изменило положение. Солдатские отряды, и в особенности части подполковника Михельсона, наносили превосходным силам Пугачева поражение за поражением. Под Симским заводом у реки Ая, Салават потерпел значительный урон. Узнав о его поражении, Пугачев поспешил на соединение с ним, приказав сжечь Златоустовский и Саткинский заводы и жителям итти в то же место оригинальной ссылки освобожденных и победителей—в Кунгурский уезд. При встрече с Салаватом Пугачев повысил его в чине, произведя в бригадиры. В июне 1774 г. Салават выдержал решительные схватки с отрядом Михельсона около Саткинского завода и едва не захватил в плен авангард капитана Карташевского.

Вскоре после взятия Осы сотрудничество Салавата с Пугачевым прекращается. Салават отстает от него после его перехода за Каму и остается в родной Башкирии.

Уже после поимки „государственного злодея" Салават наводил страх и ужас на жителей Уфимской провинции. Но подвиги башкирского батыря продолжались недолго. Разделавшись с Пугачевым, правительственные части снова появились в Башкирии. Салават был принужден бежать к киргизам, но в пути в январе 1775 г. был пойман отрядом полковника Аршеневского около деревни Каратавли. После недельного ареста в Казани он был отправлен в Москву в Тайную Экспедицию. По окончании следствия, по распоряжению генерал-прокурора князя Вяземского, Салават был препровожден в Уфу при письме на имя генерала Рейнсдорпа, Оренбургского губернатора, которому рекомендовалось подвергнуть его наказанию только в том случае, если обнаружатся несо-

мненные улики его преступности. Виновность Салавата и его отца Юлая была доказана. Обоих было приказано наказать кнутом в местах совершения наиболее тяжких преступлений. Юлаю было дано 175 ударов и Салавату—150. После экзекуции им обоим были вырваны ноздри и наложены клейма.

Салавата Юлаева башкиры до наших дней считают своим народным героем. О нем поются песни, часть которых сложена им самим.

После усмирения восстания Пугачева и Салавата началась расправа с башкирами, принимавшими в нем участие. При этом по отношению к ним, как историческим бунтарям с одной стороны, и чрезвычайно активным элементам в данном народном волнении, с другой,—принимались особо жестокие меры. По этому поводу историк Покровский говорит следующее:

„Неоднократно бунтовавшие втечение XVIII века, они (башкиры) усмирялись еще решительнее, чем заводские крестьяне. После восстания 1735—41 года башкирцев побито, казнено, сослано на работу всего числом—28.452 человека... К успокоению такие меры не привели, а в 1754 году башкиры опять „бунтовали“, при чем на этот раз их было побито и вырезано до 30.000. Нет ничего удивительного, что они присоединились к Пугачеву весьма охотно и дрались под его знаменами отчаянно—другим пощады не давали, и сами не сдавались; в одном сражении с ними Михельсону удалось взять в плен из большого отряда только одного человека да и то „насильно“ пощаженного, по образному выражению Пушкина. Помощь башкир, народа конного, была особенно ценна для восставших. (М. Н. Покровский „Русск. История“, том IV).

ГЛАВА III.

Устройство, состав и быт башкирского народа за период колонизации русским царизмом.

Собирание сведений о башкирах. Во время начальствования над Оренбургским краем И. И. Неплюева была образована Оренбургская губерния (1754 г.), включавшая позднейшие губернии Оренбургскую, Уфимскую и Самарскую. Чтобы лучше ориентироваться в делах вверенной им области, начальники губерний, по примеру И. К. Кириллова, начали собирать через подчиненных им чиновников исторические, экономические и этнографические сведения о живущих в ее пределах народностях. В деле нахождения материалов и их систематизации особенно много потрудился первый историк

южно-уральского края П. И. Рычков, собравший, в частности, много ценных сведений о башкирах.

Внутреннее устройство башкирского племени. Ко времени прочного укрепления русской власти на Южном Урале башкиры еще в полной мере сохраняли свое древнее внутреннее устройство. У все еще полукочевого племени сохранился родовый быт. Башкиры по прежнему дробились на роды во главе со старшинами. Более важные дела решались на народных собраниях, обычно около мечетей. Здесь обсуждались вопросы о войне и мире, здесь сговаривались о совместных выступлениях против власти русского правительства.

Его состав. П. И. Рычков приводит в своей книге (Топография Оренбургская) деление башкирского народа на племенные единицы, на которые распадались в его время башкиры. По его свидетельству, они делились на „настоящие роды или волости" и „происшедшие от оных тюбы и аймаки". Названия последней племенной единицы „тюба" и „аймак" непонятны теперь и самим башкирам. В литературе этим названиям даются различные объяснения. По новейшим исследованиям Общества по изучению истории быта и культуры башкир, слово „тюба", употребленное Рычковым, вероятно, обозначает „тюбяк", что и служит для определения территориального положения рода, тогда как слово „аймак" является первоначально чисто племенным признаком. Двойной способ определения родов и подродов (роды—волости, тюбы—аймаки) вполне понятен для полукочевого народа, еще обладавшего значительной долей текучести.

Рычков сохранил нам в высшей степени интересное для историка башкир название „настоящих родов или волостей" и составляющих их тюб и аймаков. Применительно к старинному делению башкир на дороги, Рычков перечисляет все племенные группы, указывая, где это возможно, численность родов—волостей.

Ко времени Рычкова к Ногайской дороге принадлежали минцы, табынцы (западные), юрматынцы, кипчаки, бурзяне, усергане, тангауры, табынцы (восточные), тамьянцы и катайцы.

Минцы (477 дворов) занимали восток современного Белебеевского кантона, запад Уфимского и Стерлитамакского, частично попадали в Бирский кантон и захватывали часть территории Самарской губ. Они делились на тюбы: Чубинскую, Киркулинскую, Яиксубянскую, Кули-Минскую, Слы-Минскую, Ногай-Ларминскую, Миркитскую, Уршек-Минскую, Илькей-Минскую, Саралинскую, Кубовскую и Ик-Минскую.

Западные табынцы (387 дворов) владели землями в южной части Уфимского и северной Стерлитамакского кантонов, а также и в современном Казакстане и Самарской губернии.

Этот род образовывали тюбы: Биш-Аулинская, Кси-Табынская, Юмран-Табынская, Кальчир-Табынская, Кумрутская, Дуван-Табынская и Милля-Табынская.

Юрматынцы (521 двор) жили в южной и восточной частях Стерлитамакского кантона и делились на тюбы: Мещер-Юрматынскую, Тяльтинскую, Бакаевскую, Арларскую, Биш-Кадакскую и Макаровскую.

Кипчаки (1.332 двора), бурзяне (448 дворов) и усергане (381 двор) имели свои деревни и кочевки в современном Зилаирском кантоне. Род кипчаков составляли тюбы: Бушманская, Сун-Кипчакская, Чанкимская, Сарыш-Кипчакская, Геряй-Кипчакская и Карагай-Кипчакская. В состав бурзян входили тюбы: Жанса-Бурзянская, Байулинская, Мушашевская, Емашевская, Карагай-Бурзянская, Дир-Бурзянская и Нагайлярская. Тюбы усерган были: Ай-Усерганская, Жайтюбя-Усерганская, Шишайларская, Бишайларская, Сурянская и Чурашевская.

Последние четыре рода Ногайской дороги—тангауры (80 дворов), тамьянцы (196 дворов), восточные табынцы (472 двора) и катайцы (300 дворов)—занимали Тамьян-Катайский кантон, при чем, однако, их владения простирались еще далеко на север и на восток за его пределы. Тангауры имели только две тюбы: Урман-Тангауровскую и Ялан-Тангауровскую. Тамьянцы распадались на тюбы: Коянецкую, Мылтыцкую, Мясоуцкую и Ик-Тамьянскую. Тюбы табынцев были: Кубелякская, Телевская, Карагай, Кси- и Юмран-Табынская. Род катайцев образовали Идиль-Катайская, Кашек-Катайская, Инзер-Катайская и Кузгун-Катайская тюбы.

К сибирской дороге примыкало 7 родов: кудейцы (475 дворов), таныпцы (335 дворов), айлинцы (113 дворов), куваканцы, барын-табынцы, кара-табынцы и зауральские катайцы. Первый род находился в пределах Уфимского кантона, второй—в пределах Бирского и Месягутовского, третий — размещался в Месягутовском. Все прочие попадали в тогдашнюю Исецкую провинцию, т.-е. в область вокруг г. Челябинска. Из их земель в составе Башкирии остался Аргаяшский кантон.

Кудейцы имели тюбы: Урман-Кудейскую, Булекей-Кудейскую, Кыр-Кудейскую, Шайтан-Кудейскую, Нагайларскую, Зюббердинскую, Усрак-Кудейскую, Урусба-Кудейскую, Куллар-Кудейскую, Дуван-Кудейскую, Трухменскую и Лямес-Трухменскую.

Тюбами табынцев являлись: Кыр-Таныпская, Балачинская, Су-Таныпская, Унларская, Кыр-Унларская, Су-Унларская, Байскинская, Кайпанская и Укуншинская.

Тюбы айлинцев составляли: Аршинская, Ялан-Айлинская, Упейская, Дуванская, Таз-Дуванская, Сызенская, Еирдинская, Мурзаларская, Тарнаклинская, Каратаулинская, Сартовская, Тюбелякская и Чублисысгинская.

Куваканских тюб было пять: Ялан-Куваканская, Тау-Куваканская, Сатка-Куваканская, Сагит-Куваканская и Киркули-Куваканская.

Тюб барын-табынцев Рычков не указывает.

Кара-табынцев составляли Аила-Табынская, Кукзюряк-Табынская, Кипчак-Табынская, Мусюл-Табынская и Акшураз-Табынская тюбы.

Зауральских катайцев составляли тюбы: Бала-Катайская, Бучкурская, Синлярская, Сызгинская, Баллы-Катайская, Черлинская, Терсатская, Бакатинская, Чалжаутская и Сартларская.

Одиннадцать башкирских родов: каршинцы (77 дворов), кайлинцы (122 двора), елдятцы (901 двор), гирейцы (273 двора), тугузлярцы, енейцы (400 дворов), байлярцы (561 двор), дуванцы (82 двора), иланцы (382 двора), киргизцы (113 дворов) и булярцы (231 двор) образовывали группу родов Казанской дороги, к которой были причислены и юрты зырян, впоследствие слившихся с башкирами.

Каршинцы, делившиеся на тюбы: Акбашевскую, Карганарскую и Кадряевскую, и кайлинцы, в составе тюб: Идиль-Кайлинской, Кыр-Кайлинской, Юрактай-Кайлинской и Актау-Кайлинской, находились в пределах Белебеевского, Бирского и Уфимского кантонов.

Елдятцы с тюбами: Уфа-Елдятской, Кыр-Елдятской и Бука-Елдятской, и гирейцы, с тюбами Урман-Гирейской и Идиль-Гирейской, размещались в Бирском кантоне.

Тугузлярцы, енейцы и байлярцы, тюбы которых Рычковым не указываются, владели землями в Мензелинском кантоне Татарской республики.

Дуванцы — в Уфимском кантоне разделялись на тюбы: Дуванейшев, Аджеево-Дуваней, Рысмекеевскую, Бакаевскую и Талбазинскую.

Родам иланцев (тюбы Кыр-Иланская, Идиль-Иланская и Бадряцкая) и киргизцев принадлежали угодья в Белебеевском и Бирском кантонах и в Мензелинском кантоне Татреспублики, где находились также и владения булярцев.

Роды Осинской дороги находились в пределах современной вотской автономной области. Эти роды были: тазларцы, уванышцы, уранцы (218 дворов), ирихтянцы (148 дворов) и гайнинцы (562 двора), с тюбами: Муль-Гайнинской и Туль-Гайнинской.

Как видно из данных нами указаний географического положения родов-волостей, Башкирия времен Неплюева была значительно обширнее современной Башкирии.

Численность башкир.

К тому же времени относятся более подробные сведения о численности башкир (первые цифровые данные были собраны в 1629 году, когда башкир насчитывалось 888 ясачных дворов).

В 1739 году князь Г. А. Урусов произвел перепись башкир, которой было установлено 7.192 двора с 19.266 податными душами. Количество дворов и населения распределялось по дорогам таким образом: на Ногайской дороге—4.821 двор и 11.566 душ, на Сибирской дороге—96 дворов и 236 душ, на Казанской—1.148 дворов и 2.975 душ, и на Осинской—1.127 дворов и 4.489 душ. По сведениям 1745 г., собранным по распоряжению Неплюева, ясачных дворов было—8.395 и тарханов 1.431 двор. Как те, так и другие сведения страдали неполнотой. В частности, перепись Урусова осталась незаконченной, и количество дворов и населения было дано только по тем волостям, где она была проведена полностью. Так, например, у Урусова на Сибирской дороге было показано всего 96 дворов, тогда как по Рычкову, писавшему вскоре после переписи, только в трех волостях той же дороги имелось 923 двора. Рычков также не сумел собрать исчерпывающих сведений о числе башкир. Приводя названия родов—волостей, он указывает число дворов далеко не всех из них. По Рычкову число дворов для всех десяти волостей Ногайской дороги равнялось 4.594; для трех волостей Сибирской дороги (из семи) как указано—923, для десяти волостей (из двенадцати) Казанской—2.443, и для трех волостей Осинской (из семи)—928; всего по тем волостям, о которых имеются сведения, 8.887 дворов. Не зная средней численности башкирского двора того времени, трудно определить примерно число башкир ко времени Рычкова.

Башкиры с конца XVIII в. до революции 1917 года.

Административное устройство башкир. Последние годы XVIII века, весь XIX век и первое десятилетие XX столетия в жизни башкир не богаты событиями. После усмирения Пугачевского восстания Башкирия вступила в полосу планомерной ассимиляции правительством коренного населения края и все время усиливающейся его эксплоатации привилегированным классом русских колонистов Урала. Здесь наше внимание привлекает главным образом административное устройство башкир и сложный и животрепещущий для области земельный вопрос.

В 1789 г. башкирам, с которых еще при основании Оренбургской губернии был снят ясак, замененный обязательной покупкой соли, было разрешено вступать в податное состояние, и в том же году было организовано башкирское иррегулярное войско. В военно-административном отношении Башкирия была разделена на кантоны, которые делились на волости или юрты. Кантоны не имели особых названий и назывались по нумерам. Количество населения волостей, юрт и географическое положение кантонов в середине XIX века были следующие:

№№ кантонов	Количество жителей	Количество юрт	Расположение кантонов по прежнему админстративному делению	Положение кантона в современной Башреспублике
I	17.086	9	Пермск. г. Осинск. у. 8 юрт, Пермск. у. 1 юрта.	В Башкирию не вошел.
II	13.038	7	Пермск. г. Екатеринб. у. 4 юрты, Красноуфимск. у. 3 юрты.	Частично вошел в Месягутов. кантон.
III	17.952	11	Пермск. г. Шадринск. у.	Часть вошла в Аргаяский кантон.
IV	11.864	9	Оренбург. г. Троицк. у.	Незначител. часть вошла в Там.-Катайский кантон.
V	12.047	6	Оренбург. г. Троицк. у.	„ „ „
VI	34.874	19	Оренбург. г. Челябин. у.	В Башкирию не вошел.
VII	54.147	30	Оренбург. г. Верхнеур. у.	Частично вошел в Там.-Катайск. кантон.
VIII	47.208	25	Оренбург. г. Стерлит. у.	Стерлитамак. к-н (частью).
IX	26.280	14	Оренбург. г. Уфимск. у.	Уфимский кантон (частью).
X	89.477	41	Оренбург. г. Стерлит. у. 1 юрта, Бузулук. у. 1 юрта, Оренбург. у. 39 юрт.	Частично вошел в Зилаирский кантон.
XI	58.858	27	Оренбург. г. Бирск. у.	Бирский кантон.
XII	53.693	25	Вятск. г. Сарапульск. у. 1 юрта, Елабуж. у. 2 юрты, Оренбург. г. Мензелин. у. 22 юрты.	В Башкирию не вошел.
XIII	61.033	29	Оренбург. г. Бугурусл. у. 1 юрта, Бугульмин. у. 5 юрт, Белебеевск. у. 23.	Западная часть вошла в Белебеевский кантон.
Всего	497.557	252		

Таким образом, к этому времени, по неполным сведениям, насчитывалось около 500 тысяч башкир.

Главное управление Башкирией подлежало ведению Оренбургского губернатора, которому были подчинены кантонные попечители, кантонные начальники и юртовые старшины. Как военное сословие, башкиры в отношении уголовных преступлений подлежали юрисдикции военного суда, но по гражданским судились на общем основании особыми стряпчими, назначавшимися из гражданских чиновников.

Военная служба башкир.

К концу XVIII века относится организация особого башкирского войска. Но фактически военная служба башкир началась значительно раньше.

Башкиры с самого начала своей истории делились на „тарханов“ и „ясачников“. „Тарханы“—это башкиры, избавленные за военную службу от всяких податей. Во время походов и войн „тарханы“ организовывались в особые отряды, куда вливалось ополчение из „ясачных“ башкир. Сформированные таким образом отряды отдавались в период подданства России под командование русским воеводам. Большинство исследователей утверждают, что военная служба башкир началась в начале XVII века на добровольных началах. Первое известие о башкирских войсках встречается еще в 1608 году. Против крымцев 1.000 башкир служили еще в 1686 году. Против турок и шведов башкиры в составе 8 полков воевали при Петре I. Указом 1754 года был снят ясак с башкир, и они все должны были нести военную службу. В 1798 году башкиры были объявлены военным сословием, из них было сформировано иррегулярное войско, разделенное на 12 кантонов; [1] каждый кантон делился на отделения и команды. Ежегодный наряд производился по особым очередным спискам. Все войско было подчинено командиру Отдельного Оренбургского корпуса, при котором и находилось военное управление. С 17 до 45 лет несли башкиры военную службу, которая заключалась в охране границ и напоминала службу казачества того времени. Служившие в войсках содержали себя на своем коште и получали жалованье 1 рубль на человека в месяц. Кроме этих войск, по мере надобности, формировались еще конные пятисотенные полки по типу чисто казачьих, которые во время похода содержались от казны по старому (гусарскому) положению. При каждом полку находился мулла, положенное по штату число зауряд-офицеров и урядников из башкир. Полк возглавлялся особо назначаемым командиром полка или походным старшиной. Форма обмундирования башкирских полков до 1850 года была чисто национальная: кафтан синего (или белого) сукна, такие же шаровары с красным кантом

[1] По Валидову—11 башкирских кантонов и 5 мещерякских.

и остроконечная войлочная шапка белого цвета. С 1850 года национальная форма конных полков была заменена общеказачьей формой.

Вооружение состояло из пары пистолетов, ружья, пики, сабли, лука (сайдак) и колчана со стрелами.

Будучи неплохими воинами, башкиры хорошо ездили верхом, хорошо владели пикой и прекрасно стреляли из лука. [1]

В 1802 году численность башкирского войска доходила до 5.500 человек.

В 1812—13 гг. 20 башкирских полков были отправлены на войну с Францией, и часть их участвовала в осаде Данцига, в сражении под Лейпцигом, под Веймарном, Ганау, в сражениях под Шатобрианом и Парижем. Часть полков входила в состав партизанских отрядов Кайсарова, Сеславина, Чернышева и участвовала в движении на Берлин. [2]

В 1838 году был учрежден временный штат Управления башкиромещерякского войска; лицо, стоящее во главе этого учреждения, называлось командующим башкирскими войсками и пользовалось правами начальника дивизии.

В 1834 году русское правительство, боясь объединенного выступления башкир, [3] решило ликвидировать башкирские полки и перевести их на положение казенных крестьян. Башкиры восстали против этого, но были усмирены. Башкирские кантоны были разделены на служебные и неслужебные, а с 1840 года действительную службу несли только IV, VI, VII и X кантоны, прочим же служба была заменена денежной податью. Но уничтожение войска шло медленным путем, и в Крымскую кампанию еще высылаются 4 пятисотенных башкирских казачьих полка. В Хивинском походе мы еще застаем несколько отдельных башкирских сотен; в осаде гор. Перовска (Кзыл-орда) участвуют также башкирские сотни. До 1853 года 2 башкирские полка несли караульную службу на Финском заливе. Крымская кампания вынудила правительство увеличить число башкирских полков. В это же время решалась судьба всего башкирского войска. Крымские ногаи передавали планы русских туркам и за это подверглись репрессиям. В связи с этим и башкиры были заподозрены в предательстве; создалось мнение и об опасности существования отдельного башкирского войска, и в 1855 г. было

---

[1] Французы, испытавшие на себе меткость стрельбы башкир из луков, стрелы которых на расстоянии 15 сажен могли проницать насквозь всадника с лошадью, за губительное действие этих стрел,—прозвали башкир „северными амурами".

[2] А. Н. Никольский и Н. А. Чернощеков „Воинская повинность казачьих войск", часть 3.

[3] Во время военных действий башкирскому войску не разрешалось выступать дивизиями (или бригадами), как русскому войску; полки держали отдельно друг от друга.

ликвидировано мещерякское войско и оставлено только управление башкирского войска. Иррегулярное башкирское войско дожило до 1863 года, когда ведение Башкирией было поручено непосредственно особому Управлению, имевшему в качестве следующей административной ступени 11 кантонных управлений во главе с кантонным начальником, просуществовавшему лишь 2 года. В 1865 году была уничтожена всякая разница между башкирами и прочими лицами податного населения. В 1874 году всеобщая воинская повинность была распространена и на башкир. Новобранцы распределялись по войсковым частям на общих основаниях, но башкирам, жившим в Оренбургской губ. и годным для несения службы в коннице, предоставлялось право отбывать службу в особом башкирском конном дивизионе, который был расположен в пределах Оренбургской губернии. В 1878 году этот башкирский конный дивизион был развернут в башкирский конный полк, который служил кадром формирования башкирских частей в военное время и составлял самостоятельную часть на правах кавалерийской дивизии. Этот полк состоял исключительно из сыновей служилых башкир и потому был терпим правительством. 13 июня 1882 года вышел приказ о расформировании башкирского конного полка, взамен которого предполагалось формирование в военное время башкирской милиции. Всех же новобранцев, поступавших по призыву (из башкир Оренбургской губ.), было приказано назначать в части на общих основаниях в военное же время, с объявлением мобилизации, всех запасных чинов башкир, служивших ранее в частях кавалерии, обращать на формирование конномилицейских сотен и полков.

Таким образом башкирское войско, как войско национальное, этим приказом было окончательно упразднено. В мировой войне башкиры несли военную службу на общих основаниях с русскими.

Такова была военная служба башкир до революции 1917 года.

Захват башкирских земель. Башкирия, как уже указывалось, с давних пор притягивала к себе поселенцев, постепенно захватывавших обширные и никем не измеренные башкирские земли. Это обстоятельство вызывало массу земельных споров и неурядиц, не прекращавшихся до последнего времени.

После известного указа Анны Иоанновны (11 февраля 1736 г.) башкирам было разрешено продавать свои земли. Однако, ввиду массового поступления жалоб и протестов башкир на допускавшиеся при этих продажах злоупотребления и обманы, в 1818 году это разрешение было отменено. К этому времени относится первая попытка учета башкирских земель, не давшая никаких результатов, так как земли

башкирских припущенников при межевании зачастую не выделялись особо, что служило поводом к недоразумениям и распрям. В 1832 году было издано особое положение, которое, подтверждая старинные права башкир на землю, обязывало их удовлетворять землей припущенников, не имевших на ту землю, которую они занимали, законных документов. Нормы выделения участков были следующие: для мещеряков, тептярей и бобылей, как занимавшихся скотоводством, по 30 десятин, а для татар и русских поселенцев, занимавшихся земледелием,—по 15 десятин на ревизскую душу, (т.-е. на мужское население, учтенное по „ревизии"). При этом на каждую ревизскую башкирскую душу должно было остаться не менее 40—60 десятин. Излишек от этого количества башкиры могли продавать, причем эти продажи могли производиться при условии согласия на то $^2/_3$ общества.

При продаже земли кантонные начальники должны были удостоверить, что продажа участка не затруднит отвод припущенникам положенного им количества десятин. Проведение отвода земли припущенникам было возложено на Казенную Палату, но уже в 1834 г. передано Особой Башкирской Комиссии, упраздненной только в 1869 году, когда дело межевания земель было поручено непременным членам Губернского по крестьянским делам Присутствия (башкирские опекуны). С этого времени началась известная „эпопея хищения", длившаяся до 1882 года.

Вслед за крестьянской реформой 19 февраля 1861 года началась реорганизация управления башкирами. В 1863 г. были созданы сельские общества, которые, однако, были поставлены под особый контроль в смысле права распоряжения землей. В 1869 г. производится новая регламентация башкирских земель. Земельные угодия, принадлежавшие определенным обществам,—„башкирские дачи"—были разделены на две категории—многоземельные и малоземельные. К многоземельным дачам были отнесены те из дач, в которых при сохранении за вотчинниками по 40 десятин на ревизскую душу, можно было выделить припущенникам по 30 дес. на душу. Земля была распределена таким образом: прежде всего башкиры-вотчинники получали по 40 десятин на душу (VIII ревизии), затем припущенникам отводилось 30 десятин, по числу душ, поселившихся до 1837 года. Половина этого количества поступала в надел, а другая половина в запас, для дальнейшего наделения. Остатки, которые могли получиться при таком выделении, поступали в распоряжение башкир-вотчинников, которые имели право их продавать, при условии, если у них имеется больше чем 15 десятин на мужскую душу.

Таким образом получились две категории земель, которые не были твердо закреплены за обществами: 1) свободные

вотчинные земли (остатки от выделения определенного законом надела припущанникам), которые, при известных условиях, башкиры могли продавать; 2) запасные земли (не предоставленная в непосредственное пользование обществ половина земли, отмежеванной припущенникам), поступавшие в распоряжение б. Министерства Государственного Имущества. Эти две категории земли и сделались предметом усиленной скупки, в которой принимали участие как местные администраторы, приобретавшие за бесценок, а иногда даром, огромные участки, так и различные искатели легкого обогащения. С 1871 г., когда была разрешена продажа запасных земель, до 1882 г. был расхищен почти весь запасный фонд б. Оренбургской губ. (180.000 дес.) и значительная часть Уфимского фонда (360.000 дес.). Свободных башкирских земель с 1869 г. по 1878 г. было скуплено свыше 1.000.000 десятин. Ввиду того, что земли попадали, главным образом, в руки лиц, жаждавших скорого обогащения, хозяйство на вновь приобретенных участках велось хищнически, и ценные лесные массивы беспощадно вырубались. Во время горячки по скупке башкирских земель было признано незаконных сделок на 140.000 десятин, которые были расторгнуты.

В 1882 г. раздача запасных земель на льготных условиях была прекращена, а в 1884 г. была организована скупка башкирских лесов в казну. В адиинистративном порядке было предписано выделить по 15 десятин на ревизскую душу башкирам-вотчинникам с отграничением используемых земель („душевых") от свободных и с разделами последних по сельским обществам, и о выделении отдельным домохозяевам земли в частную собственность. На деле точного размежевания душевых и свободных земель произведено не было, а участки, отведенные отдельным селениям, были расположены подчас так далеко от самих селений, что использование земли было крайне затруднительно. Это послужило поводом к усилению сдачи земли в аренду и к стремлению со стороны башкир к продаже своих участков. В последнем отношении известным толчком послужил пресловутый закон Столыпина о выходе на отруба и праве продажи земли, а также немалую роль сыграли операции крестьянского поземельного банка. Этими моментами характеризовался последний этап в длинной истории расхищения башкирских земель.

Последний период можно охарактеризовать, как эпоху „мирной колонизации". В этот период мы не видим никаких организованных восстаний. Имеют место лишь незначительные столкновения местного характера между башкирами и переселенцами-колонистами, обычно возникавшие на почве неудовлетворения петиций башкирского народа и из ряда вон выходящих злоупотреблений. Наиболее типичным из по-

следних являлось применение долгосрочных арендных договоров и злоупотребления при землеустроительных работах.

Долгосрочные арендные договоры обычно в силу давности теряли свою силу, и башкирские земельные лесные участки механически переходили в собственность арендаторов.

Землеустроительные злоупотребления в Башкирии выражались в том, что техники-землеустроители, пользуясь невежественностью и запуганностью башкир, творили произвол. Для них не представляло никакого труда при проведении землеустроительных работ прирезать башкирские земли переселенцам. Такие „справедливые" прирезки являлись неотъемлемой частью каждой ревизии, особенно печальной памяти X.

Таким образом в течении нескольких веков башкиры потеряли значительную часть своих земельных угодий, и к концу прошлого века явились уже настолько малоземельными, что ведение обычного своего скотоводческого хозяйства было для них весьма затруднительным. Вместе с тем расхищение земель шло гораздо быстрее, чем переход башкир от кочевья к оседлой жизни и к земледелию.

Башкиры горных лесистых районов, имея около околицы своей деревушки дремучий лес, лишены были права пользоваться этим единственным источником своего существования. Они за „самовольные", в то же время вынужденные, порубки леса наказывались непосильными штрафами. Отсюда вполне понятно, почему у башкир, почти без различия социальных групп, накоплялось сильное недовольство, возмущение не только против политики захвата бывшего российского правительства, но даже против всего русского переселенчества, ибо фактическими хозяевами насильно и обманно отобранных у башкир угодий оказались русские.

В этом захвате местами принимали непосредственное участие башкирские старшины и кулаки, которые как материально заинтересованные, не гнушались в достижении цели и взяточничеством.

ГЛАВА IV.

Период февральской революции и Керенщины.

На путях к национальному самоопределению.

Февральская революция выбросила башкирские трудовые массы на арену активной социальной борьбы. Органы Временного правительства и земские управы на территории Башкирии стали заполняться кадетами, эсэрами и меньшевиками. Представители этих политических партий стреми-

лись проводить в жизнь свои программы—и в своей деятельности очень мало обращали внимания на специфические условия развития башкирского хозяйства и культурно-бытовые стремления башкир. Среди крестьян-башкир первым вопросом, который должна была разрешить революция,—был аграрный вопрос. Башкиры думали, что революция должна им вернуть насильственным и обманным образом похищенные у них казной, помещиками, заводами и некоторыми слоями переселенцев-колонизаторов земли и угодия. В этих целях они неоднократно обращались за справедливой помощью к земским управам и органам власти. Последние не предпринимали буквально никаких мер к удовлетворению требований башкир. Наоборот, они стояли на защите интересов дворян-помещиков, кулаков-переселенцев и даже умышленно создавали условия для просачивания в Башкирию новой волны русских переселенцев, организовывая этим путем новые захваты башкирских трудовых земель.

Неудовлетворение требований и нужд башкир земскими управами и органами власти Временного правительства натолкнуло их на мысль о необходимости организации национальной власти в Башкирии, чтобы через нее, в соответствии с хозяйственным укладом населения края, разрешить исторически наболевший земельный вопрос. Таким образом зародилась идея национального самоопределения башкир.

Башкирское население было крайне отстало в экономическом и культурном отношении. В нем не было выкристализованных социальных групп противостоящих друг другу, и поэтому противоречия интересов разных классов еще недостаточно созрели.

Безразличное отношение представителей кадетов, эсэров и меньшевиков к неотложным нуждам башкир невольно способствовало башкирам без различия групп объединиться воедино и открыто выступить со своими экономическими и политическими требованиями. Таким образом, почти совсем сгладились антагонистские линии между социальными группами башкирского населения. Главным проводником в массы идеи самоопределения башкир явилась башкирская мелкобуржуазная и трудовая интеллигенция. Она мобилизовала все силы своей нации.

Уфимский Крестьянский Съезд 1917 г.

Весной 1917 года в Уфе был созван Губернский Крестьянский Съезд. Эсэры играли доминирующую роль, и русское крестьянство оказалось на их стороне. Башкиры тут выступили с определенной программой по земельному вопросу. Она была представлена в форме заявления, сделанного на этом Съезде представителем Башкирской фракции Мансуром Халиковым.

„Мы, башкиры, не согласны ни с социализацией земли, каковую постановил Съезд, ни с национализацией, каковая выдвинута демократами. Не только наша земля должна оставаться у нас, но и должно быть возвращено все то, что обманно или насильно было отобрано у нас (земельные, лесные и водные угодья)“.[1]

Следовательно требование башкирской фракции, выразившей настроение башкирского общества того времени, сводилось к тому, что земли, отобранные в разное время всякими способами, прежде всего должны быть возвращены башкирскому народу, как национальная собственность. По вопросу распределения земель в это время не было никаких определенных решсний. Программа отвергала социализацию и национализацию земли. Впоследствии с подобными декларациями башкирская мелко-буржуазная интеллигенция не раз выступала на крестьянских съездах башкирского края.

Первый Всероссийский Мусульманский Съезд в Москве. Этот же вопрос явился предметом обсуждения Первого Всероссийского Мусульманского Съезда в Москве 10 мая 1917 года. Он был созван по инициативе российских мусульманских кадетов, эсэров и меньшевиков, с согласия Временного правительства и отражал идеологию, главным образом, татарского торгового промышленного класса, поддержаннаго татарским духовенством. Главными вопросами обсуждения были: форма государственного строя, национальный и земельный вопросы.

По вопросу государственного строя—Съезд в своем решении был единодушен. Большинством было одобрено избрать формой государственного строя—буржуазно-демократическую республику.

По национальному вопросу Съезд распался на две группы: унитаристы, стоявшие за национально-культурную автономию всех мусульман внутренней России и Сибири (вне территории), и федералисты (башкиры, киргизы, туркестанцы и кавказцы), высказавшиеся за провозглашение национальных территориальных республик в составе Российской Демократической Федеративной Республики, допуская при этом внутреннюю конфедерацию этих Республик.

По аграрному вопросу было принято следующее постановление:

„Вся земля (казенная, кабинетская, монастырская и частная) должна перейти в руки самого народа; закон частной собственности на землю, продажа и покупка земли — должны быть уничтожены“[2]. Но 50 делегатов (башкир) Съезда внесли следующее заявление: „Мы нижеподписавшиеся участники

---

[1] Атнагулов, С.-Башкирия.
[2] Протоколы 1 Съезда, стр. 320. Петроград 1917 г.

I Всероссийского Мусульманского Съезда, делегаты 2-миллионного башкирского народа, обсудив принятое Съездом постановление по аграрному вопросу и рассмотрев его с точки зрения национальных и бытовых условий башкирского народа, нашли необходимым заявить, что разрешение земельного вопроса в пределах Башкирии остается открытым до 1 июля, т.-е. до созыва Башкирского Съезда в Оренбурге, в здании Караван-Сарая, являющемся национальным имуществом башкир. Созыв этого Съезда поручается бюро в составе: 1) С. Мирасова, 2) Б. Джагфарова, 3) З. Валидова, и это Бюро будет считаться „Башкирским Областным Бюро".

Таким образом, на этом Съезде башкирская делегация, во главе с З. Валидовым, совершенно определенно заявила, что башкирский народ добьется своего территориального самоопределения и лишь после этого своими усилиями разрешит аграрный вопрос, применительно к требованиям и нуждам башкирского хозяйства.

Здесь же на Съезде впервые был заслушан проект осуществления башкирской территориальной автономии в пределах „Малой Башкирии".

1-й Башкирский Съезд.

Во исполнение директив, данных башкирской делегацией Всероссийского Мусульманского Съезда, Башкирское Областное Бюро 19 июля 1917 года созвало в Уфе 1-й Башкирский Съезд. На Съезде присутствовали до 70 представителей различных социальных групп башкир: Уфимской, Оренбургской, Самарской, Пермской и Челябинской губерний. Преобладающим большинством участников Съезда являлась мелкая буржуазия и интеллигенция.

На этом Съезде рассматривались следующие вопросы: доклад временного Бюро, способы управления Башкирией, установление административных единиц, организация войска, вопрос войны и женский вопрос.

Съезд выработал и принял следующую декларацию:

„Коренная родина башкир — Уральский край — с давних незапамятных времен был колыбелью башкирского народа. Башкиры еще не забыли даров своей родины, с которыми они связаны материально и духовно, воспевая их в своей литературе, и среди которых они сумели жить полунезависимо как до русского подданства, так и после него до середины XVIII века, т.-е. до усиленной колонизации Башкирии. Теперь в свободной республиканской России эта башкирская земля должна освободиться от опеки других народов.

Устранение печальных последствий материального, политического и морального гнета, сохранение башкирского единства в среде других тюркских народов, процветание башкирского края в пределах его национальных границ—абсолютно зависит от владения башкирами своей родиной и получения

национально-политической автономии одновременно с автономией других смежных тюркских народов на востоке и юго-востоке".

По вопросу административного устройства Съезд принял следующее мотивированное постановление:

„Башкиры по характеру своего языка отличаются от других мусульман, населяющих башкирский край. Обладая землями и водами, они не пользуются справедливой долей средств, поступающих в земские управы от налогов, взимаемых последними с населения края.

„Ввиду окружения различными другими национальностями, башкиры были лишены возможности развить свое национальное хозяйство, как остальные народы, поэтому для обслуживания нужд башкирских волостей должны быть организованы особые районные земские управы; в случае же обслуживания нужд башкирских волостей общими управами, интересы башкир в должной мере не будут защищены. Поэтому необходимо, организуя самостоятельные башкирские волости и районы, действовать в дальнейшем самостоятельно в производстве выборов в представительные органы и в области всех остальных мероприятий и проч.".

По военному строительству было одобрено постановление Казанского Мусульманского Военного Съезда о необходимости организации самостоятельных национальных войсковых частей, но с оговоркой, что башкирские национальные полки должны быть сформированы отдельно. Вместе с тем, было признано, что империалистическая война, начатая из-за жадности старого правительства и служащая только помехой для всех народностей, должна быть прекращена без аннексий и контрибуций.

По женскому вопросу вынесено решение,— что женщины должны участвовать в выборах и быть избираемыми наравне с мужчинами. Также должна быть усилена культурно-просветительная работа среди них.

Одновременно Съездом было признано необходимым образовать национальный фонд из сумм, находившихся при различных учреждениях, но принадлежавших башкирам.

В заключение Съезд для проведения в жизнь принятых им постановлений избрал Башкирский Центральный Шуро (Совет) в составе 13 человек, который должен был создать Тюбек-Шуро (Районные Советы) и посредством их стремиться осуществить постановления Съезда. Этот Съезд явился вторым этапом на пути к осуществлению национальной автономии.

2-й Башкирский Съезд.

25 августа 1917 года был созван в Уфе 2-й Башкирский Съезд. На нем обсуждались: отчетный доклад Башкирского Центрального Шуро о его деятельности, выборы в Учредительное Собрание и вопросы большего уточнения способов управления.

Состав этого Съезда был почти аналогичен составу первого.

На Съезде был вынесен ряд постановлений, в том числе наиболее важными оказались: надлежащая подготовка к выборам в Учредительное Собрание по самостоятельным башкирским спискам, укрепление существующих и доорганизация Тюбек-Шуро во всех башкирских районах.

Состав Башкирского Центрального Шуро был переизбран и в него попали следующие лица: председатель—Ш. Манатов, члены—З. Валидов, С. Атнагулов и другие.

Шуро энергично приступил к проведению постановлений 2-го Башкирского Съезда и к подготовке объявления Башкирии территориально автономной.

В одном из своих воззваний к башкирскому народу Центральный Шуро указал, что он будет вынужден считать те районы, которые до начала ноября 1917 года не создадут Тюбек-Шуро, не сочувствующими идее самоопределения башкирского народа и защиты его земельных интересов.

Организация Тюбек-Шуро и выборов в Учредительное Собрание проводилась Башкирским Центральным Шуро в ударном порядке.

Его руководители стремились оформить автономию Башкирии до открытия Учредительного Собрания с тем, чтобы заставить его санкционировать автономию, как совершившийся факт.

Руководители Башкирского национального движения, недовольные политикой Временного правительства, так как последнее откладывало созыв Учредительного Собрания и не осуществляло самоопределения национальностей, отказались поддерживать правительство Керенского, что видно из „Указа (Фарман) № 1“ Башкирского Центрального Шуро всему башкирскому народу, разосланного, башкирским районным и уездным советам“, от 11 ноября 1917 г.: „Вы, башкиры, возложили на ваш Центральный Совет слишком тяжелые обязанности. Вы поручили Центральному Совету восстановить войсковые части (эскадроны), потерянные вами полвека тому назад. С этим вопросом представитель Центрального Совета заходил в военную часть Керенского. Однако, вопрос не был разрешен. Вы не соглашались с существующим административным делением Башкирии на губернии, уезды и волости, и также выражали ваше недовольство земствами, связывающими вас с чужими, где-то далеко расположенными русскими городами. Поэтому вы требовали учреждения на башкирских территориях отдельных районных земств. Через эти последние вы предполагали все свои налоги расходовать на себя и свои нужды, и также проложить путь к своей территориальной автономии. Ваши представители с этим вопросом посетили министерство Авксентьева, их ходатайство принято не было.

Все башкирские земли вы требовали передать в ведение Башкирского Главного Земельного Комитета, и затем, на Лесном Съезде, вы ставили требование все лесные богатства передать в ведение того же Комитета. Дело это было направлено в министерство Чернова, который оставил его без внимания. Затем вы поручили Центральному Совету истребование обратно в собственность башкир всего имущества и сумм, принадлежавших ранее башкирам. И с этим вопросом обращались к тем же министрам. Эти вопросы также все откладывались... Министры Керенского, наряду с другими вопросами, любили откладывать на время до созыва Учредительного Собрания и все совершенно бесспорные права отдельных национальностей. Благодаря всему этому, политика правительства Керенского нанесла серьезный ущерб башкирскому делу. Поэтому после падения Керенского — башкиры и башкирские солдаты (войска) ни в коем случае не могут стоять за восстановление правительства Керенского, если бы даже и стояли на одной платформе с другими национальностями в общероссийской политике. Башкиры и башкирские войска могут и должны стоять за такое правительство, которое признает в полном объеме права отдельных национальностей и ставит себе целью—проводить в России реформы на основе полного признания прав национальностей, однако, способные установить твердую власть и порядок".

ГЛАВА V.

Октябрьская революция в Башкирии.

Объявление автономии. Наступил октябрь 1917 года. Организованный пролетариат центральных городов захватил власть и создал Советы. В Башкирию дошла декларация Совета Народных Комиссаров о праве свободного самоопределении трудящихся масс угнетенных царским правительством национальностей. С 15 ноября 1917 года Башкирский Центральный Шуро объявил Башкирию территориально-автономной и послал председателю Совнаркома В. И. Ленину приветственную телеграмму. Последняя на телеграфе была задержана Оренбургским губернским комиссаром Временного правительства Архангельским (в то время Оренбург еще находился во власти Временного правительства). После этого в одной из Оренбургских газет (от 21 ноября) Архангельским было напечатано следующее объявление:

„Председатель Башкирского Центрального Шуро Шариф Манатов объявляет районы Уфимской, Оренбургской, Самарской и Пермской губерний, населенные башкирами, федеративной частью Российской республики. По этому поводу он (Манатов) телеграфировал всем городам. Извещаю жите-

лей Оренбурга: мусульманская часть населения города Оренбурга никакого отношения не имеет к объявленной Башкирским Центральным Шуро автономии; мусульмане, Областной Мусульманский Шуро (Совет) и Мусульманский Военный Комитет, не присоединяются к объявлению территориальной автономии. Областной Мусульманской Шуро и Мусульманский Военный Комитет, придерживаясь другого взгляда, желают только культурно-национальную (вне территории) автономию. По этому поводу мне сделано особое сообщение представителями Областного Мусульманского Шуро и Мусульманского Военного Комитета. Таким образом, мусульманская часть населения города Оренбурга и служащий для нее руководителем Областной Мусульманской Шуро осуждают сепаративные от Временного правительства действия одной лишь части населения Оренбургской губернии (NB. Подразумеваются башкиры. Автор.) и в том числе ее сношения с Лениным. Комиссар Архангельский".

Башкирский Центральный Шуро, объявив территориальную автономию башкирского народа, принял меры к ускорению созыва Всебашкирского Учредительного Собрания— „Курултая", который открылся в Оренбурге 8 декабря 1917 г., закончив свою работу до 20-го числа того же месяца.

В политическом отношении Курултай распадался на три группы. Первая из них, возглавляемая З. Валидовым и Манатовым, не отражала интересов какой-либо определенной экономической группы башнарода, а являлась выражением общего стремления башкир к национальной независимости. Она состояла из представителей самых разнообразных слоев башкирского населения (крестьян, интеллигенции и прогрессивных мулл). Она стояла за территориальную независимость Башкирии и за возвращение башкирам их исторических земель, и мало интересовалась вопросами строительства Российской республики вообще.

Вторая группа—солдаты-фронтовики и часть башкирской трудовой интеллигенции — придерживалась большевистской ориентации. Эта группа требовала национального территориального самоопределения башкирского народа на основе отмены частной собственности вообще и национализации земли. Она имела в Курултае меньшинство, и поэтому ее влияние оказалось незначительным.

Третья группа — представители татарского торгово-промышленного капитала, городской интеллигенции и татарского офицерства (пантюркисты, панисламисты), заинтересованная в дальнейшей эксплоатации трудовых слоев тюркских национальностей и в этих целях упорно проводившая принцип непризнания башкир, как отличного по своим бытовым, этнографическим особенностям народа (от татар), под флагом объединения „интересов всех мусульман" внутри России

и противопоставления таковых (якобы) интересам русского населения, отрицала целесообразность территориального национального самоопределения башкир. Она требовала для них лишь культурно-национальной автономии или же, в крайнем случае, осуществления проекта Идель-Уральского Штата, преследующего цель объединения тюркских народностей и племен, заселяющих эти местности; основой государственного строя бывшей Российской империи она выдвигала принципы буржуазной демократии. Эта группа называлась „фракцией областников".

Курултай рассматривал весьма разнообразные вопросы, но основными из них оказались: санкционирование объявленной Центральным Башкирским Шуро территориальной автономии башкирского народа, земельный вопрос, организация органов власти, военное строительство, внешние сношения и выбор правительства.

При обсуждении вопроса о санкционировании объявленной автономии участники Курултая разделились на два резко очерченных крыла. Подавляющее большинство стояло за утверждение автономии и состояло из вышеуказанных двух первых башкирских групп; таким образом, в этом вопросе было достигнуто полное единодушие между ними. Другое крыло (незначительное меньшинство, опиравшееся на свою вооруженную силу) составили „областники". Они категорически высказались против автономии башкирского народа и даже против созыва самого Курултая, осуждая это действие башкирского народа, как вредное сепаратное выступление, мешающее идее объединения мусульман внутри России и Сибири на основе культурно-национальной автономии.

Первое же заседание Курултая (8 декабря 1917 г.) голосами двух башкирских групп установило границы Автономного Башкурдистана, в основу которых были положены данные об исторических башкирских землях. Областники голосовали против утверждения автономии. В состав так называемой „Большой Башкирии" должны были войти: вся Уфимская губерния, части Оренбургской, Пермской и Самарской. Однако, распространение автономии на всю намеченную территорию было признано преждевременным, и „Временные Правила" по управлению Автономным Башкурдистаном (январь 1918 г.) предусмотрели автономию только в пределах „Малой Башкирии". Ее территорию образовали: 1) кантон, состоящий из 10 волостей Оренбургского уезда (впоследствии Джетировский); 2) Кипчакский кантон (Оренбургский уезд); 3) Усерганский (тоже); 4) Бурзяно-Тангауровский (Орский уезд); 5) Тамьян-Катайский (Верхнеуральский); 6) Куваканский (Троицкий уезд—впоследствии слился с предыдущим), 7) Барын-Табынский (Шадринский уезд Пермской губ., впоследствии Аргаяшский); 8) Ичкин-Табынский (Челябинский уезд

Оренбургской губ., впоследствии Яланский); 9) Токчуранский (Оренбургский уезд и Бузулукский уезд Самарской губ.). Эта территория составила основное ядро Башкирии, к которому затем сделали ряд прирезок.

В земельном вопросе башкирские группы разошлись. Левая ориентация выдвинула предложение о запрещении продажи земли, т.-е. отмену института частной собственности на землю, но это предложение было отклонено большинством Курултая. Была принята следующая декларация: „живущие на территории Башкирской республики без различия религии и национальностей пользуются землей, лесом и водами на одинаковых правах с башкирами".

По остальным вопросам Курултай принимал решения в духе постановлений первых двух Башкирских съездов.

Нужно отметить, что татарская фракция „областников", непримиримо настроенная к самоопределению башкирского трудового народа, сначала старалась не допускать созыва Курултая, а впоследствии, в дни Курултая,—различными способами скомпрометировать идею самоопределения башкирского трудового народа, имея конечной целью даже разгон самого Курултая. Вся эта работа фракции „областников" проводилась по директивам „Миллят Меджилиса" (Национальное Собрание Мусульман России, организованное Первым Всероссийским Мусульманским съездом, имевшим место в мае 1917 года в Москве) и Всероссийского Мусульманского Военного Шуро, преследовавших цели объединения всех мусульман России и Сибири, без различия племен, в том числе и башкир, на основе только культурно-национальной автономии, в худшем случае допуская территориальное самоопределение мусульманских национальностей по проекту Волго-Уральского штата, — куда должны войти области, населенные татарами, мещеряками, башкирами и киргизами.

Попытки фракции „областников" провалились, и Курултай продолжал свою работу.

16 декабря 1917 года представители фракции „областников", видя бесплодность своих попыток к срыву работ Курултая, начали агитацию против последнего среди солдат Первого Мусульманского полка, расположенного в городе Оренбурге и подчиненного в оперативном отношении Дутову, а в административно-политическом—Всероссийскому Мусульманскому Военному Шуро через его Оренбургский Мусульманский Военный Комитет. Солдаты этого полка состояли преимущественно из башкир, остальные из татар, а командный состав исключительно из татарских офицеров, приверженцев „Миллят Меджилиса" и Мусвоен-Шуро. На полковом собрании представители „областников" и Оренбургского Мусульманского Военного Комитета агитировали за разгон Курултая вооруженной силой. Однако, контр-выступление пред-

ставителей фронтовиков башкир—участников Курултая привело к тому, что вместо участия в вооруженном разгоне Курултая солдатская масса избила агитаторов (были избиты представители Казанского Мусульманского Военного Окружного Комитета: Мухамет Тагиров и Председатель Оренбургского Комитета Абдулбаширов Сахиб Гирей) и выгнала их из собрания. Башкирские солдаты, на том же собрании, организовав свой собственный Военный комитет, отделились от татарской части полка и стали защитниками идеи самоопределения.

После этого инцидента представители Оренбургского Мусульманского Военного комитета и фракции „областников" 18 декабря 1917 года внесли в Курултай нижеприводимый ультиматум с категорическим требованием ответа по существу в течение 12 часов:

„Событие 16 декабря возникло, как следствие деятельности самого Курултая и его руководителей. По этому поводу общее собрание Оренбургского Мусульманского Военного комитета и Первого Мусульманского стрелкового полка пришло к следующему решению:

1) На Съезде (Курултай), созванном именем Башкирии, представителям татар, тептярей, черемисов и русских руководителями Курултая, которые иногда не отказывались от применения к ним насилия, не была предоставлена свобода должным образом выполнить поручения, возложенные на них массами;

2) Лица, сумевшие взять в свои руки руководство Съездом в целом и направившие башкирское движение за автономию по пути выделения башкир в качестве „господствующей нации", чего свободные граждане свободной России не могут выносить,—оскорбляли ради достижения своей цели все священные установления других народностей.

3) Они опозорили высокое установление мусульман внутри России и Сибири „Миллят Меджилисе"[1] и Всероссийское Мусульманское Военное Шуро, созданное на первом Съезде воинов-мусульман, представителей миллионных масс, вынужденных годами проливать свою кровь на чужбине, после переворота добровольно готовых жертвовать ею во имя нации и мусульманства, и в настоящий момент признавших Шуро единственным своим высоким судьей.

4) В последние дни именем Курултая приступлено к распространению племенной вражды среди войск—мусульман и к разжиганию, путем лжи и клеветы, крови отсталых солдат, следствием чего явилось избиение и ранение холодным ору-

---

[1] „Миллят Меджилисе" возглавлялся кадетом Садрай Максудовым, имевшим благословение „Всероссийского Муфтия" Алимджана Баруди.

жием комиссара Казанского Мусульманского Военно-Окружного комитета Мухамета Тагирова.

Считая своим долгом защитить мусульман от незаконных действий и оскорблений, которых не могут выносить граждане, мы требуем:

1) Именем Курултая взять обратно оскорбления, брошенные по адресу Миллят Меджилиса и Военного Шуро.

2) Наказать соответствующим образом виновников избиения и ранения комиссара Окружного Мусульманского Военного комитета Мухамета Тагирова.

3) В противном случае всю полноту ответственности возлагаем на противодействующих (отклоняющих ультиматум). 18 декабря 1917 года. Председатель Оренбургского Военного комитета Абдулбаширов (Сахиб Гирей), секретарь Оренбургского Военного комитета Сагади Мустафин (протокол 13 заседания Курултая)".

Кроме того, фракция „областников" выступила с особым мнением, в котором протестовала против самого названия Башкирской Республики (допуская для Башкирии, в соответствии с выдвигаемой ею схемой политического устройства мусульман, лишь название одного из штатов Волго-Уральского объединения мусульманских народностей), против намечаемых границ Башкирии и против нарушения Курултаем основного плана Миллят Меджилиса. Фракция заявила, что в силу причин, изложенных в ультиматуме, она была лишена возможности изложить свои взгляды на целый ряд существенных вопросов и принуждена будет, если обстановка на Съезде не изменится, отказаться от работы в Курултае. Ввиду отклонения ультиматума и „особого мнения", фракция „областников" покинула Курултай.

Таким образом, татарская буржуазно-интеллигентская группа пантюркистов и панисламистов, ставившая себе целью организацию культурно-национальной автономии мусульман внутри России и Сибири, на основе Российской буржуазно-демократической Республики, маскировалась на этом Курултае защитницей интересов мелких народностей от „империализма" башкир.

В отношении политической ориентации Курултая, применительно к платформам российских политических партий, надо сказать, что он не был представлен группами, которые защищали бы официальную программу той или иной из них. Но все же Курултай успел ознакомиться с этими программами и в общих чертах наметил свое отношение к ним. Для башкирского большинства Курултая это отношение преломлялось сквозь призму гарантии, которую сможет дать башкирам та или иная демократическая партия в деле осуществления национально-территориальной автономии. Нелишне подчеркнуть, что и сами политические партии, за исключе-

нием эсэров (через „областников"), мало интересовались Курултаем. Выступавшие на нем представители большевиков направляли свое внимание почти исключительно на полемику с представителями эсэров и Временного правительства (тогда еще Оренбург был во власти комиссара Временного правительства Архангельского).

Ксе-Курултай. Курултай выделил из своего состава исполнительный орган—предпарламент „Ксе-Курултай" в числе 22 членов, с председателем Ю. Бикбуевым и членами: Шарифом Манатовым, Заки Валидовым и Н. Мутиным. Предпарламенту, одновременно с продолжающим свои функции представительного органа Башкирским Центральным Шуро, Курултаем поручено было дальнейшее укрепление башкирской автономии и создание башкирского национального войска.

Политическая платформа Ксе-Курултая и Башкирского Центрального Шуро может быть охарактеризована следующей выдержкой одного из их воззваний:

„В настоящий момент различные политические партии ведут ожесточенную борьбу между собой. Политические деятели разделились на различные группировки. Для башкирского народа ни в коем случае недопустимо вмешательство в эти политические группировки и разъединение сил, так как это послужило бы тормозом для осуществления национального территориального самоопределения башкирского народа. Башкирский народ должен держаться в стороне от смешного положения, в котором находятся политические партии из-за партийных расчетов. Мы, башкиры, не большевики, не меньшевики, а только башкиры".

Ксе-Курултай создал кантонные советы и преобразовал Тюбек-Шуро в юртовые (волость) административные единицы. Одновременно был сформирован Башкирский Военный Совет, переименованный впоследствии в Штаб Башкирских войск.

В это время Красная гвардия подступала к Оренбургу. Оренбургские кадеты, эсэры и меньшевики организовали комитет „Спасения Родины и Революции". Этот комитет стал формировать добровольческие отряды для защиты Оренбурга. Оренбургские Областной Мусульманский и Военный Мусульманский комитеты добровольно стали на сторону комитета „Спасения"; вооружив оренбургское татарское население, состоящее преимущественно из мелкой и крупной буржуазии, они выступили на защиту Оренбурга.

В это же время комитет „Спасения" сделал предложение Башкирскому Ксе-Курултаю примкнуть к нему. Последний 15 января 1918 года, обсудив предложение комитета „Спасения", решительно отверг это предложение по мотивам, изложенным в приведенной выше выдержке из обращения Ксе-Курултая к населению.

В целях создания национального фонда Ксе-Курултай принял решение приступить к конфискации помещичьих имений, заводов и золотопромышленных приисков, расположенных в Башкирии. Конфискацию он наметил начать с имения помещика Шотта, завода Макрушина и приисков Баймакского района и для осуществления этой цели командировал своих членов—Идельбаева и Магазова. В этот момент отряды комитета „Спасения", получив поражение при ст. Каргалка, начали отход к Верхнеуральску. Разбросанные ими предметы вооружения подбирались отрядами Оренбургского Мусульманского Военного комитета.

Но вот Оренбург занят Красной гвардией. Ее вчерашние противники из оренбургских областных мусульманских комитетов (гражданского и военного) превратились в ее „друзей". Они заявили, что обезоружили казаков и передали Красной гвардии их оружие. Для достижения своей основной цели по уничтожению Башкирской автономии, они начали травлю башкир, обрисовав их перед работниками Красной гвардии, как союзников Дутова. Руководителям Красной гвардии в эпоху ожесточенной войны за социальную революцию некогда было детально разобраться в тогдашней башкирской обстановке. Несмотря на то, что Красная гвардия и представители гражданской Советской власти были встречены при вступлении в Оренбург приветствием Ксе-Курултая и несмотря на лойяльное отношение последнего к Советской власти вообще—некоторые видные из башкирских работников под давлением татарских организаций были арестованы. В то же время ни один из работников мусульманских (татарских) организаций не подвергся преследованию. Скоро были распространены слухи о том, что башкирское движение за национальное самоопределение в корне контр-революционно. В Баймаке имел место печальный инцидент, закончившийся расстрелом командированных туда для конфискации приисков и для организации там добровольческих башкирских отрядов для защиты автономии Башреспублики от Дутова членов Ксе-Курултая Идельбаева, Магазова и других.

Указанные уполномоченные по прибытии на место успели организовать добровольческие отряды численностью до 300 вооруженных человек. Еще до занятия Баймакского района Красной гвардией башкирский отряд вел переговоры с баймакскими рабочими организациями о создании смешанной русско-башкирской Красной гвардии. Соглашение было достигнуто, и представители обеих сторон были командированы в Орск за получением предметов вооружения, но в этот момент из Оренбурга по настоянию татарских работников дано было распоряжение об аресте руководителей башкирских добровольческих отрядов, которое и приводится в исполнение. Вскоре после этого на месте достигнуто было согла-

шение об освобождении арестованных, которое, к сожалению, не было осуществлено, так как прибывший из Орска отряд красногвардейцев под командой Баранова (начальник Орской дружины) с этим соглашением не посчитался и расстрелял арестованных (конец февраля 1918 г.), чем сгустил политическую атмосферу.

В основе всего инцидента лежала принятая Красной гвардией на веру клевета татарских работников о совместных якобы действиях Ксе-Курултая с Дутовым. Говорилось даже о существовании тайных соглашений между Ксе-Курултаем и Дутовым, направленных против Советской власти.

Некоторые представители Советской власти мотивировали подчас свое враждебное отношение к башкирам всякого рода историческо-социальными причинами. По отголоскам воспоминаний о беспредельных земельных богатствах башкир в отдаленные времена,—некоторые из них составили себе представление, что и в наше время башкиры, особенно вотчинники, являлись собственниками крупных земельных участков — своего рода помещиками. Отсюда они делали вывод, что башкиры, естественно, не могли быть на стороне Советской власти, провозглашавшей принцип трудового землепользования. (Ссылку на мифических богачей—башкир-вотчинников мы имеем, между прочим, и в труде И. Подшивалова „Гражданская борьба на Урале 1917/1918 г.“ Москва 1925 г., стр. 55).

С другой стороны, русское зажиточное крестьянство на местах, напуганное слухами об отобрании у них земли башкирским правительством, также старалось выставить башкир противниками Советской власти, в классовой сущности которой они еще не разбирались. Баймакский инцидент и арест членов Ксе-Курултая вызвал большое возмущение среди башкир. Быстро распространились слухи по всей Башкирии о полной ликвидации автономии и расформировании кантонных и юртовых советов.

В целях установления нормальных взаимоотношений с башкирами Оренбургский Ревком создал в Оренбурге Революционный Башкирский совет из татарских работников, который, однако, не пользовался никаким влиянием на башкир и скоро был ликвидирован татарскими же работниками.

3 апреля 1918 года казаки сделали налет на Оренбург и из тюрьмы освободили арестованных. В числе освобожденных оказались и члены Башкирского Ксе-Курултая.

ГЛАВА VI.

Под властью Дутова и Колчака.

Соглашение с чехами. Формирование башчастей. После бегства из Оренбурга большинство членов Ксе-Курултая во главе с Валидовым собрались (в начале июня) в Челябинске, который в это время находился во власти чехов. Ксе-Курултай объявил о возобновлении своих действий и вошел в переговоры с чехами о признании его последними. Заключенный между чехами и Ксе-Курултаем договор предусматривал условное признание чехами башкирской автономии и право формирования башкирских частей. В договоре было, по требованию чехов, оговорено, что окончательная санкция башкирской автономии должна быть произведена Учредительным Собранием.

После этого договора Ксе-Курултай восстановил Башкирский Военный Совет, который приступил к формированию башкирских войсковых частей.

Необходимо подчеркнуть, что это время является моментом хотя и кратковременного, но полного разрыва Башкирского правительства с Советской властью. Под влиянием репрессий местных советских работников против башкир у членов Башправительства сложилось мнение, что Советская власть является принципиальным врагом Башкирской автономии. Относящиеся к этому времени воззвания правительства к народу призывали его к борьбе с большевиками, как с предполагаемыми посягателями на башкирскую свободу. В одном обращении (июнь 1918 г.), после перечисления действительных и легендарных притеснений башкир и прочих тюркских народов со стороны Красной гвардии—по отношению к большевикам сказано следующее: „Мы опозорим себя перед лицом всего света, если предоставим им полную свободу действий в нашей Башкирии, на нашем Урале. Если мы, башкиры, так же как и другие населяющие Башкирию мусульмане, будем их бояться, не прогоним их из Уральских пределов, то мы лишимся всех наших прав на землю и автономию. Поднимайся, башкир, восставай, мусульманин! Стройся в ряды войск! Прояви свою отвагу, смелость и решительность, сбрось с себя лапы, которые на тебя наступили“.

К этому же времени должны быть отнесены отдельные попытки Башкирского правительства связаться с существовавшими тогда демократическими (анти-советскими) национальными центрами, как-то: „Совет национальностей“ и „Юго-Восточный Совет национальностей“.

Усилиями Башкирского Военного Совета до августа 1918 года сформированы были 1-й, 2-й и 3-й башкирские стрелковые полки, во главе со штабом башкирских войск,

и впоследствии одновременно с правительством были переброшены из Челябинска в Оренбург, который находился под властью Дутова. В то же время правительство стало собирать башкир-солдат, бывших в старой русской армии, в свои национальные части. К этому времени закончилось формирование пяти башкирских пехотных полков, 1-го и 2-го башкирских конных полков. Кадрами послужили отдельные военные команды, группировавшиеся частью в Сызрани, частью в Баймаке. Кадром для 2-го кавалерийского полка послужили мелкие кантонные конные команды, несшие службу охраны на правах конной милиции; последняя была сведена в один отряд для сформирования 2-го кавалерийского полка. Формирование 2-го кавалерийского полка и 6-го пехотного полка происходило при следующей обстановке.

Дутов совместно с Комитетом Учредительного Собрания распространил свое влияние на всю южную территорию Башреспублики при помощи своих отрядов и расположенного в этом районе казачьего полка под командой войскового старшины Богданова. Поэтому, хотя в Башкирии и были организованы кантонные управления (с военными отделами) и Тюбек-Шуро,—они фактически не были хозяевами своих территорий. Земельные и лесные вопросы, а также вопросы взимания налогов и сборов, разрешались уполномоченным Комитета Учредительного Собрания и земской управой. На этой почве с самого начала пошли трения между Башкирским правительством и Дутовым.

В целях усиления власти местных кантонных управлений и оказания надлежащего отпора разгуливавшим по Башкирии и терроризировавшим башкирское и русское крестьянское население казачьим белым отрядам войскового старшины Богданова—Башкирский Военный отдел поручил Ахмеду Биншеву и Сагиту Мрясову организацию добровольческих отрядов путем посылки своих уполномоченных с кадром комсостава по кантонам. Население весьма охотно пошло навстречу организации отрядов: добровольцы шли со своим оружием, обмундированием и лошадьми и содержались на средства местного населения. За короткое время с июня по октябрь 1918 г., численность добровольцев достигает более $3^1/_2$ тысяч человек. Начальники добровольческих отрядов в то же время являлись начальниками гарнизонов данного района.

Дутов, видя в добровольческих отрядах все растущую вооруженную силу внутри Башкирии, принял все меры к дезорганизации и разгону этих отрядов: потребовал отправки их на фронт на усиление и пополнение башкирских действующих частей. Этим Дутов преследовал цель ослабления власти Башкирского правительства.

Последнее, в противовес попыткам Дутова, наоборот стягивало действующие отряды в районе Красной Мечети, где из них приказом Башкирского Войскового Управления от 5 октября 1918 г. № 58 формировались 2-й кавалерийский и 6-й пехотный полки, с подчинением их 2-й сводной дивизии. Командиром первого из полков назначен был Ахмед Биишев и второго—Осман Терегулов.

После этого Башкирское Войсковое Управление, опираясь на свои тыловые части (1-й и 2-й кавалерийские и 6-й пехотный полки) стянуло остальные действовавшие под властью Дутова на Актюбинском фронте башкирские части, из которых сформировало первую дивизию (1-й, 2-й, 4-й и 5-й стрелковые полки). В это же время был сформирован штаб Башкирского корпуса (командир — Заки Валидов, начштаба—Илиас Алкин).

6. Ком-р 2-го кав. Башк. полка (добровольческ.) т. Ахмет Биишев, ныне зам. Наркомфин Башкирской Республики.

Приказом № 58 от 5 октября 1918 года все добровольческие отряды были сведены в Башкирский добровольческий полк, который был передан в непосредственное подчинение штабу Башкирских войск. Приказом от 12 октября 1918 года башкирские полки были переименованы: пехотные—в стрелковые, кавалерийские — в конные, с сохранением их первоначальных номеров. [1]

Идея организации вооруженной силы пользовалась среди населения популярностью. Население склонялось к мысли—уйти из своих деревень в ряды башкирского войска; другого выхода не было, так как башкирская территория была в распоряжении Дутова (восточная часть) и Самарского Комитета членов Учредительного Собрания (западная часть). Учитывая

[1] Формирование 1-го башк. кав. полка описано ниже.

настроение населения, Башкирское правительство (Ксе-Курултай) намеревалось довести количество своего войска до состава отдельного корпуса. Чтобы получить необходимое количество для этого корпуса вооружения и предметов снабжения, Башкирское правительство заключило в августе 1918 года с Дутовым договор на условиях признания башкирского самоуправления и оперативного подчинения башкирского корпуса Сибирскому командованию через вновь организуемый штаб башкирских войск. Заключая этот договор, обе стороны преследовали свои скрытые цели. Дутов имел в виду взять в свои руки командование башкирскими войсками и, с одной стороны, использовать их для активной борьбы против красных, а с другой—лишить Башкирское правительство реальной опоры. Башкиры стремились получить вооружение и снаряжение и использовать их исключительно в целях защиты своей автономии, не останавливаясь и перед действиями против Дутова, если бы к этому их принудила соответствующая обстановка.

До декабря 1918 года Дутову действительно удалось использовать большинство башкирских полков, которые первоначально были отданы Башправительством в распоряжение правительства Комитета членов Учредительного Собрания и затем переданы последним в ведение Дутова.

К этому времени для Башкирского правительства стало ясным, что все обещания Комитета членов Учредительного Собрания не будут выполнены (снабжение деньгами, вооружением, твердое признание башкирского самоуправления без вмешательства со стороны различных органов и т. п.), что власть этого Комитета окончательно разложилась и выродилась в диктатуру Колчака.

Подготовка к переходу на сторону Советской власти

С начала ноября 1918 года Башкирское правительство твердо решило связаться с Советской властью и одновременно начало вести подготовительную работу среди войск и населения к переходу. 25 ноября, после объявления диктатуры Колчака, Башкирское правительство командировало двух делегатов в Москву для переговоров с Советом Народных Комиссаров, но один из них (Гарей Карамышев) был задержан в Уральске, а другой (С. Атнагулов) в Москву не поехал и не сообщил Соввласти о желании башкир перейти на ее сторону.

Одновременно такие же шаги предприняты были правительством „Алаш Орда“ (теперь Казакстан), с которым Башкирское правительство поддерживало связь.

6 декабря 1918 года на совместном совещании представителей Правительств Башкирии и Алаш Орды в селе Ермолаевке было постановлено, что присоединение башкир

и киргиз к Советской власти должно быть совершено одновременно и не позже конца декабря того же года.[1]

В конце ноября и в начале декабря 1918 года в Оренбурге подготовлялся заговор против Дутова, который к этому времени успел получить мандат на управление краем и на командование войсками от „Верховного Правителя России“ Колчака. В заговоре участвовали видные башкирские работники и находившиеся в Оренбурге башкирские полки, которые могли открыть Красной армии подступы к Оренбургу. Однако, вследствие предательства вольноопределяющегося Галиева (получившего от Дутова за это офицерский чин), заговор был раскрыт и Дутов был только ранен.[2]

После этого Башкирское правительство разослало своим частям секретный циркуляр, в котором дало указания о порядке и сроках явочного снятия башкирских частей с фронтов Дутова и их предварительной группировке в районе Имангулова—Якутово, что в 50 верстах севернее Оренбурга. В этом же циркуляре указывалось, что в случае наступления на башкирские части красных войск, отступать без активного сопротивления.[3]

15 декабря Башкирское правительство вторично командировало в Уфу двух своих членов, Халикова Муллаяна и Сагитова, для переговоров с представителями Советской власти о переходе.

На заседании делегации Башправительства с Советскими представителями в Уфе, 30 января 1919 года было постановлено немедленно войти в окончательные переговоры с местными руководителями и центральными органами Советской Республики для заключения определенного и формального договора по вопросу об автономии Башкирии и взаимоотношениях ее с Советской властью. Условия должны быть такие, каковы были принятые Башправительством на заседании 21 ноября 1918 года.

Ход переговоров был успешен. Вместе с тем Башкирское правительство и командование усиливали свою агитацию в башкирских частях за переход на сторону Советов. Агитация имела успех. Разведсводка наштадива Пензенской дивизии (15 февраля 1919 года) указывала, что в башкирских полках, стоящих еще на противном фронте, появилось нежелание бороться с красными частями; офицеры тоже признали бесплодность борьбы и покинули башчасти; башкирские части вынесли протесты на митингах против присоединения к Сибирскому правительству.[4] Приказом по башвой-

---

[1] Архив Красной армии, дело № 200—045.
[2] Архив Красной армии, дело 22—677.
[3] Циркуляр Валидова от 14 декабря 1918 года.
[4] Полный текст договора—см. ниже.

скам были назначены в башкирские дивизии лица с неограниченными полномочиями для сохранения дисциплины в частях. [1]

8 февраля 1919 года в штабе Башкирского корпуса состоялось совещание правительства с командованием, где было принято окончательное решение о переходе на сторону Советов в ближайшие дни и для оформления этого перехода была послана новая делегация.

Между тем 16 февраля 1919 года командующим башвойсками был отдан приказ о сосредоточении войск в район дер. Темясово, для подготовки перехода полков на сторону красных частей. [2] В приказе по башкирскому войску того же числа (№ 70) говорилось:

„Объявляю всему башкирскому войску и башкирскому народу, что башкирское войско с 10 часов 18 февраля 1919 года переходит на сторону Советской Власти и начинает совместно с Красной армией беспощадную борьбу с врагами революции, свободы, самоопределения наций — Колчаком, Дутовым и всеми мировыми империалистами.

Всех лиц состава башкирского войска, пытающих бежать и уклониться от службы революции и борьбы с ее врагом, приказываю задержать и представить в штаб Башкирского войска (корпуса) в селение Темясово.

Неприкосновенность личности офицеров, оставшихся в рядах башкирского войска для дальнейшей службы—гарантируется мной, о чем договорено с Советской властью.

Приказ этот прочесть во всех ротах, эскадронах и командах. Подлинный подписал командующий башкирскими войсками и Начальник Башкирского Войскового управления— Валидов. Наштаба Алкин“. [3]

Вслед за этим отдается приказ по Башвойску о неисполнении приказов Дутова. Колчак, в ответ на это, отдал приказ о роспуске Башправительства, о прекращении финансирования башкирских частей и об упразднении Башкирвойск Управления. [4]

В это время в Уфе представителями Башкирского правительства и представителями Уфимской Советской власти и командования Красной армии было подписано предварительное соглашение о переходе.

После 16 февраля башкирские полки были втянуты в район дер. Мраковой—завод Кананикольск, а с 21 февраля уже дрались на стороне красных войск.

---

[1] Архив Красной армии, дело № 22—677.
[2] Приложение № 2.
[3] Архив Красной армии, дело № 231—411.
[4] Приложение № 3.

Переход Башкирского корпуса на сторону красных частей

В момент перехода, в состав Башкирского корпуса входили следующие части: 1-й стрелковый полк—800 чел., 2-й стрелковый полк—715 чел., 4-й стрелковый полк — 650 чел., 5-й стрелковый полк—720 чел., 6-й стрелковый полк—650 чел., 1 кав. полк—540 чел., 2-й кав. полк—1.110 чел., запасный стрелковый полк, комендантские, караульные, конвойные, этапные, обозные команды, команды связи, саперные команды, особая комендантская рота при Правительстве, Караван-Сарайская команда—285 чел., особый Усерганский конный батальон—210 человек. Всего—6.556 человек.

Таким образом с 16 февраля можно считать Башкирию целиком перешедшей на сторону Советов и Башкирские войска с имеющимся у них оружием—направленными против врагов революции.

Договор соглашения между башкирскими представителями и Советским командованием V армии 19 марта 1919 года был утвержден ВЦИК в духе предварительного соглашения, установленного Башкирправительством и РВС Восточного фронта и опубликован 23 марта того же года.

Приводим полностью предварительный договор между Башкирским правительством и представителями Советского командования:

1) Башкирскому народу гарантируется автономия при условии, если власть Башкирской Советской Республики будет организована на основе Советской Конституции, утвержденной 5 Всероссийским Съездом Советов 10 июля 1918 года.

2) Члены существующего Башкирского правительства, административных учреждений и общественных организаций не подлежат репрессиям за свою минувшую деятельность, с момента подписания настоящего договора.

3) Башкирские войска немедленно прекращают военные действия против Советских войск и обращают свое оружие против Колчака—Дутова и других врагов Советской России, подчиняясь указаниям советского командования или же переходят на территорию, занятую войсками Советской России; при этом, в этом случае впредь до окончательного согласования о переходе в тот район, который был указан командованием Советской армии, Башкирское правительство отдает соответствующий приказ по армии.

4) Башкирское правительство немедленно выпускает воззвания к башкирскому народу и войскам с призывом прекратить борьбу против Советской Республики.

5) До окончательного соглашения с центральной властью, власть Башкирского правительства не распространяется на территорию, занимаемую советскими войсками.

6) Окончательное соглашение должно быть заключено в Москве, куда Башкирское правительство и высылает своих полномочных представителей. Подписали: Революционный Военный Совет Восточного фронта—Смилга, Гусев, Каменев. Председатель Башкирского правительства Кулаев. Член Башкирского Областного Совета Халиков. Адъютант командующего Башкирскими войсками Бикбавов.

Командующий башкирскими войсками—Валидов.

Начальник Штаба Башкирских войск Илиас Алкин.

Заместитель Председателя Военного Башревкома—Карамышев.

Марта 1919 г. дер. Темясово.

(Известия Башк. Обл. Ком. РКП (б), № 1, 2 апреля 1922 года) [1].

21 февраля был созван Съезд Башкирского войска в Темясеве и избран Ревком.

День 18 февраля стал историческим днем для Башкирии. Башкирский трудовой народ приветствовал Советскую власть, и башкирские солдаты братались с красноармейцами. В лице Красной армии башкиры начали видеть свою защитницу и стали помогать ей снабжением, продовольствием и проч.

Факт перехода башкирского корпуса на сторону красных частей ускорил разложение казачества и усилил моральный подъем Красной армии. Башкиры явились значительной силой в дальнейших стратегических успехах советских армий.

Тов. Сталин, тогда Нарком по делам национальностей, так характеризовал башкирские войска: „Войско ваше доблестно держится против Дутова и Колчака. Башкирского народа насчитывается до 2 милл., и он даст для защиты завоеваний революции в России и распространения ее по всему миру — стотысячную дисциплинированную, преданную идее и своим вождям, армию... Главное условие успеха—это не навязывать извне, а привлекать инициативу самого народа и его трудовой интеллигенции". [2]

---

[1] Приложения №№ 4, 5.

[2] Газета „Коммунар" № 47, 22 марта 1919 г.

РАЗДЕЛ II.

БАШКИРСКИЕ ВОЙСКА В ГРАЖДАНСКУЮ ВОЙНУ.

ГЛАВА I.

Обстановка к началу совместной работы башкирских частей с советскими войсками.

Трения между советским и башкирским командованием и переход некоторых башкирских частей обратно.

Декретом Совета Народных Комиссаров и ВЦИК от 23 марта 1919 года башкирские военные части вошли в состав Красной армии. Использование этих частей было признано РСФСР целесообразным как в военном, так и в политическом отношениях.

Но окончательному сближению двух народов мешали еще некоторые причины. Со стороны башкир существовало еще неизжитое недоверие, как отзвук отношения Колчака, к автономии Башкирии, которое заставляло руководителей башкирского движения болезненно относиться ко всякой попытке ликвидировать башкирские национальные части.

Между тем, со стороны некоторых лиц советского командования были допущены грубые ошибки, основанные на недоверии к башкирам и их правительству.

Башкирское правительство вступило в переговоры о переходе Башкирского корпуса на советскую сторону с РВС V Красной армии. Командующий башкирскими войсками Валидов 9 февраля сообщил командарму V различные секретные сведения о состоянии войск и о расположении башчастей в долине р. Белой и Ик и в районе Кананикольска, условившись 16 февраля прибыть в Мраково (Красная Мечеть) для выработки плана совместных с войсками Красной армии действий против Колчака—Дутова [1].

К этому моменту дислокация башкирских войск оказалась в районе действий Красной I армии. Некоторые из лиц

---

[1] Архив Красной армии, дело № 200—045.

командно-политического состава этой армии не считались с соглашением, достигнутым представителями Башкирского правительства с командованием V армии, и стали по отношению к башкирам и их представителям проводить политику недоверия и подозрения, приведшую в конечном результате к репрессиям против мирного башкирского населения и толкнувшую часть башкирских полков в объятия контр-революции.

Несмотря на то, что председатель Всероссийской Мусульманской Военной Коллегии при РВСР Султан Галиев, член Совета Обороны Республики И. В. Смирнов, член Башкирской делегации Кулаев, указали от имени центра о недопустимости разоружения башкирских частей, о необходимости дальнейшей работы Валидова в качестве командующего башкирскими войсками и о сохранении и пополнении частей для наступления на Дутова—Колчака, [1] Валидов был отстранен Политотделом I армии [2] от командования. Вместе с тем со стороны командования Пензенской дивизии определилось враждебное отношение к башкирам, выразившееся в требовании—сложить оружие и сдаться в плен, угрожая, в случае неисполнения, открыть огонь. В этой армии господствовало мнение о недопустимости, вообще, в составе РСФСР и ее Красной армии национальных формирований.

В силу такого понимания, Пензенская дивизия под командованием комдива Воробьева повела наступление своим 1 Смоленским полком против башкирских частей. Не встречая сопротивления, этот полк продвинулся в один день на 55 верст, без риска быть окруженным шестью башкирскими полками.

В письменном отношении к командующему I армией Валидов вынужден был указать, что продолжение наступления Красной армии на Кананикольск заставит башкирские полки вплотную подойти к войскам Дутова; это наступление может повлиять на башкирских солдат в нежелательную сторону. Поэтому Валидов предложил прекратить продвижение красных войск на линии реки Белой: от Байназаровой до Мендегуловой—Атиковой—завод Кананикольск—хутора Кушик—хутора Кукар. При этом башкирские части останутся на линии от станицы Инзильской до станицы Янгильской [3].

Командованием I Красной армии были поставлены нижеследующие условия перехода башкирских частей на свою сторону, указанные в приказе по армии: командный состав башкирских дивизий, от комполков и выше — распустить, а желающих—перевести на командование ротами и батальонами; всю материальную часть и артиллерию—передать

---

[1] Телеграмма штаба V армии от 23 февраля 1919 года.

[2] В районе которой действовали в это время башкирские части. *Ред.*

[3] Приложение №№ 6, 7.

в распоряжение штаба Пензенской дивизии. Нежелающие подчиниться этому приказу башкирские части—разоружать насильно. [1] Все это требовалось, несмотря на полную лойяльность по отношению к Советской власти башкирских частей.

В результате, по требованию командования I Красной армии, должны были сдать оружие все башкирские полки, за исключением 2 кавалерийского, 4 стрелкового полков и комендантской роты при правительстве. Штабом башкирских войск было отдано об этом распоряжение, при чем 2 батальона 1-го стрелкового полка перешли к белым, а 1-й кавалерийский полк (Муртазин) категорически отказался сдать оружие, не покидая линии фронта. [2] Во время этого частичного разоружения, на почве недоверия красноармейской массы (и части комсостава) к башкирам, недавно боровшимся на стороне белых,—возникли недоразумения между перешедшими башкирскими солдатами и красноармейскими частями, [3] вызвавшие телеграмму от 7 марта Валидова Командарму I Красной армии с указанием необходимости принятия мер для налаживания взаимоотношений; на это же указывалось и Оренбургскому Исполкому. Командир I Красной армии тов. Гай приказал начдивам Пензенской и 24-й стрелковым разъяснить красноармейцам, что башкирские войска есть нераздельная часть Красной армии и воюют рядом с ней против врагов Советской власти.

В то же время 1-й Башкирский кавалерийский полк продолжал держать фронт против казаков, находившихся в 50—60 верстах. Члены Башревкома (А. Адигамов и Ф. Тухватуллин) 2 марта подали в РВС I армии докладную записку с просьбой—стянуть все башкирские части в тыл до урегулирования взаимоотношений, так как, при непринятии этого во внимание, не будет уверенности, что башкирские солдаты будут стойко сражаться и удерживать фронт, и нет гарантии от всевозможных недоразумений на боевой линии, что ляжет темным пятном на башкирские войска и башкирский народ.

Тем временем взаимоотношения продолжали обостряться. На местах создавались исключительно русские ревкомы, которые считали соглашение между Башкирским правительством и Советской властью—для себя необязательным. Это имело следствием несколько эксцессов: [4] расстрел видного башкирского работника (А. Атнагулова), башкирских поэтов—Бабича и Иркабаева, насилие над популярной башкирской деятельницей по народному образованию (З. Ждановой),—озлобивших

---

[1] Архив Красной армии, дело № 59—594.

[2] Обращение РВС Южной группы, см. ниже.

[3] „Известия Башк. Обл. Ком. РКП (б)“, № 1, 2 апреля 1922 г.

[4] Приложение № 8.

население. Как последствие этого 1-й кавалерийский полк и часть 2-го кавалерийского полка вновь перешли к белым.

В результате растворения башкирских частей в русских частях [1] получилось следующее положение: большая часть башкирских войск было на стороне Советов, так же как и большинство руководителей Башкирского революционного движения; другая часть башкирских войск, недовольная условиями, при которых произошел переход к власти Советов, ушла к белым или держалась нейтрально в степях и Уральских горах, не подчиняясь никакой власти; остальная часть башкирских войск (очень небольшая) еще продолжала служить в рядах войск реакции [2] и, будучи обманутой, вместе с Колчаком уходила в Сибирь, даже на Дальний Восток, откуда небольшая группа вместе с Семеновым попала в Китай.

РВС Южной группы обратился к частям армии со следующим воззванием:

Обращение Революционного Совета Южной группы.

В декабре прошлого года совещание представителей Киргизского и Башкирского правительств постановило присоединиться к Советской власти. Только в феврале явилась возможность Башкирскому правительству через своих парламентеров узнать о благожелательном отношении к Башкирии Российского Советского правительства и через Реввоенсовет V армии вступить в переговоры о переходе башкирского корпуса на нашу сторону.

Командующий Башкирскими войсками тов. Валидов сообщил командарму V военные тайны, расположение частей и состояние войск, и условился 16 февраля прибыть в Мраково (Красная Мечеть) для выработки плана совместных с советскими войсками действий против Колчака—Дутова. К этому времени Башкирия и расположение башкирских войск оказались в районе действий I армии. Некоторые из лиц командного состава и политических комиссаров I армии не считались с соглашением, достигнутым представителями Башкирского правительства с Центральной Советской властью, стали по отношению к башкирам и их представителям проводить политику недоверия и подозрения, в конечной степени приведшую к полному аннулированию и репрессиям против мирного башкирского населения, создали враждебное отношение и толкнули башкир в объятия контр-революционеров.

При этом выяснились факты абсолютного невежества некоторых политических работников и командиров, не жела-

[1] Приказы Пензенской дивизии, приложение № 9.

[2] Отдельный башкирский батальон с самого начала продолжал служить в белой сводной Стерлитамаксяой дивизии („Боевое расписание сил противника", Архив Красной армии, дело № 65—603).

ющих считаться с решением Центральной Советской власти, стремление проводить свою политику в вопросе государственной важности и возмутительное попустительство в разного рода бесчинствах, творимых злостными преступными элементами Красной армии, так например: [1]

1) Невзирая на то, что член РВСР тов. Смирнов и председатель Всероссийской Мусульманской военной коллегии тов. Султан-Галиев от имени Центра заявили о недопустимости разоружения частей Башкирского корпуса и необходимости дальнейшей работы т. Валидова в качестве командующего означенным корпусом, комиссар I армии отстранил тов. Валидова от командования и запретил ему сноситься с частями корпуса, а один из командиров бригады и начдив с ведома и соглашения комиссаров продолжали утверждать о недопустимости национальных формирований и оставления частей корпуса, так как Россия должна быть единой, без всяких автономий. Некоторые шли дальше и заявили, что если Центр и приказал бы не разоружать Башкирские части, то приказ не был бы выполнен.

2) Увлеченные своими вождями, уверенные в благожелательном отношении Советской власти к башкирам, солдаты корпуса нашими частями коварным образом разоружались и как пленные подвергались издевательствам, побоям, разувались, раздевались догола. При этом представителями нашего командования делались наглые заявления, что терпят башкиры—это только начало того, что они в дальнейшем должны будут вынести.

И такие заявления находили подтверждения в дальнейших действиях: за оскорблениями и издевательствами следовали массовые расстрелы солдат и их вождей, сторонников Советской власти.

3) Отношение к мирному башкирскому населению полно ужаса; грабежи, аресты, расстрелы, изнасилование женщин имели широкое применение. На каждую деревню налагались контрибуции (деньгами и натурой). За невнесенные деньги расстреливались революционные деятели Башкирии, поэты и художники; у башкирского населения, не занимающегося хлебопашеством, отбирали последнее, приобретенное ими. Одна из виднейших женщин — учительница—изнасилована

[1] Допущенная чрезмерная резкость в выражениях показывает насколько остро стоял вопрос о взаимоотношениях. Но одновременно следует учитывать, что ошибки представителей Красной армии зависели не столько от пережитков национального шовинизма (хотя и это имело место), сколько от обострения взаимоотношений вообще, развития подозрительности и недоверия, т.-е. от явлений, всегда сопутствующих ожесточенной классовой борьбе, особенно в разгар гражданской войны. Поскольку автор настоящего труда в дальнейшем изложении не принимал этих соображений во внимание, редакция считает необходимым восполнить указанный пробел.

Ред.

в день 21 красноармейцем и, как пленница, отдана в распоряжение приходящих.

4) Такое недоверчивое отношение и подозреваемость практиковались и советскими учреждениями. Насаждались чисто русские Ревкомы из кулацких переселенческих элементов, ранее враждовавших и эксплоатировавших башкир. Органами власти на местах тратились огромные средства на борьбу с белогвардейскими бандами башкир и не наблюдалось стремления к соглашению с представителями автономного Башкирского правительства, а в передовых статьях официального органа говорилось даже о необходимости ареста Башревкома, впоследствии заключившего соглашение с Советской властью. Распоряжение Ревсовета Восфронта об отпуске 50.000 п. муки голодающему населению Башкирии не было выполнено.

Отмечая изложенное и обладая рядом фактов возмутительных по своему безобразию, распущенности и ужасу, Реввоенсовет Южгруппы находит, что объективное отношение значительного большинства башкир, жестоко эксплоатировавшихся царским правительством, подвергаемых постоянным репрессиям Дутова и Колчака, не может быть неблагожелательным к Советской власти.

Принимая во внимание приверженность к Советской власти Башкирии и соглашение, достигнутое между правительствами РСФСР и автономной Башкирии, опубликованное в Известиях ВЦИК от 23/III № 63/615, необходимо стремиться к тому, чтобы благожелательное отношение закрепить, трудовые элементы Башкирии привлечь на свою сторону, помня, что успешность продвижения зависит не исключительно от нашей военной мощи, но что в спешности продвижения колоссальную роль играет и отношение трудовых элементов занимаемой местности. Отношение к башкирам должно быть в корне изменено. Ничем неоправдываемых зверств к мирному башкирскому населению, грабежей, самочинных контрибуций, насилия—ни в коем случае не допускать. При этом следует помнить, что насилия, безобразия и предательство, имевшие место в прошлом, озлобили башкирское население против Красной армии и Советской власти вообще. Башкирское население не отнесется дружественно к вторичному вхождению Советской армии в Башкирию, так как в них оно не будет видеть избавителей от гнета и бесправия, а таких же насильников и угнетателей. К тому же сподвижниками Колчака наши ошибки использованы: среди башкир распространяется провокация о полном уничтожении Советской властью всего башкирского населения. Ошибки прошлого необходимо исправить, провокации Колчака разоблачить. Башкирским правительством в этом отношении принимаются меры. Их представители энергично работают среди населения в пользу

Советской власти. Необходимо подготовить красноармейские массы к иному, человеческому, отношению к башкирскому населению и внедрять в них сознание, что мы должны исправить ошибки прошлого и расположить к себе башкирское население.

Все конфликты, недоразумения, безусловно могущие возникать, не должны разрешаться без участия уполномоченных представителей Башкирского правительства при Реввоенсовете армии и политотделах дивизии.

В борьбе с башкирскими контр-революционерами ни в коем случае не следует опираться на русское поселенчество, в большинстве зажиточное и живущее эксплоатацией башкир.

Организация Советской власти в Башкирии возлагается на представителей Башкирского правительства. Политическим работникам армии предлагается оказывать широкое содействие советским работникам Башкирии.

Реввоенсовет Южгруппы предлагает всем политическим работникам на местах строго руководствоваться вышеуказанными соображениями и не допускать в дальнейшем печальных явлений, принесших огромный вред делу революции.

Революционный Военный Совет Южгруппы Вост. фронта: В. Куйбышев, Новицкий.[1]

Благодаря этой мере взаимоотношения сделались лучше. Вместе с тем было утверждено положение о национальных башкирских частях в составе Красной армии. Башчасти, перешедшие на советскую сторону, стягивалась в тыл, где переформировывались и проходили строевую и политическую подготовку.

Ниже мы даем историю формирования и боевых действий 1-го баш. кав. полка, положившего начало созданию башкирской кавалерийской бригады, которая после установления взаимоотношений с советским командованием (перехода бригады на сторону красных частей) усиленно вела боевую работу на гражданских фронтах 1920 г., в борьбе с противниками Советской власти.

ГЛАВА II.

Действия башкирских частей на Восточном и Уральском фронтах.

Начало формирования башкавполка.

1-й башкирский кавалерийский полк начал свое формирование с июня 1918 года. Цель его формирования, как и цель одновременно с ним формировавшихся других башкирских полков, вызывалась

[1] „Известия Баш. обл. комит. РКП (б)“, № 1, 2 апреля 1922 г.

необходимостью увеличения вооруженных сил автономной Башкирской республики, для ее защиты.

Начальником Войскового Управления Башкирии Валидовым был издан приказ, согласно которого командиром 1 башкавполка назначался А. Карамышев. Полк формировался на территориально-добровольческих началах. Для комплектования кавполка был отведен район Тамьян-Катайского кантона (быв. Верхне-Урал. уезд) в составе волостей: Кубеляк-Теляевской, Тамьян-Тангауровской, Катаевской и Тунгатарской.

Перечисленные волости имели население, которое преимущественно занималось скотоводством и, таким образом, могло дать отличный контингент бойцов-конников с собственными лошадьми.

Но почти одновременно с выходом в свет приказа Валидова о формировании 1 башкавполка, белогвардеец Анненков сделал налет на кантон, из которого полк должен был взять свой людской и конский состав, заставив тем самым готовившихся стать под знамя полка башкиров-революционеров, стоявших на платформе большевизма, бежать и скрываться в горах. Бежавшие во главе с М. Муртазиным бойцы (Муртазин Д., Муртазин А., Муртазин И., Казаткулов Х., Ишмурзин Ф., Калялов и друг.) по доносу кулаков попали в черный список белых и были ими объявлены вне закона. В это время Башкирское национальное правительство дало телеграмму о том, что ни один коммунист-башкир без его ведома расстрелян быть не может.

Занявши кантон, Анненков потребовал и добился назначения командного состава башкавполка исключительно из состава русских казачьих офицеров. Благодаря этому, с первого дня формирования полка в нем загорелась искра национального антагонизма между башкирским составом, с одной стороны, и казачьим командным составом, с другой, чем была создана благоприятная почва для ведения революционной пропаганды.

В полку организуется сознательная и революционно настроенная группа из башкир. Ведется пропаганда за смещение с командных должностей казачьих офицеров и замену их башкирами. Проводится идея защиты только своей Республики: ни один башкир не должен воевать за интересы чуждых ему наций, и особенно наций, во главе которых попрежнему стоит класс помещиков и фабрикантов.

Но влияние казачьяго комсостава и внешние успехи Анненкова в борьбе с Красной гвардией (первоначально) морально подействовали на большую часть людей полка, что дало возможность отправить полк на фронт против Красной гвардии. В результате дальнейшей агитации значительная часть людей полка (1-й эскадрон), однако, отказалась сражаться с Красной гвардией, мотивируя свой отказ отсутствием оружия и обмун-

дирования. После первого боя, где выбыли из строя казачьи офицеры (к-ры эскадронов), остатки полка присоединились к 1 эскадрону. Для восстановления эскадронов, распоряжением комполка (Карамышева), командиром 1-го эскадрона был назначен М. Муртазин, 2-го эскадрона—корнет Эглер. Незадолго перед этим, в связи со смертью комполка — башкира Карамышева, на его место назначен был белогвардейский есаул Гнага[1]. Последний, видя разложение полка, оттянул его сначала в г. Верхне-Уральск и затем в Троицк, чтобы окончательно закончить формирование и влить его в состав казачьих войск. Для башкир стало ясным, что вместо башкирского полка—национального, он превратился в башкирский полк белогвардейского казачьего командования, и что вместо защиты интересов своей молодой Республики, их ведут защищать интересы какой-то кучки офицеров во главе с Анненковым и Дутовым. И хотя привыкший к автоматической палочной дисциплине полк в поход тронулся, настроение башкирских войск уже определилось и для открытого непослушания белым нужен был только соответствующий призыв.

Бывший комбриг Отдельной Башкирской Кавалерийской бр., ныне слушатель Военной Академии т. М. Л. Муртазин.

Твердо решившись сделать из полка орудие борьбы за национальную автономную Башкирию, М. Муртазин с группой башкир обдумал план взятия в башкирские руки командования над полком. Перед одним из переходов, он, притворившись заболевшим, отстал с 25 отобранными людьми. Полк выступил без них. Спустя некоторое время, М. Муртазин с преданной ему группой нагнал полк. Объезжая колонну, он подъехал к командиру полка и рядом ударов заставил белогвардейского комполка обратиться в бегство (благодаря хорошей лошади

[1] Подчинявшийся непосредственно генералу Анненкову.

ему удалось бежать). Обратившись к бойцам-башкирам, Муртазин разъяснил им, что действия под руководством белых могут послужить только во вред интересам Башкирии. С этого момента комполка стал М. Муртазин. Перейдя на территорию Башреспублики, полк остановился в Тунгатаровской волости, где и приступил к реорганизации.[1]

Прежде всего надо было избавиться от ненужного командного состава и кулацкой части рядового состава, которые могли предать в любую минуту. Комиссия, назначенная для определения годности его бойцов с точки зрения службы в кавалерии, обследовала весь состав полка. После ее работы все ненадежные и чуждые национально-революционному духу бойцы были забракованы. Севшие на их лошадей бойцы из бедняков были воинами, на которых можно было положиться, в стойкости и верности которых сомневаться было нельзя. В результате реорганизации полка в нем образовалось ядро в 130 сабель. Так 1-й кав. башкирский полк стал действительно башкирским национальным, и, имея во главе командира-башкира, начал свою новую деятельность. Это было в июле месяце 1918 года. В начале августа полк перешел в Белорецкий завод. Это событие произвело сильное впечатление на часть членов (реакционно настроенных) кантонного управления (думы), среди которых возникло некоторое замешательство. Часть думы ходатайствовала перед казачьим командованием, ставленником генерала Дутова—Ханжиным, о разоружении отряда Муртазина.

Но в районе действий полка не было достаточно сильных казачьих войск, и полк продолжал свои переходы. Перевалив через Уральский хребет, полк в первой половине августа перешел в район Архангельского завода и, изолировав себя от казачьих войск, направился к реке Сим, где попытался присоединиться к красным в районе дер. Молчазы.

Но красные, не зная намерений полка, встретили его огнем и не подпустили к себе высланную им делегацию. Ночью же этого дня они, считая башкирский полк казачьим отрядом, его окружили, но отряд все же вышел из кольца.[2] Ввиду неудачи своего замысла—присоединиться к красным и опасаясь влияния на полк белого казачества, комполка решил уйти из этого района в Белорецк, где временно распустить полк (до новых указаний от Башкирского правительства). Полк через Архангельский направился на завод Белорецк, куда и прибыл к началу сентября. Здесь правительство назначило командиром полка М. Карамышева, которому и поручено было продолжать формирование 1-го башкавполка, а М. Муртазину принять один из эскадронов.

---

[1] Дневник формирования полка.

[2] Желательно, чтобы участники боя в дальнейшем пояснили, почему отряд не сдался, если хотел перейти на сторону Красной армии *(Ред.)*.

Не закончив своего формирования, в составе 2 эскадронов, в сентябре 1918 года полк был переброшен в Оренбург для охраны переехавшего в этот город правительства Башреспублики.

Это совпало с периодом начавшихся трений между правительством Башреспублики и Дутовым, и в Оренбурге (в конце ноября 1918 г.) полк принимал участие в заговоре против Дутова. Когда Башправительство порвало с Дутовым окончательно, дивизион вместе с правительством переходит в Баймак, где продолжает нести службу охранения правительства от возможных налетов Дутова, укомплектовываясь добровольцами—башкирами Зилаирского кантона (бурзянцами, кипчакцами и усерганцами)[1] и доведя свой состав до 4 эскадронов. В полку между активной частью башкир и казачьим командованием продолжалась борьба за создание исключительно башкирского комсостава. Под давлением башкирского состава Муртазин был назначен пом. командира по строевой части.

В это время полк, в связи с концентрацией всего башкирского корпуса для перехода на сторону Красной армии, получил задание перейти в Стерлитамак.

Встреча с Красной армией и переход к ним.

Пройдя более 200 верст, 16 декабря, в районе Байгузино, полк, внезапно окруженный Петроградским и Ивашинским красными полками, с боем отходил на Макарово, Кулганиново, далее Галиакбарово, где вошел в подчинение 2 башкирской дивизии.[2] М. Карамышев был отстранен от командования полком. Муртазин получил утверждение в должности командира полка и начал работу по подготовке перехода к красным. 18 февраля 1919 года в районе Умитбаево, совместно с войсками башкирского корпуса (вместе с правительством), имея в своем составе 540 сабель, 600 лошадей и 4 пулемета, он первым переходит к красным в районе 20 Пензенской дивизии.[3]

Перейдя к красным, полк занял позицию против бело-казаков в районе Таирово—Нургалино, на левом фланге красных, выслав разведку в направлении Семеново—Шадыгаево-Кусеево. Однако, комбриг 1 (20 Пензенской дивизии) Зеленцов и военком той же бригады Сидоров, считая, что Муртазин, занявший по своей инициативе фронт против казаков, сделать этого не имел права, вызвали его к себе для объяснений.

---

[1] Различные племена башкир.

[2] Переговоры о переходе башкирского корпуса велись высшим командованием обеих сторон, и части последних, в их боевой периферии, не будучи осведомлены о предполагаемом переходе, продолжали пока находиться в состоянии боевых действий друг с другом. Этим объясняется нападение вышеуказанных красных полков на башкирский полк, двигавшийся в Стерлитамак.

[3] Дневник формирования полка.

Прибывшему 19 февраля в штадив Муртазину было приказано немедленно разоружаться. Такое приказание приравнивало полк к врагам Советского Правительства, между тем заветной мечтой организаторов Башкавполка была мысль итти на помощь Красной армии и участвовать в ее борьбе против белого казачества, которое в своей безумной предсмертной агонии терроризовало бедноту России и Башкирии. Именно для этой цели, заключая свое соглашение с Советской Россией, Башкирская Республика передала в ее распоряжение свои войска.

Башкирским бойцам, так восторженно и искренно шедшим совместно с пролетариатом России на общий бой против не желающих смириться перед ураганом Октябрьской Революции помещиков и генералов, командованием 20 дивизии, вместо того, чтобы их принять в свои ряды, как своих братьев и друзей, предложено было разоружиться. Не решаясь передать такой приказ своему полку, комполка пошел за разъяснением к Валидову, которого застал в таком же удрученном состоянии, в каком и сам находился. Выслушав комполка, Валидов смог только ответить, что, глубоко понимая горе комполка, он ничего не может сделать, так как он сам отстранен от командования башкирами. Указавши комполка, что он не может отдавать приказы, Валидов посоветовал ему частным порядком распустить полк и уходить, куда он хочет.

Не удовлетворившись таким ответом, комполка отправился в Пензенскую бригаду, где ему был оказан чрезвычайно недружелюбный прием. Не желая выслушивать объяснения комбашполка, комбриг Зеленцов заявил, что башкиры—пленники и что если они не разоружатся, то будут разоружены силой. Муртазин ушел от него не договорившись.

Когда он возвратился в свой штаб, то там застал политработников первой бригады 20 дивизии за усиленной деморализационной агитацией среди башкир. Политработниками доказывалось, что Муртазин—белый, приятель Колчака, Дутова и враг трудового народа.

20 февраля 1919 года, вследствие получения доклада от зам. командующего башкирскими войсками Ахлова о новых сильных группировках противника, с которыми частям 20 дивизии собственными силами справиться было трудно, командование этой дивизии решило использовать Башкавполк против казаков. Но одновременно политотдел дивизии, сразу взявший неверную линию в политике к башкирам, продолжал деморализацию башкирских войск и вооружил против них русских красноармейцев. Благодаря этому, недоброжелательное отношение к башкирским войскам в целом передалось от комдива к низшему и рядовому составам красных частей, которые начали смотреть на башкир, как на врагов. Стали производиться самовольные реквизиции и конфискации иму-

щества башкирских войск и деревень, начались нападения на башкирские деревни, накладывались неимоверно тяжелые контрибуции. Сведения об этих бесчинствах дошли до центра, и командарм I издает следующий приказ:

Начдиву 24 Стрелковой, начдиву Пензенской, Башкирский Ревком.

Оренбург 12/III. Штарм I, 14 ч. 45 мин.

Центром признана автономия Башкирии. Башкирские войска перешли на нашу сторону, и некоторые полки уже воюют против белогвардейцев рядом с нами; между тем согласно документальных данных доказано, что низший командный состав, а также и комбриги, недоброжелательно относятся к башкирскому войску и нации. Документально доказано также, что Интернациональный полк, а также и другие полки самовольно реквизируют, конфискуют имущество башкирских войск и деревень, накладывают на жителей контрибуцию от 3 до 30 тысяч рублей. Сознавая всю ответственность перед центром за такие явно недоброжелательные явления, приказываю:

1) Широко объявить всем красноармейцам о признании Советской властью автономии башкир—Башкурдистана.

2) Башкирское войско есть нераздельная часть Красной армии и должно совместно с красноармейцами воевать против врагов Советской власти.

3) Удовлетворить войска Башкурдистана всеми видами довольствия и жалованьем за февраль и март на общих основаниях.

4) Все башкирские полки передаются в состав Пензенской дивизии временно;

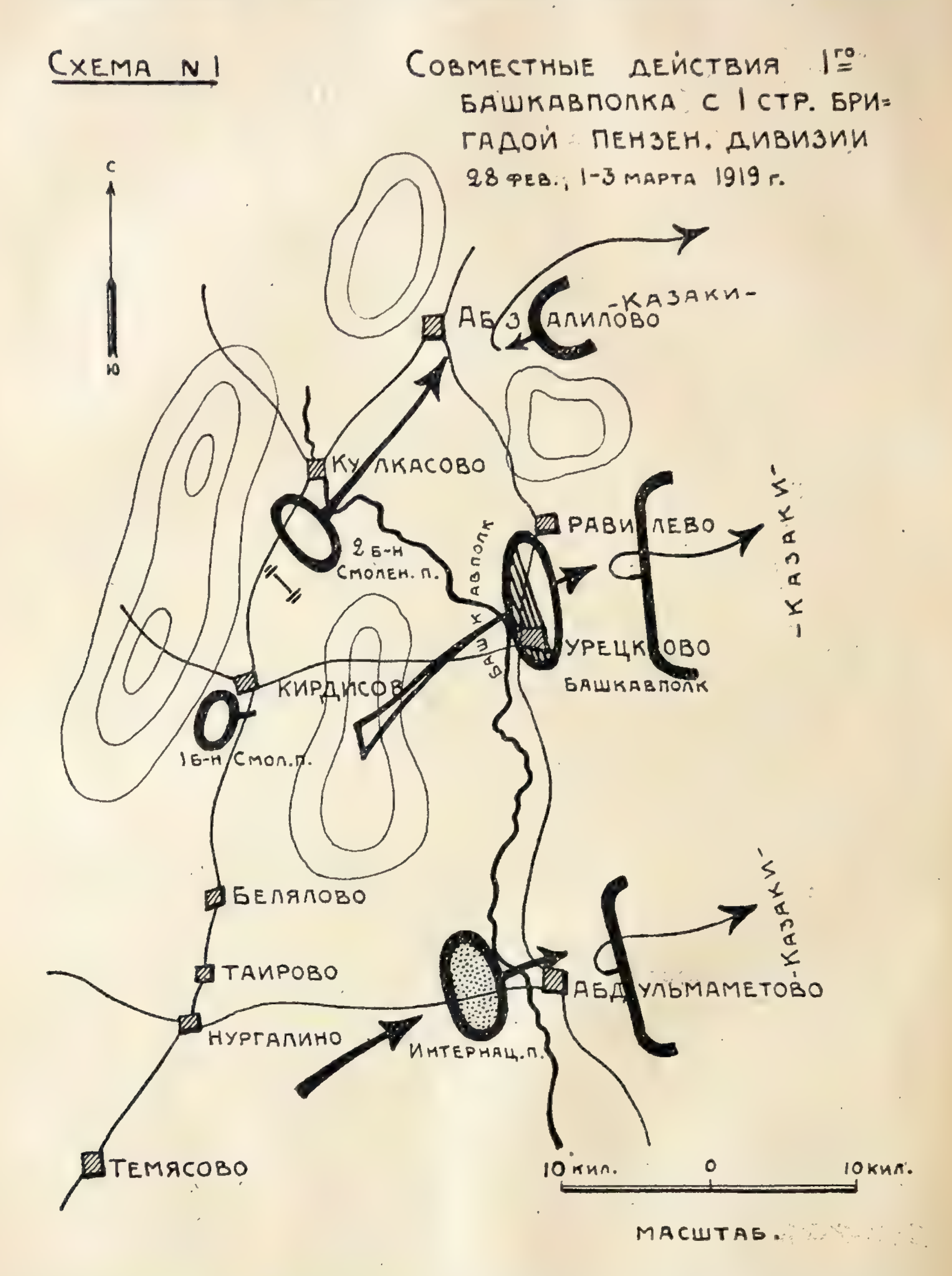
5) Все башкирские полки подчиняются нашему командованию и исполняют только приказы, исходящие от нашего командования.

6) Под личной ответственностью всех командиров и политкомов немедленно прекратить недоброжелательное отношение к башкирскому населению и войску.

7) Приказываю в кратчайший срок расследовать: кем, когда и по чьим распоряжениям производилось хищение имущества в башкирских деревнях, Башкирского правительства и войскового; по расследовании материал представить в армейский трибунал о всех виновных.

8) Все имеющиеся в штарме документы о контрибуциях и хищениях передаются армейскому трибуналу для привлечения к ответственности виновных. Настоящий приказ прочитать во всех ротах, эскадронах и батареях, об отданных распоряжениях немедленно донести. № 0855. Командарм Гай, Член Ревкомитета.

Сохранив свой полк, как самостоятельную боевую единицу, Муртазин у дер. Кусеева ведет успешный бой с бело-казаками и захватывает более 100 пленных. Донесение о занятии

25 февраля Башкавполком дер. Кусеевой рассеивает недоверие командования бригады к последнему, и бригада, приняв его в свое подчинение, поручает ему новую задачу—совместно

с 1-м Смоленским полком—наступать на Абзалилово—Равилева (см. сх. № 1) и уничтожить противника, сгруппировавшегося в районе этих деревень. Правее на Абдульмаметово должен был наступать Интернациональный полк. Конечный рубеж выдвижения полков был захват участка — станицы Магнитная—Верхнеуральск [1]. Одному батальону 1-го Смоленского полка с 2 орудиями было приказано следовать в тылу за 1-м Башкавполком. Башкавполк с боем занимает 28 февраля Кирдысово, 1 марта—Урсуково и 2 марта, отбрасывая казаков за Магнитную, переваливает через Ирандыкский хребет и передовыми частями выходит на линию д.д. Кускарово—Давлятшино. Смоленский полк следует за Башкавполком и занимает к 3 марта дер. Абзалилово.

Общая военно-политическая обстановка этого момента требовала немедленного использования перешедших Башкирских частей против Дутова—Колчака.

Однако, так как, принявшись за разоружение башкирского корпуса, добровольно предложившего свои услуги Советской России, отдельные руководители I Красной армии ослабляли этим ее силы, а части 20-й дивизии терроризовали башкирское население,—белые войска захватили часть территории Башкирии и повели сильную агитацию против Советской власти. Сразу же за переходом башкирских войск к красным, белые начали распространять среди местного населения воззвания и угрожающие приказы. Первое из них, написанное командующим белым корпусом генерал-майором Печенкиным, представляет собой характерный образчик гнусной лжи, к которой прибегала белогвардейщина. Он гласит следующее:

Приказ по Стерлитамакскому корпусу, з. Белорецкий.

Д. Сабанская, 1919 года 29/II.

18/II 1919 года предатель и изменник башкирского народа Валидов заключил мир с большевиками.

Изменник родины и российскому правительству Валидов забыл пролитую башкирами кровь в смертной борьбе с большевиками, такими же изменниками и предателями, как Валидов.

От имени Ед. Всеросс. Правительства приказываю не исполнять приказа за подписью Валидова за № 70 по Башвойскам от 16/II—о заключении мира с насильниками над угнетенным башнародом большевиками за деньги.

Приказываю всем оставшимся верным башчастям арестовать изменников Башкирии, предать полевому суду предателей родины: Валидова, его начальника штаба Алкина, бывших офицеров, а также изменников: Габитова, Мальшанова,

[1] 10 в. карта, лист 139.

как только обманувших башнарод, а остальных, как согласившихся служить большевикам за деньги.

Вот, многострадальный башнарод, знай, что Валидов от большевиков получил 2 миллиарда рублей.

Подлинный подписал:

Комкорпуса, генерал-майор *Печенкин.*

(Напечатано в „Известиях Баш. Обл. Ком. РКП(б)).

За этим последовали десятки и сотни других воззваний: от общества возрождения России, от кулаков и реакционных мулл Башкирии и т. д.

Склоняя на свою сторону кулачество и темную бедноту Башкирии, казаки одновременно сосредоточивали против красных все большие и большие силы. На помощь им, местное население во главе с фанатиком муллой Ишаном (святым) Габидуллой Курбангалиевым[1], создало под религиозными лозунгами партизанские отряды, которые встречали колчаковские войска с хлебом и солью и усиленно им помогали, не останавливаясь даже перед расстрелом своих башкир.

В такой обстановке, окруженный недоверием красного командования, усиливаясь добровольцами башкирами, 1-й Башкавполк с боем продвигался к Верхнеуральску. Начиная с 3 марта и до конца этого месяца, он непрерывно вел бои с белыми.

Бой у Абзалилово, сх. № 2.

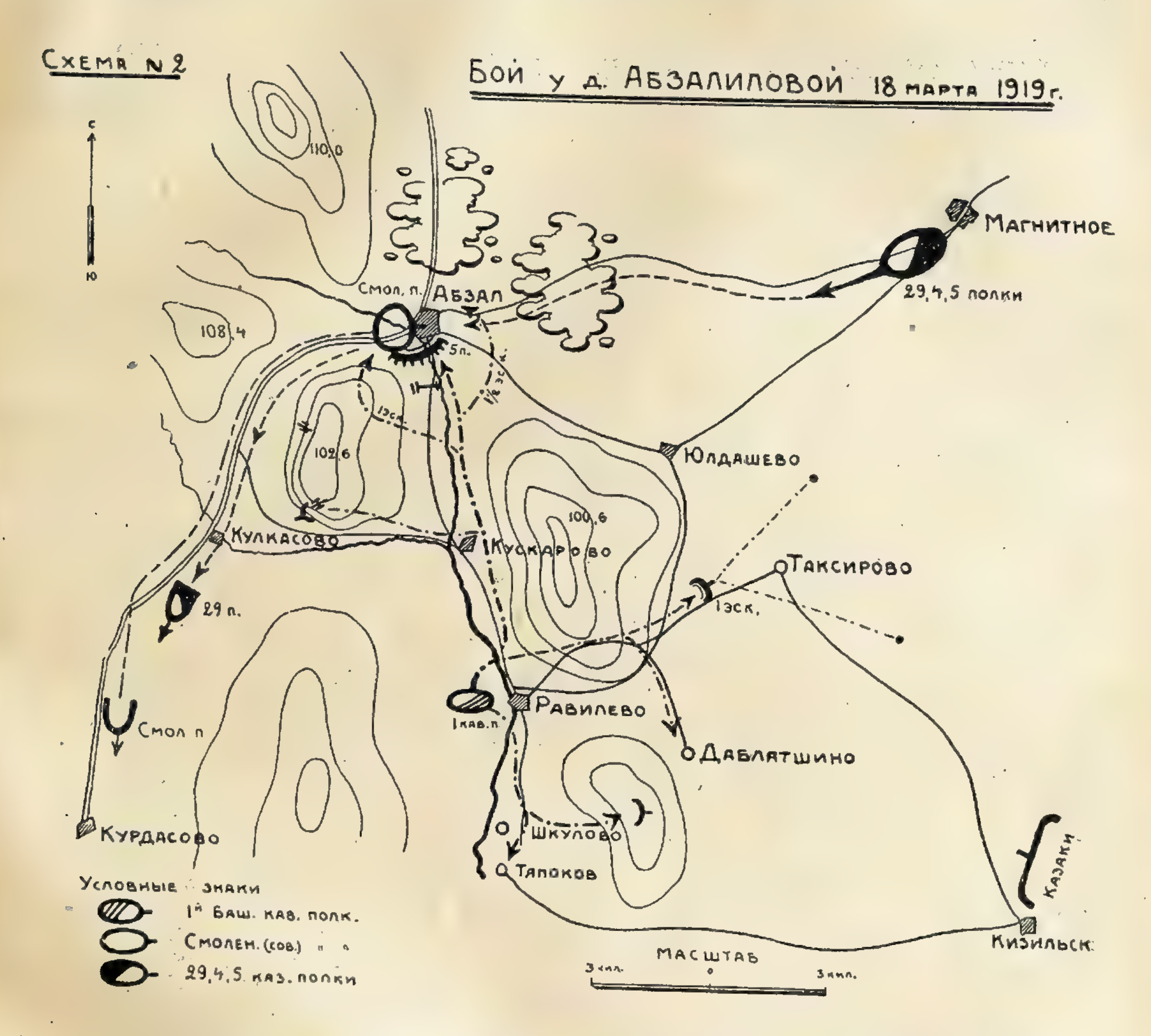
18 марта ночью противник, сосредоточив в районе Магнитной 2 кавалерийских и 1 пехотный полк (29-й казачий, 4-й казачий и 5-й стр. Сызранский), внезапно атаковал 2 батальона 1-го Смоленского полка в д. Абзалилово. Понеся большие потери, оставив орудия и обозы с боевыми припасами, под давлением превосходных сил противника, батальоны оставили д. Абзалилово и отступили на д. Кирдысово (см. схема № 2).

Отступление батальонов было настолько быстрым, что о нем командиру 1-го Башкавполка сообщено не было. Последний в это время, выслав один эскадрон на Таксирово—Давлетшино и 2-й на Шкулово—Тяпаково, своим ядром—2 эскадронами с 1 орудием и пулеметом—занимал Равилево. Бывший при батальонах Смоленского полка делегат связи от Башкавполка, присутствовавший при их разгроме, сумел вырваться и доложил комполку о происшедшем. Последний, взвесив обстановку, решил, что отступать полку нельзя, так как это отступление усилит недоверие к полку

---

[1] Курбангалиев расстрелян в 1920 г. Башревкомом первого состава; его сыновья (4 сына) в настоящее время находятся в рядах атамана Семенова (Китай).

со стороны красных. Поэтому он решился атаковать белых хотя бы ценой жесточайших потерь, и, оставив один эскадрон для обеспечения фланга атакующего полка со стороны Таксирово—Давлетшино и Шкулово, 3 эскадронами с 1 орудием и взводом, сформированным из обозников, пехоты и пулеметной командой (из 6 пулеметов), организует атаку, ставя задачи:

1 взводу пехоты с 2 пулеметами он приказывает занять высоту 102,6 и, обстреливая дорогу в дефиле между высотами 102,6 и 108,4, обеспечить левый фланг полка. Артиллерию с 2 взводами конницы и 2 пулеметами, он, пользуясь маскировкой складок местности, подводит на $1/2$ *км* к д. Абзалилово, 1 эскадрон с 1 пулеметом получает задачу захватить дефиле между высотами 108,4 и 102,6 и атаковать противника во фланг с юго-запада; $1\frac{1}{2}$ эскадрона с 2 пулеметами и 1 взводом пехоты атакуют противника во фланг с востока и отрезывают ему отход на Магнитную. Атака для всех одновременно. Сигнал атаки—первый орудийный выстрел. С сигналом полк

дружно бросается в атаку. Внезапность атаки производит сильный моральный эффект; казаки приходят в панику, не могут оказать сопротивления и быстро отступают, оставляя сотни убитых и пленных, а также недавно захваченный ими обоз и артиллерию Смоленского полка. Выгнанные из поселка казаки уже успели натворить бесчинств, насилий и расстрелять нескольких человек башкир, почему местные жители устраивают полку восторженную встречу.

Комполка доносит об итоге боя вридкомбригу первой (Пенз. дивизии 20) и просит его распоряжения вернуть смоленцев назад. Ответа, из которого можно было судить о восстановлении доверия к полку, от вридкомбрига получено не было, но в 12 часов ночи смоленцы возвращаются обратно, а Башкавполк, уставший в результате боя, получает новое задание—занять Юлдашево. [1]

В 2 часа 19 марта Башкавполк направляется в Юлдашево, откуда противник отходит, не приняв боя, и полк снова возвращается на свой прежний участок. Втечение 20—23 марта наши части не наступают, а ограничиваются организацией разведывательных поисков противника. К 24 марта разведка Башкавполка выяснила накопление значительных сил противника в районе ст. Магнитной и отрога Янгильского (схема № 3). С последнего пункта противник несколькими колоннами, силами около 2 полков, отбрасывая охраняющие части с Давлетшино—Таксирово на левый берег р. Сираглы и озера Атаудакуль, двигался на Башкавполк.

Комполка башкирского, учтя, что дать противнику отдых, это значит быть на следующий день превосходными силами противника разбитым, решает атаковать противника ночью, как только он остановится, так как сделавший 35-верстный переход по глубоким снегам противник измотал свою конницу.

В 10 часов вечера Башкавполк выступает из Равилова на Давлетшино. Перевалив через маскирующие переход высоты 118—110, он вышел в открытую снежную равнину. Был легкий буран, и табуны лошадей местных деревень группами бродили по равнине. Это было использовано Башкавполком для маскировки своего подхода.

Направив 2 эскадрона (Ямбулатова) для удара по тылу противника в обход оз. Атаудакуль с юга и 1 эскадрон для обхода тыла противника со стороны Таксирова и для обеспечения своего фланга, комполка спешивает 1 эскадрон и, усилив его взводами пехоты из обозников, со всеми пулеметами и орудиями, направляет их для атаки противника с фронта (схема № 3).

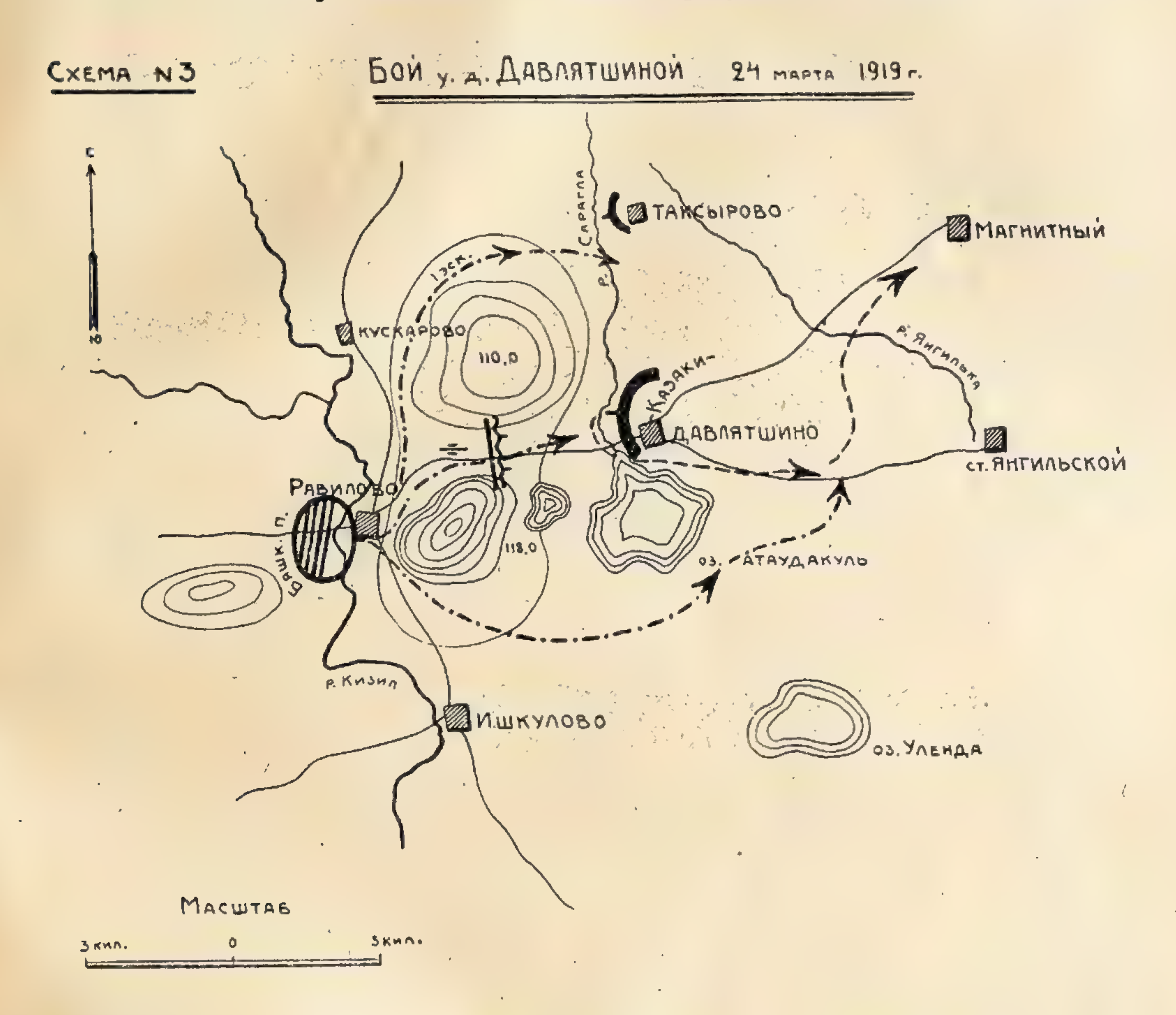
Прикрываясь группами табунов лошадей, бродящих по всему полю действий, башкирские части вплотную подходят

---

[1]) Журнал боевых действий полка.

к противнику. Не ожидавшие от них подобной дерзости казаки, ограничившись высылкой в охранение ближних дозоров, разместились по домам селения. Спешенная конница[1] башкавполка одним ударом сбивает дозоры казаков. Открывает огонь артиллерия и пулеметы, давая этим сигнал ее вступления в бой для обошедших противника эскадронов. Пришедшие в панику казаки пытаются прорваться назад к отрогу

Схема №3 Бой у д. Давлятшиной 24 марта 1919 г.

Янгильского, но эскадроны Ямбулатова заградили им путь. Неся большие потери убитыми, пленными и обозом, они прорываются к северо-востоку к п. Магнитный. Разгромив противника, комполка устанавливает за противником наблюдение и с главными силами возвращается опять на свой боевой участок д. Равилево (см. схему № 3), где решил полку дать дневной отдых. А за это время противник, сосредоточив несколько полков, 25 марта утром вторично произвел неожиданный налет на Смоленский полк (в д. Абзалилово) и разгромил его. Полк, рассыпавшись, бежал в разных направлениях, и несколько его рот попало в район Башкавполка. К командиру Башполка приехал врид коман-

---

[1] Журнал боевых действий полка.

дира Смоленского полка (Нейман) и просил помочь ему прежде всего привести смоленцев в порядок, так как он сам бессилен был справиться с их деморализованным состоянием, не имея даже незначительного ядра, на которое он смог бы опереться.

Учтя всю важность создавшегося положения и просьбу командира смоленцев, командир Башкавполка решает восстановить порядок в расстроенных частях Смоленского полка, хотя бы для этого потребовались самые решительные меры.

Выслав один эскадрон во главе со своим помощником (тов. Ямбулатовым), комполка приказал ему задержать бегство смоленцев. Тот перерезывает им путь и задерживает их в районе Урсуково—Искужино, где и приказывает им обороняться против казаков, но смоленцы ропщут и воевать не желают. К ним тогда приехал командир Башкавполка и приказал драться с казаками, угрожая в противном случае расстрелять всех, начиная с командного состава и кончая красноармейцами. Эта угроза оказала на смоленцев соответствующее влияние, и они, хотя и с неохотой, позиции для обороны заняли.

Оставив в качестве наблюдения за ними около взвода с пулеметами на высоте к востоку д. Урсуково, к-р Башкавполка, приказав артиллерии Смоленского полка открыть огонь по противнику, все свои силы повел в бой против казаков в обход их левого фланга через д. Ишкулово и далее на Равилово. Опьяненные успехом легкой победы над Смоленским полком, казаки оказали Башполку упорное сопротивление, в результате чего завязался длительный и жестокий бой. Неся потери, башкиры, измученные и почти одинокие, делают последний нажим, которого противник не выдерживает и обращается в бегство. Оставляя много убитых, раненых и пленных, противник отходит к Абзалилову.

Оставаясь посторонним зрителем сражения, Смоленский полк снимается с участка, забирает от Башкавполка данное ему орудие и отходит на 30 верст в тыл в район дер. Белялово—Семеново.

Несмотря на нежелание Башкавполка отступать, командование бригады 20 дивизии шлет ему приказание отойти в тыл, и он 28 марта, подчиняясь приказанию, отходит к дер. Белялово, в район расположения смоленцев, встретивших полк в высшей степени враждебно. Здесь башкирскому отряду пришлось быть свидетелем целого ряда издевательств смоленцев над местным населением. Опять началась оргия безнаказанных конфискаций, контрибуций и грабежа. Местное население стонало под пятой необузданного разгула смоленцев.

Насилия смоленцев не могли не вызвать возмущения бойцов Башкавбригады, среди которых многие были урожен-

цами этой местности и видели притеснения своих родственников. Между смоленцами и Башкавполком росла трещина... Эту трещину расширил клин—в виде приказа, полученного Башкавполком от комбрига 1 (20 пензенской дивизии), о том, чтобы Башкавполк передал свои эскадроны полкам. Это означало распоряжение о расформировании, которому полк, с таким трудом сформированный и спаянный кровью в многочисленных боях с белыми, подчиняться не хотел. Положение полка было чрезвычайно тяжелым. Борясь плечом к плечу с 1-й бригадой против бело-казачества, башкиры все еще, повидимому, не заслужили к себе доверия красного командования. Бойцам это было совершенно непонятно, так как они помнили, что только что дрались вместе 36 дней, 2 раза спасли смоленцев от полного разгрома и жили впроголодь, не получая ни жалованья, ни продовольствия, питаясь за счет добровольной помощи местного населения. Когда же Башкавполк послал к комдиву 20 в Стерлитамак свою делегацию в составе 10 человек просить у него помощи, то она в пути была расстреляна смоленцами.

Наконец, сведения о поведении смоленцев опять доходят до центра, и командарм I Гай шлет срочную телеграмму войскам о прекращении травли башкир.

Телеграмма. Штаб I Революционной армии Начальнику и Политкомдиву 20 и 24.

От имени Реввоенсовета I армии предписываю приказать всем вверенным вам частям о прекращении всякого рода издевательства и безобразий по отношению к перешедшим на нашу сторону башкирским войскам и представителям Башкирской Советской власти. Недопустимое отношение к башкирам со стороны военнослужащих Красной армии, по имеющимся у нас достоверным сведениям, привело к обратному переходу некоторых частей на сторону белогвардейцев. Доводим до вашего сведения, что Центральная Советская власть относится доброжелательно к башкирскому народу и всеми силами старается привлечь на нашу сторону башкирскую бедноту для искренней совместной борьбы с контр-революцией. Всем гражданам Советской России, в особенности красноармейцам, надлежит внимательно относиться к нуждам башкирской бедноты и по возможности удовлетворять ее потребности. № 01070.

Командарм I Г а й.

За Члена Реввоенсовета Л и в к и н.

Разоружение смоленцев. Но смоленцы не подчиняются приказу. Башкирские бойцы не могли рассматривать смоленцев как красноармейцев, дерущихся за интересы трудящихся: поступки смоленцев в глазах Башкавполка и населения приравнивали их к простым бандитам.

Башкавполк предложил смоленцам сдать оружие... На предложение Башкавполка разоружиться, последний ответил огнем... Башкавполк в ночь с 7 на 8 апреля с боем разоружил Смоленский полк. Артиллерия в полном составе перешла к Башполку. Разоружив смоленцев, комполка занял фронт против казаков и послал делегатов в штабриг 20 дивизии с донесением, что попытка смоленцев доказать переход Башполка к белым не соответствует действительности. Полк разогнал только бандитов-смоленцев, но сам продолжает служить Советам, держит фронт против казаков и ждет дальнейших оперативных приказов.[1]

Разрыв с Красной армией. Однако бригадное командование поддалось панике Смоленского полка и отошло с своими частями в Кананикольское, верст на 40 в тыл. Присланные Башкавполком делегаты были расстреляны, и против полка организуется наступление.

Башполк же втечение нескольких дней один продолжает держать фронт против казаков в ожидании себе помощи от бригады.

13 апреля части 1 бригады 20 дивизии, сгруппировавшись в районе Темясово, Интернациональный и Смоленский полки, ведут наступление на 1 Башкавполк.

Поняв, что договориться с ними невозможно, комполка принимает вызов и втечение целого дня обороняется. К вечеру части бригады отошли. Разрыв Башкавполка с красными стал фактом.

Казаки, быстро узнав о случившемся, посылают к Муртазину делегацию для переговоров о его переходе к ним. Положение Башкавполка было безвыходным. Их правительство было с красными, их большая часть войск—тоже с красными. Теперь же полк, который честно сражался против бело-казаков, вынужден отношением к себе со стороны частей 20 дивизии броситься в объятия белых. Окруженный с одной стороны частями 1 бригады и с другой—крупными силами казаков, Башкавполк стоял между двух огней. Перейти назад к красным было нельзя, так как они, не поняв башкир, собирались разгромить полк вооруженной силой; уйти к белым—это значило итти против самих себя, но сохранить полк, который со временем можно будет использовать против тех же белых. Объективная[2] обстановка заставляет ком-

---

[1] Журнал военных действий башкавполка.

[2] Все же это была субъективная оценка. *(Ред.)*.

башполка решиться на переход к белым, который им рассматривался, как необходимая для полка передышка до того времени, когда он получит возможность снова встать в ряды бойцов за интересы трудящихся. Переговоры длились 3 дня. Комбашполка выставил следующие условия перехода:

1) Полк переходит, сохранив весь свой состав.

2) Башкирские работники, снятые с кантонов, как подозреваемые в большевизме, должны быть из-под ареста освобождены.

3) Отряд Ишана Г. Курбангалиева, бродящий по Башкирии и терроризующий население, должен быть убран из Башкирии.

4) Полк устал и нуждается в длительном отдыхе.

Белые приняли условия башполка с обязательством для полка выполнения всех оперативных заданий. Едва полк успел прибыть в их штаб (пос. Магнитное), как комполка получает задание: „немедленно влиться в IV корпус генерала Бакича, где и получить дальнейшие указания“. Прибыв к Бакичу, комполка получил приказание: „Соединившись с 29 кавказачьим полком, наступать на Авзяно-Петровское, имея задачей отрезать путь отступления красных из Белорецка на Стерлитамак“.

Комполка Башкирского отказался от выполнения этого приказания, снял полк и отвел на Абзалилово—Казаткулово—Белорецк. Белому командованию он донес, что поступать в распоряжение Бакича отказывается и направляется для заключения договора к ген. Белову, который с южной группой войск был в это время в Белорецке.

Под таким предлогом комполка имел в виду достигнуть две цели: первая из них—избавиться от боя против красных; вторая—очистить трудовую Башкирию от произвола белогвардейщины и пополнить свой полк за счет освобождения арестованных казаками башкир Белорецка и Верхнеуральска. Одновременно он имел в виду влить в свой полк бойцов Белорецкого белого полка, состоявшего исключительно из башкир.

Надвигалась весенняя распутица, и под ее предлогом Муртазин со своим полком мог надолго задержаться в Белорецке и осуществить свои цели.

15—16 апреля полк достиг Белорецка, где гарнизон в составе 150 человек под командой хорунжего Пашутина распустил слухи о том, что Муртазин красный и, прорвавшись в тыл белой армии, несет с собой большевистское восстание и мятежи. Гарнизон пытался оказать сопротивление, но получил от Муртазина ультиматум—в 24 часа приготовить полку квартиры, продовольствие и фураж. Запуганный этим, Пашутин от мысли оказать сопротивление отказался и, выполнив все требуемое полком, телеграфировал в штаб командования о происшедшем.

На основании его доклада, командующий южной группой ген. Белов телеграфно же приказал полку немедленно оставить Белорецк, перейдя в гор. Стерлитамак, где и поступить в резерв командования группой.

Но в это время по Башкирии прокатывается полоса оттепели. Комполка использует это и доносит, что выступить из-за разлива и выхода из берегов реки Белой не может и остается в Белорецке до 29 мая.

Здесь он дает своим полкам отпуск, набирает и обучает новых бойцов. Несколько попыток белых подействовать угрозой разоружения и направить на фронт Башполк— успеха не имеют: казаки в тылу слишком слабы.

Подготовка к новому переходу к красным.

Прибыв в Стерлитамак, полк остается в нем с 2 по 15 июня; здесь полк проходит строевую подготовку и получает добавочное вооружение (пики, сабли и т. д.). Получив пополнение и сохранив свой кадр комсостава, полк передается в распоряжение комкора V—Церетелли, который дает ему боевой участок по линии Юлдашево—уст. р. Тор-Белая. Заняв самостоятельный участок позиции и вышедши тем самым из непосредственного наблюдения белого командования, Башкавполк оказался в благоприятной для него обстановке. Горный край, перерезываемый рекой Тор, населялся исключительно башкирским населением. Местные башкиры приветствовали появление полка в этом районе.

Вереницы добровольцев-башкир потянулись к Муртазину с просьбой принять их в Башкавполк, обещая ему честно служить, отдав свое вооружение, лошадей и жизнь. Из разговоров с ними выяснилось, что бойцы-башкиры, находящиеся в казачьих белых полках, горят желанием поступить в башкавполк и только ждут его согласия.

Такая обстановка не заставила комполка долго ждать. Взвесив ее и учтя все возможности, он решает расширить состав своего полка до бригады и, создав крепкий кулак из преданной ему конницы, разгромить тыл белых и снова пойти на помощь советским армиям, куда его звал долг перед молодой Башкирской Республикой.

Приняв это решение, комполка берется за его осуществление. По всем белым полкам, имевшим в своем составе башкир, были посланы агенты с призывом поступать в национальную башкирскую часть. „Мы создали свои собственные силы,—говорили посланные полка,—и будем бороться за наше национальное самоопределение, которого казаки вам не дадут“.[1]

Такие же агенты Башкавполком посылались в Пермь и Уфу, где стояли конные части белых. Имея отлично подо-

---

[1] Боевой дневник комполка Муртазина.

бранный и преданный себе командный состав, комполка делал это решительно, так как был уверен, что ни один из его командиров белым его замыслов не выдаст.

Начатая командиром Башкирского полка агитация дала блестящие результаты. Каждый день белые полки отмечали в своих списках десятки дезертиров; с каждым днем Башкавполк вносил в свой состав десятки новых бойцов, вооруженных, имевших своих лошадей и горящих энтузиазмом к расплате с белыми.

Работа по развертыванию Башкавполка велась осторожно. Принимались все меры, чтобы эту работу сохранить в тайне от белого командования. Но агенты белых обнаружили это и успели донести. Однако донос опоздал. 1-й Башкавполк уже развернулся в бригаду из 2 полков по 4 эскадрона, с командами связи в каждом.

Приняв самостоятельно командование над бригадой, комполка сформировал штаб бригады и передал командование 1-м полком Ямбулатову, 2-м—Измайлову. Получивший телеграмму, что „продолжение существования полка Муртазина в составе белых войск равносильно разложению их армии“, Колчак отказывался признать совершившийся факт сформирования башкавбригады и, не признав его, приказал распустить 2-й полк. Надо было начать с головы, и комбриг Муртазин получил предписание оставить бригаду и прибыть в Омск, где и договориться непосредственно с верховным командованием.

Комбриг Башкирской, вскрыв цель этого приглашения, на телеграмму не ответил и остался в прежнем районе.

Закончив к концу июня формирование бригады и сформировав еще пеший дивизион, имея в своем составе около 4.000 человек, Башкавбригада до 10 июля вела сторожевое охранение по берегам реки Белой, не пропуская просачивания на этом фронте разведки красных.

Возмущенное отсутствием активных действий Башкавбригады, белое правительство, чувствуя сгущенность атмосферы, решает избавиться от столь ненадежного „союзника“. Бригада единодушно противится расформированию. В конце июля красные нажимают, и под их давлением казаки отходят на Янрусово—Макарово. Не успевший договориться с красными Башкомбриг получил приказ комкора V (ген. Эллерс-Усов) „поддержать части корпуса и совместными с ними действиями восстановить положение“.

Вынужденные стычки с Кр. армией и разрыв с белыми.

Не выявив к себе перелома отношения со стороны красного командования и попав в полное недоверие белого правительства, Муртазин принужден был вступить в бой с советскими войсками.

Совершив форсированный 75-верстный ночной марш, бригада подходит к Янрусово—Екатеринославское и, отбросив

наступающие части 20 дивизии, отходит на Макарово—Нугушево и Бакиево.

У Бакиева бригаде перерезает отход 24 красная дивизия, но первая, прорвав ее, уходит в район завода Кагинского, потом д. Хамитово. Несмотря на неоднократные категорические распоряжения V белого корпуса „отбросить красную 20 дивизию“, Башкавбригада, уклоняясь от боев с частями Красной армии, ушла в район Аумбятово—Елембятово, ведя в районе Кагинского завода стычки с Восточным кавалерийским полком.

Не исполнив приказа корпуса, комбриг Муртазин попал в полную опалу комкора V—генерала Эллерса-Усова и 8 августа был вызван в штакор для объяснений. [1]

Зная, что не для доброго словца требует к себе генерал Эллерс-Усов, Муртазин берет с собой 35 наиболее преданных себе, отлично вооруженных башкир и вечером прибывает в Абзалилово.

„Вы опоздали, и генерал сегодня вас не примет“—предупредил Муртазина адъютант генерала.—„Не примет, просить аудиенции у его превосходительства не стану“,—ответил Башкомбриг, сел на лошадь и повернул к себе в бригаду. [2]

Но едва он успел сделать 3—5 километров, как его нагнали посыльные генерала и попросили вернуться.

— „Не офицер ты, а большевик. Мерзавец! Твоя большевистская бригада с тобой во главе не помогает нам, а губит нас. Ты деморализуешь наши войска и помогаешь красным“.

— „Да, я большевик и горжусь этим“,—спокойно ответил Муртазин.—„А ты контр-революционная мразь, думал на башкирской крови получить себе фельдмаршальский титул?“—Выхватив революльвер, Муртазин ранил генерала. Башкирский конвой генерала присоединился к башкирской бригаде. Когда Башкавбригада прибыла в д. Абзалилово, ни одного офицера там не было. Забрав интендантские склады, вооружение (3.000 винтовок) и документы штаба, командование бригады начало переговоры с частями Красной армии.

Узнав о случившемся 10 августа в Башкавбригаде, туда прибывает член Башревкома т. Имаков. Он уверяет бригаду в дружеском к ней отношении красных и предлагает комбригу Муртазину к ним присоединиться. Втечение 2 дней велись переговоры.

Муртазин выставил условия для перехода:

1) не разоружать и не расстреливать башкирских солдат и командиров;

2) во время перехода выставить 2—3 башкирских советских полка, с представителями от башкирского военного

---

[1] Журнал боевых действий.

[2] Личный дневник Муртазина.

командования и советского командования, так как башкиры русским красноармейским частям не доверяют (после мартовских расстрелов);

3) в случае невозможности отправки полков против Колчака, разместить их не на заводах и переселенческих пунктах, а в Верхнеуральске или Стерлитамаке. Если эти условия не будут приняты, полки Муртазина уходят в киргизские степи.[1]

Окончательный переход к красным.

Пока Башкавбригада переговаривалась с красными, белое командование, ошеломлённое поведением и действиями Муртазина, пыталось еще притянуть его к себе. 17 августа вечером комкор, генерал Бакич, вызывает Башкомбрига к телефону.

„Вы—честный офицер,—говорит он ему,—и я вам продолжаю верить. Я прошу вас прибыть ко мне и подтвердить свою нам преданность..."[2] Башкомбриг ответил, что явится завтра. И действительно, на следующее утро, 18 августа, он приехал в штаб со своей бригадой, разгромив части корпуса (см. Уральский фронт, бой у д. Березовка). По возвращении 23 августа Башкбригада, окончательно договорившись с 24 железной дивизией, присоединилась к красным. 24 железная дивизия встретила Башкавбригаду восторженно. М. В. Фрунзе сумел заложить основы братского союза между советскими войсками и башкирским трудовым народом. В дальнейшем Башкавбригада, влившись в красные части, стала с ними плечом к плечу—во имя общей идеи братства трудящихся.

25 августа соглашение между Башкавбригадой и красными войсками было санкционированно телеграммой командарма I, тов. Зиновьева, и телеграммой Пуарма I.

Телеграмма из штарма I 25/VIII—19 г. № 3435/10914 Начдивам 20—24, копия Башревком: [3]

„Ночью, 24 августа, на нашу сторону перешла целиком башкирская бригада Муртазина; необходимо всем политкомам полков и сотрудникам повести широкую агитацию среди красноармейской массы и населения, использовав переход, как окончательный перелом среди башкир, дабы уничтожить всякий антагонизм, существующий между башкирами и русскими вообще и частью красноармейцев.

Необходимо проявить самое дружелюбное отношение к переходящим башкирам, давая нормальные гарантии полной солидарности всех трудящихся, независимо их национальности. Не ограничиваясь устной агитацией, раздавайте по возможности воззвания и листовки, широко освещающие обстановку принуждения башкир сражаться против нас. Также исполь-

---

[1] Архив Красной армии, дело 82—166, прилож. № 10,
[2] Личный дневник комбрига Муртазина.
[3] Архив Красной армии, дело № 65—740 и 65—795.

зуйте всех говорящих на башкирском языке сотрудников для агитации среди переходящих. Распространяйте среди войск противника листовки о переходе башкирской бригады для окончательного разложения рядов. Все ответственные работники, нарушающие и позволяющие нетактичные отношения к башбригаде, будут привлечены к строгой ответственности за неисполнение партдисциплины и предначертаний центра. № 10914. Зампоарм 1 Юров, Чернов".

Так закрепился братский союз между Советской Россией и Башкирией. Не было и не может быть больше таких сил, чтобы этот союз нарушить... И под единым знаменем революции бойцы Советской России и Башкирии стали ковать блестящие победы Красной армии.

Действия Башкавбригады на страже Красной армии.

В то время, как большая часть башвойск, в составе 1, 2, 3, 4, 5 и 6 стрелков. полков, 2 кавалер., добровольч. команды и друг., после перехода на сторону Красной армии, отводится в тыл и переформировывается для переброски на южный и Петроградский фронт,--Башкирская кавалерийская бригада Муртазина продолжает действовать против казаков— первоначально на Восточном, потом на Уральском фронте. Состав бригады был следующий: 1-й и 2-й кавалерийские полки (впоследствие переименованные в 5-й и 6-й полки, затем на Польском фронте—в 27 и 28 полки и к которым впоследствии был присоединен первый Башкавполк), один пеший дивизион, всего около 3.000 человек, два орудия, 30 пулеметов.

25 августа 1919 года командарм I Зиновьев отдает приказ начдивам 24-й, 20-й и 49-й: „С переходом Башкирской бригады Муртазина на нашу сторону, вопрос о взаимоотношениях между башкирами и нами стал ясен. Приказываю— бригаде Муртазина предоставить боевой участок с непосредственным подчинением начдиву 24. О разоружении не может быть речи. Предлагаю оказывать всякое содействие т. Муртазину. За все могущие быть недоразумения, возникшие на почве недоверия, отвечает в первую очередь политкомдив и начдив 24". [1]

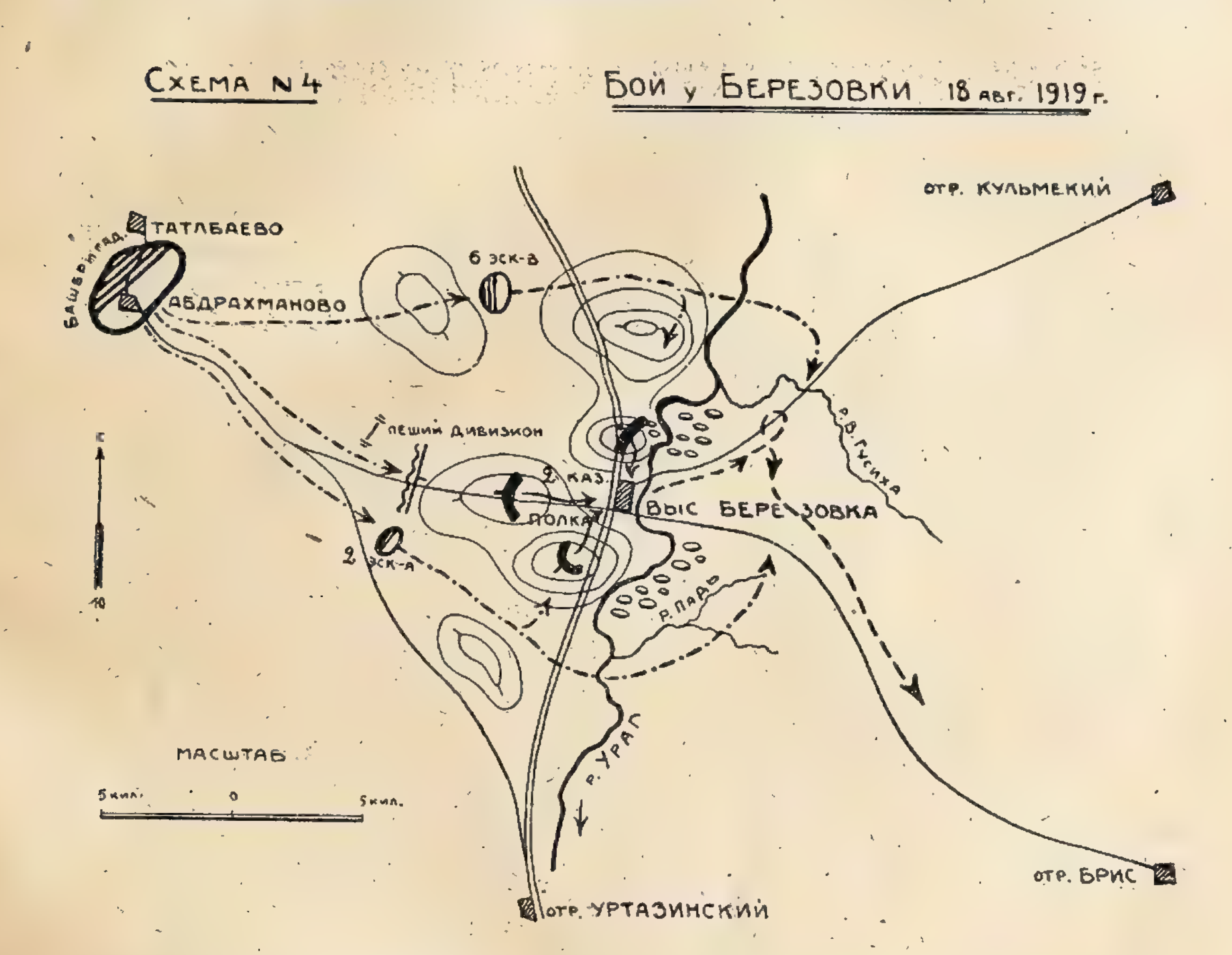
Бой у д. Березовки.

До подчинения 24-й дивизии Башбригада вела самостоятельные действия против казаков. 18 августа она произвела налет на выс. Березовку, что в 10 верстах выше впадения в Урал реки Падь. Березовка была занята двумя полками (29 и 4 добров.) казаков (см. сх. № 4). Комбриг выделяет конную группу в составе 6 эскадронов (4 эскадрона 5-го полка и 2 эскадрона 6-го полка) под командованием комполка 5-го тов. Ямбулатова и ставит ему задачу:

[1] Архив Красной армии, дело № 65—692.

„Перейдя через р. Урал выше д. Березовки, обходом выйти в тыл противника и отрезать ему путь отхода на отр. Кульмский. 2 эскадронам 6 кавал. полка перейти р. Урал у устья р. Падь и поворотом на северо-восток отрезать отступление противника на отр. Бриень. Пешему дивизиону (400 стрелков с пулеметами и 2 орудиями, под командой Ф. Ибрагимова) связать противника на фронте.

Всем перейти в наступление в 4 часа утра и общим ударом уничтожить противника. По выполнении задачи вернуться в д.д. Абдрахманово—Татлыбаево".

Замысел комбрига — „клещами" задушить противника— частями проводится с успехом. Казаки несут большие потери людьми, оставляют башкирам богатый обоз и, окончательно деморализованные, выходят из боевого состава противника.

После этой операции 23 августа комбриг Муртазин связывается с 24-й железной дивизией и получает новую боевую задачу: „Наступлением на фронте выс. Грязнушевский (искл.)— отр. Уртазымский (включ.), в общем направлении на отр. Бриень—выс. Севастопольский, разгромить противника, пытающегося в этом районе восстановить свои деморализованные части, содействуя, таким образом, наступлению левого фланга I армии (20 дивиз.)". К 26 августа Башбригада подходит к отр. Бриень, где ведет успешный бой с казаками, занимает посе-

лок и, преследуя противника передовыми частями, занимает поселок Севастопольский.[1]

Ошеломленные рядом неожиданных ударов, казаки окончательно деморализуются, рассеиваются и большими массами сдаются в плен.

Уставшая в боях бригада, не имея перед собой значительных сил противника, отводится в тыл, на территорию Башреспублики, в район Ишмухомяткино—Туртокаево, откуда переходит в резерв I армии и перебрасывается на Уральский фронт в район Оренбурга—мест. Каргалы (Сеитовский посад).

Имея здесь 3-дневный отдых, бригада получает политработников, отбирая лучший боевой состав, главным образом из молодняка, и сократившись с 3 до 2 тысяч и снабдившись частично обмундированием, приводит себя в полную боевую готовность.

Согласно оперативного приказа № 04129 о переброске на Уральский фронт, в подчинение командарма IV,[2] бригаде приказано перейти в район Озерский — Нижний Илецк для дальнейшего передвижения в район Миргородский—Акбулакский.

Общая обстановка. Общая обстановка на Уральском фронте (Восточном) к октябрю 1919 года была следующая (схема № 5).

К маю 1919 года наступление противника (Колчака) на Казань было остановлено на линии р. Вятки (II армией). Главные резервы Колчака—войска Каппеля—под давлением наших армий начинают отходить на восток, к Тоболу. В связи с этим на Оренбургском и Уральском направлениях разрастается восстание казаков, втечение зимы сбитых со всех своих позиций и отброшенных в глубь киргизских степей. В своей телеграмме (от 31 мая 1919 г., на имя Главкома) Командующий Восточным фронтом указывает, что казачьи войска в Уральской Области широко снабжаются англичанами через Гурьев техническими и боевыми средствами, увеличивающими боеспособность казаков.[3] Директивой командвост (30 июля, № 03763), тов. Фрунзе, IV армии ставится задача— в кратчайший срок ликвидировать сопротивление Уральского, Илецкого и Оренбургского казачества (армия Толстого, Белова и др.). К октябрю 1919 г. в Уральской области оперировал, главным образом, белый корпус (казачий) генерала Толстого, ликвидировать который было поручено IV армии, в состав которой вошла отдельная Башкавбригада.

2 октября бригада расположилась в районе поселка Филипповского (штаб в хуторе Моргунов), ведя разведку

[1] 10-верстная карта, лист 145 (Орский район).
[2] Архив Красной армии, дело № 65—740.
[3] Архив Красной армии, дело № 46—418.

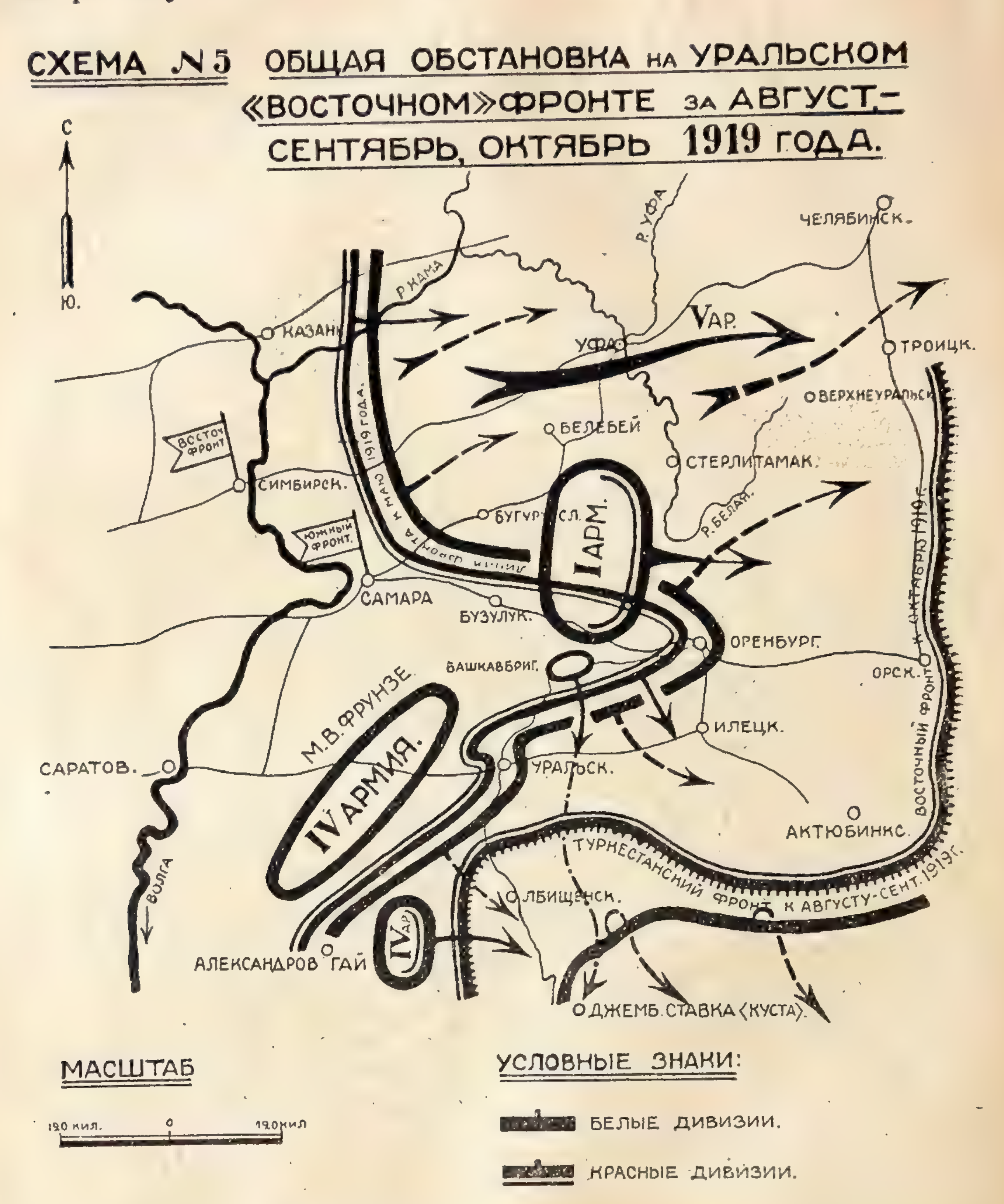
в направлении Акбулак — Миргородский, сделав 55-верстный переход, 4 октября в 14 часов ведет бой с двумя сотнями Учебного Казачьего полка, и передовой 5-й полк в бою за-

Штаб Отдельн. Башкир. кав. бригады на Уральском фронте в 1919 г. Комбриг—т. М. Муртазин (×). Военкомбриг—т. Богословский (× ×). Наштаба—т. М. Сагитов.

хватывает один пулемет Кольта и несколько десятков пленных. В 18 часов противник, силами около 2 полков, из района Акбулатово начал наступление, но попытка его ударить внезапно кончилась неудачей. Башкавбригада, встретив удар противника, в свою очередь перешла в контр-наступле-

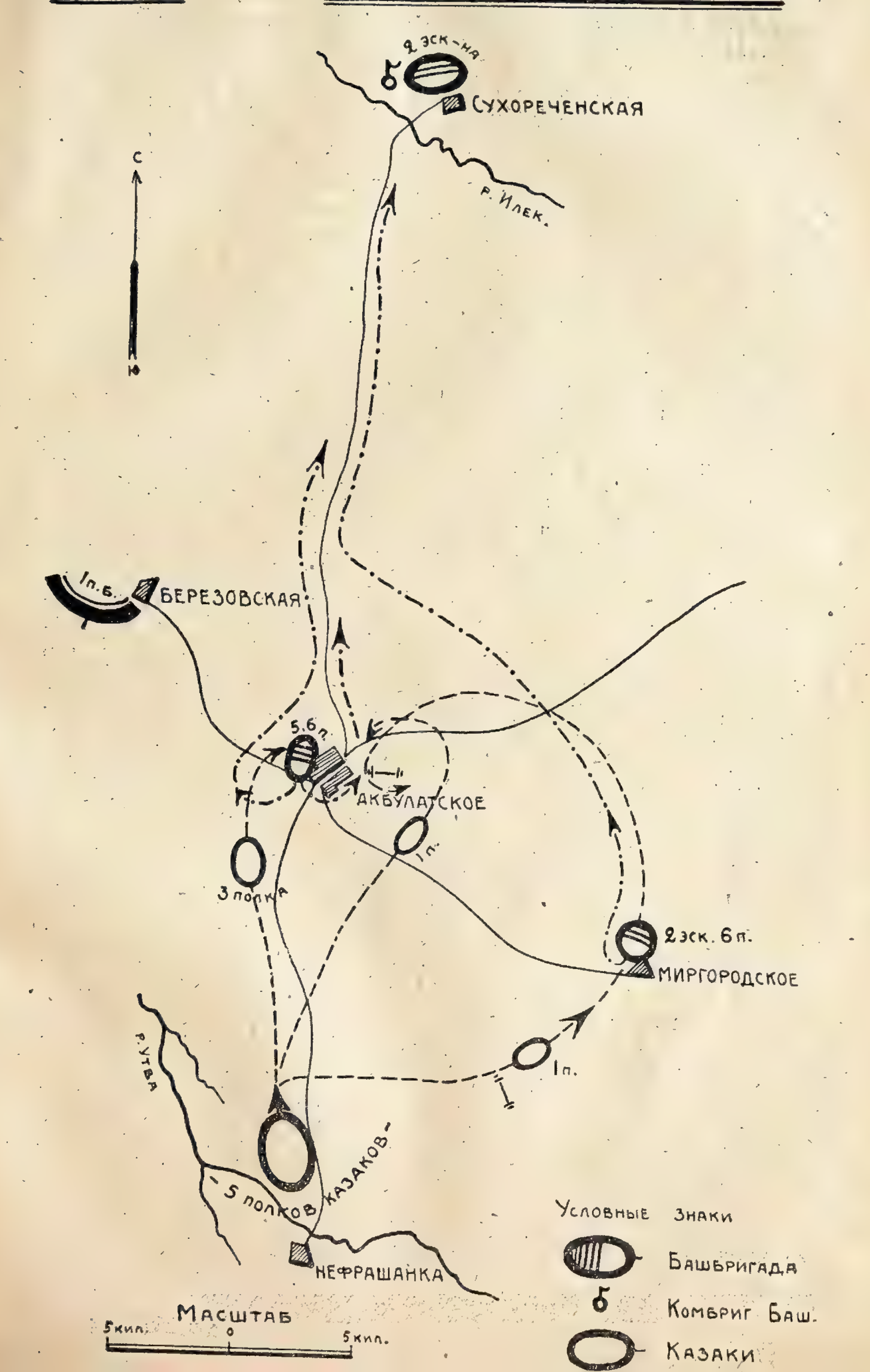
ние и, несмотря на сильное сопротивление казаков, в 23 часа захватывает Акбулатово. Противник, неся большие потери пленными и убитыми, отступает в направление на Нефрашанку, за р. Утву.

С 4 по 10 октября бригада вела усиленную разведку в направлении пос. Нефрашанка—Шатырлы и связалась с соседом справа—1-й бригадой 49 дивизии.

Во всей полосе разведки крупных сил противника обнаружено не было. Новых директив бригада не получила также и 10 октября. Комбриг Муртазин, приказав своему замести-

Схема N 6 Бой у д. Акбулатовой 10 окт. 1919 г.

телю Ямбулатову (комполка 5) привести бригаду в боевую готовность, сам с двумя эскадронами конницы направился в дер. Сухореченскую, что в 38 *км* севернее дер. Акбулатово, на р. Илек, для проверки состояния тыла, имея в виду также и ликвидацию кишевших в этом районе мелких шаек бандитов, нарушавших планомерность работы тыла и связи с ним. Широкий район действий Илецкой группы принуждал командование разбрасывать войска отдельными частями на значительное расстояние друг от друга, что исключало, таким образом, возможность нанесения противнику мощного удара одновременно всеми силами, нарушало связь между ними, и наши войска могли быть разбиты противником по частям.

Именно это и побудило комбрига Муртазина решить одновременно заехать в штадив 49, в „Илецкий городок", чтобы сговориться с командованием дивизии о дальнейшей боевой работе конницы только совместно с частями пехоты.

Выбыв из Акбулатова в 17 час. 35 мин., комбриг с сопровождающим его отрядом к 1 час. 11 октября прибыл в д. Сухореченская. По пути к месту следования в районе озера Камчатка, отряд встретил группу бандитов, разбил их и взял 30 человек пленными. Из допроса пленных комбриг выяснил, что в эту ночь казаки намеревались значительными силами произвести налет на бригаду со стороны Александровский—Нефрашанка,—это было около 2 часов ночи. Комбриг немедленно послал гонцов с приказанием Ямбулатову: „У пленных выяснил—противник намеревается этой ночью внезапно атаковать бригаду. Приказываю организовать глубокую разведку. Выяснить силы и группировки противника и при значительных его силах отходить на север в район д. Березовка (восточнее ее). Связаться с 1 пех. бригадой 49 дивизии и, пропустив противника на Миргородское—Акбулакское, атаковать во франг".[1] Однако предупредительное распоряжение цели не достигло. События разыгрались иначе.

Бой у Акбулатовой.

Бой у Акбулатовой в ночь с 10 на 11 октября (схема № 6). Ровно в 2 часа ночи, т. е. в то время, когда комбриг послал своему заместителю приказание, казаки произвели налет на бригаду. Налету казаков предшествовало следующее. Бригада в составе: пеший дивизион—300 штыков, 2 эскадрона 5-го полка и 2 эскадрона 6-го полка, 2 орудия, находилась в п. Акбулак; 2 эскадрона 6-го полка под командованием Сагитова в п. Миргородское. Частями было организована разведка и восстановлено наблюдение. Разведка в 19 час. обнаружила со стороны Нефрашанка разведчиков противника, которых отбросила. До 12 часов ночи никаких частей противника в этом районе

[1] Дневник боевых действий бригады.

наша разведка больше не встречала и, успокоившись этим, бригада ослабила наблюдение и охранение.

А в это время противник силами около 5 полков (по показаниям пленных 2-й, 4-й, 5-й, 8-й и 15-й казачьи полки) сосредоточился в п. Нефрашанка и организовал внезапный налет на бригаду.

Первая группа противника—1 полк направляется на п. Миргородский для обеспечения правого фланга колонны главных сил и связывания находящегося там нашего дивизиона.

Вторую группу—главнейшие силы около 4 полков—противник бросает на п. Акбулак.

Первая группа противника подходит к п. Миргородское и атакует кавдивизион Башбригады. Кавдивизион под давлением противника отходит (не сообщая главным силам), не в п. Акбулак, а на север, в направлении Сухореченская, открывая тем самым фланг главных сил бригады. Одновременно вторая группа противника—его главные силы—обходит с двух флангов и атакует п. Акбулак. Закипела горячая схватка. Правая колонна главных сил противника нарывается на мощный огонь пулеметов и артиллерии Башбригады и продвинуться не может. Левая колонна главных сил также встречает упорное сопротивление бойцов и захлебывается в своей атаке. Бой длится около 4 часов, но со стороны п. Миргородское подходит первая группа противника. Свободная и свежая она бьет во фланг. Исход боя решен. Потеряв 2 орудия и 6 пулеметов, 300 человек пленными и убитыми, бригада отходит на Сухореченское. [1]

Бой у Нефрашанки 12/X [2]. (Сх. № 7).

В 8 часов утра 11/X комбриг получает донесение от своего заместителя о том, что бригада окружена превосходными силами противника и пытается прорваться. Не верит комбриг, что его бойцы, не знавшие никогда поражений, погибнут в этом бою, не верит, что они не сумеют прорваться и ждет подтверждения. В 10 часов новое донесение. Имея большие потери, бригада прорвала огненное кольцо противника и с боем отступает в направлении на д. Сухореченская и сейчас на полпути между Акбулатовское—Сухореченское, где ждет распоряжений. Выдохнувшиеся в бою казаки прекратили дальнейшее преследование бригады. Комбриг приказывает: „Бригаде перейти в Сухореченское. Охранение от каждого полка выставить в глубину на 10 *км.*". К 18 часам уставшие, морально подавленные части бригады прибывают в дер. Сухореченское, где им дается дневной отдых.

На следующий день комбриг решает привести бригаду в боевую готовность. Часть бойцов из 300 прибывших для

---

[1] Телеграмма комбрига Башкирской командарму IV от 10/X 1919 г. № 6714.

[2] Журнал военных действий штабрига.

свое имя и свою славу, неужели мы не сумеем разбить банды белогвардейского казачества, неужели их кровью не смоем свою неудачу? Я спрашиваю вас, сможете ли вы это сделать или нет? И если сможете, то поклянитесь смыть перед трудящимися пролетарской республики то темное пятно, которое сегодня на нас лежит. Наша слабость—это болезнь нашего трудового народа, нашей республики. Клянитесь победить или умереть, и я поведу вас к новым победам, или я уйду от вас. Я не хочу быть командиром бригады, которая не умеет бить белогвардейцев".

„Клянемся, пойдем с тобой,—загудели в ответ тысячи голосов.—Пойдем и победим".

Так бригада готовилась к новому бою. И вечером этого дня в 16 часов бригада в полном составе двинулась на п. Акбулак—свести свои счеты с противником. Во главе колонны следовал тот дивизион, который своим отходом из п. Миргородский открыл фланг бригады и содействовал ее поражению. Ему было поставлена задача: „Вести разведку в направлении на Акбулак—Миргородский. Выяснить присутствие противника; встречающиеся его мелкие части—уничтожить, достать языка". За ним следовали главные силы бригады (6 эскадронов конницы и пеший дивизион). Ни в п. Акбулак, ни в п. Миргородское, которые были к 22 часам заняты бригадой, противник обнаружен не был. В п. Миргородский бригада заночевала. На следующее утро 13/X комбриг приказывает тому же головному дивизиону разведать противника в районе Нефрашанки. Высланная в 6 часов утра, к 8 часам разведка донесла, что противник силами около 2 полков обнаружен в районе п. Нефрашанки.

Комбриг немедленно берет сочувствующих нам проводников киргизов и вне дорог, сокращая путь с 25 до 18 *км*, ведет бригаду в дневную атаку. Пересеченная перелесками и высотами местность маскирует переход конницы. Комбриг с комполками и командирами эскадронов выезжает вперед на личную рекогносцировку и к 11 час., выехав на выс. 107,2, изучает обстановку, которая рисовалась ему так:

Противник отдыхал и все свои силы сосредоточил в общую группу на южном берегу р. Утвы, у д. Нефрашанка, в полной уверенности, что его враг уже больше не существует. Высланная им разведка расположилась в 2 *км* севернее деревни.

Свои войска скрытно подошли к высотам 108,0—107,2—107,5 и, расчленившись по полкам, заняли выжидательное положение, ожидая приказа.

Местность, пересеченная высотами, прорезалась речкой Утвой, берега которой со стороны противника были командующими, и всякая попытка атаковать противника с форсированием реки требовала много жертв, без обещаний успеха.

Между сосредоточенным противником и высотами, за которыми скрывались полки Башбригады, расстилалось низменное плато, площадью около 20 *кв. км*, на котором возможно было выжать от конницы всю ее мощь. Учтя последнее обстоятельство, зная психологию казаков, которые готовы всеми силами наброситься даже на отдельные разъезды, комбриг решает дать бой противнику именно на этом плато, вызвав его на северный берег реки Утвы демонстрацией незначительных сил.

Время звало к немедленным действиям, и комбриг принимает следующее решение:

„Вр. комполка 5 тов. Радзе, выслать один эскадрон в тыл противника, в обход выс. 107,5—р. Утва,—выс. 104 с задачей захватить батареи противника, остальными 3 эскадронами занять исходную позицию в лощине между выс. 107,5—107,2, где, подготовив конную атаку, ждать выхода противника на плато. 6 полку тов. Абдрахимова с 3 эскадронами быть в лощине сев.-зап. выс. 108,0, где также подготовить конную атаку на вышедшего на плато противника. Полкам начать атаку одновременно, по моему сигналу с выс. 107,2. Один эскадрон 6 полка атакует противника в лоб на дер. Нефрашанка и с боем отходит на высоты 108,0—107,2, привлекая на себя противника.

Пешему эскадрону со станковыми пулеметами занять выс. 108,0—107,2 и по моему сигналу открыть огонь по вышедшему на плато противнику. Сигнал атаки—залп передней линии 5 полка и пулеметный огонь пешего эскадрона“.

Ровно в 14 часов провоцирующий противника эскадрон атакует Нефрашанка в лоб и встреченный контр-атакой около 5—6 сотен казаков откатывается, как ему было приказано.

В это время комбриг дает сигнальный огонь, и бригада переходит в атаку. Противник потрясен внезапностью, дрогнул и, разгромленный, панически бежит, оставив около 200 убитыми и пленными, много потопленными в р. Утве, бросив 2 орудия, 7 пулеметов и обозы. Одновременно бригада захватила много белогвардейцев, спасавшихся с полками казаков, вернула своих пленных и более 200 пленных красноармейцев мусульманского полка.

Так бойцы Башбригады смыли пятно своей первой неудачи в боях под Акбулак. Разбив противника, бригада преследовала его в направлении п. Курмантая и после его полного разгрома вернулась назад на ночевку в аул Шатырлы [1].

13—14 октября Муртазин перебросил бригаду в пос. Миргородский, к прежнему месту стоянки, где, согласно приказа от 13/X за № 4356, она влилась в „Илецкую группу“ войск, состоящую из 1-й и 3-й бригады 49 стр. дивизии. 15 октября бригада вела разведку. Высланные в сторону Григорьевки

[1] Журнал боевых действий Башкавбригады.

(р. Утва) разъезды бригады имели стычку с сильными разъездами противника у аула, откуда, отбив противника, вернулись обратно.

16 октября, согласно директив штарма I ближайшей задачей для I и IV армии является, уничтожение противника южнее реки Урал, между Утвой и Уральском, при чем эта задача должна быть достигнута встречным наступлением Илецкой и Уральской групп. Во исполнение этого было приказано:

1) 3-й бригаде 49 стр. дивизии с 1-м татарским полком с рассветом 17 октября перейти в решительное наступление и не позднее вечера 18—выйти на линию Иртецкое—Бурлимак; не позднее 20 занять участок: хутор Требухин—Жаксы—Кабарал. [1]

2) 1-й бригаде 49-й дивизии, перейдя 17 октября в наступление, не позднее вечера 18-го занять 435-м полком—Улусайск, 434-м полком—Александровский и 433-м полком—Полтавский.

3) Бригаде Муртазина с рассветом 17-го выступить для занятия Белогорской, следуя через Миргородский, куда и надлежит прибыть не позже вечера 18/X. Не позже 20/X—занять Томусайский.

По выходе группы на указанную линию 20/X всем частям вести усиленную разведку: 3-й бригаде в направлении на реку Барбаству и на мечеть Курзбай, 1-й бригаде—в направлении Срымикан и станции Чедыртинскую; бригаде Муртазина—в направлении на Джембетинскую ставку. [2]

К 18 числу Башбригада, находившаяся в районе, который со всех сторон наполнен партизанскими белыми отрядами, получает сведения, что против „Илецкой группы“ войск действуют три казачьих полка и около 2.000 сабель партизан. Сведения указывали, что в пос. Троицком-Лубенском около 500 сабель, в пос. Белгородском—около 500 сабель партизана Ершова. В районе Григорьевка—Нефрашановка—Улусайск 2 Мухранский, 15 Илецкий и 8 казачий полки с несколькими партизанскими отрядами, общей численностью до 1.000 человек. [3]

Того же числа ночью комбриг получил донесение из ст. Линевской (тыл бригады), что на обозы бригады налетел партизанский отряд полковника Ершова, охрана обоза ведет бой и ждет помощи. К этому же времени бригада потеряла связь с соседом. Таким образом бригада стала лицом к лицу с такими фактами: 1) противник окружает значительно превосходящими силами; 2) режет нервы бригады—обозы; 3) бригада без связи и совершенно изолирована. Что делать? Итти ли на Улусайск, как приказано бригаде штармом IV,

---

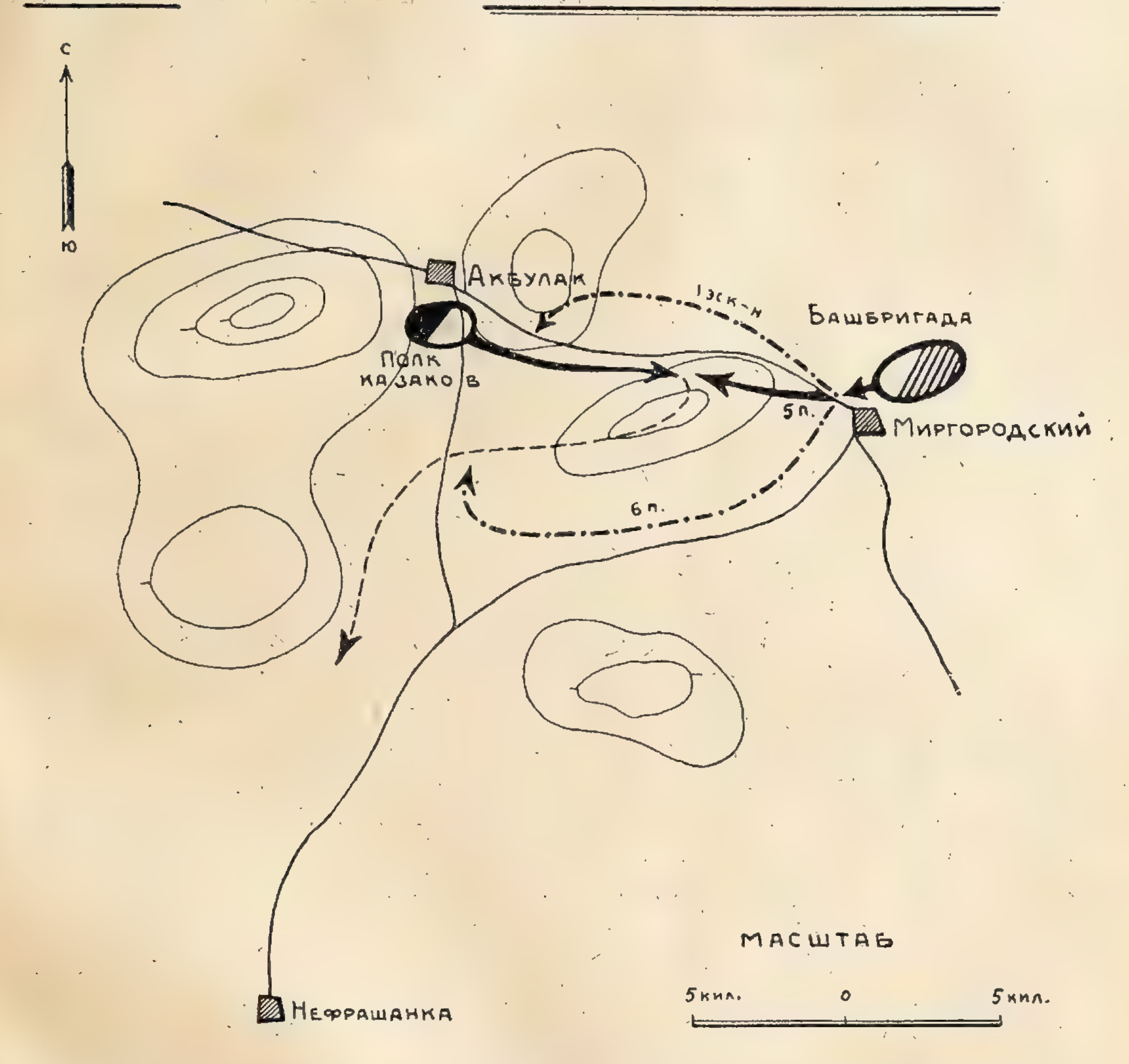
[1] 10-верстка, лист № 112 (Уральский район).

[2] Архив Красной армии, дело № 65—692.

[3] Там же.

рискуя тем самым потерять обозы продовольствия, обмундирования и боевые припасы, которые в данное время расценивались дороже золота, или итти на выручку обозов, где хлеб, снаряды и патроны, и от спасения которых зависит дальнейшая возможность боевой работы бригады? И комбриг решает: спасти сотни тысяч патронов, спасти обмундирование, спасти продовольствие. Он с бригадой идет назад, на выручку

Схема №8 Бой у Акбулака 24 окт. 1919 г.

обозов. Форсированным ночным маршем, под командованием комполка Радзе, 3 кав. эскадрона внезапно настигают Ершова, ввязываются с ним в бой и отбрасывают его. С большими потерями, оставляя пленных и части своих подвод, приготовленных для погрузки нашего имущества, Ершов отступает на Белогорское. [1]

Заночевавшая в Линовском бригада 19 числа снабжается теплым обмундированием, пополняет свои запасы патронов и получает 400 человек, присланных из Башвоенкомата. Часть

этого пополнения немедленно передается полкам. К вечеру этого же дня, бригада, посадив пеших на подводы, переходит в Сухореченскую, где от командования Илецкой группы получает приказ.

Ввиду слабости левого фланга армии для перехода в наступление, командование Илецкой группы приказывает:

3-й бригаде—с рассветом 19/Х перейти в наступление и к вечеру 21-го занять и упорно оборонять Требухин-Кабаки-Мечеть—Шушак. 1-й бригаде перейти в наступление и не позже 21/Х выйти на линию реки Утва, занять и упорно оборонять район Устья-Сускубулак—Улусайск. Бригаде Муртазина 19/Х перейти в район Миргородский, закрепить и упорно оборонять этот пункт, производя демонстрации, ведя усиленную разведку по направлению Белгородское—Джембетинский базар и принимая меры к обеспечению. К 20—21/Х бригада через Акбулак переходит в Миргородский, откуда ведет разведку на Нефрашанку, находясь все время в соприкосновении с мелкими группами разведчиков противника, которые были обнаружены на левом франге 49 стр. дивизии. 22—23/Х комбриг получает сведения, что противник действует по тылам соседей, режет телефонную сеть и пытается подслушать наши оперативные переговоры. Наиболее сильные группы противника в районе действий нашей первой пехотной бригады утром 23-го силами около 1.000 сабель окружили 434 полк 1-й стр. бригады, не успевший развернуться; полк противника отбросил. Башбригада, имея подобные сведения, организует успешные поиски противника, который ни одного часа не стоит на месте и мечется по всему району.

В дождливый туманный рассвет 24/Х комбриг Муртазин с одним эскадроном выехал из пос. Миргородское в пос. Березовское, в штабриг 1, чтобы с командиром этой бригады выработать общий план дальнейших действий. Едва он успел на 3—4 *км* отъехать от пос. Миргородское к сев.-западу, как противник, пользуясь туманом, обстрелял отряд сильным пулеметным огнем. Комбриг вызвал главные силы бригады. Пока они подошли, прошло 2 часа, туман к этому времени рассеялся, и развернувшаяся бригада увидела перед собой отряд казаков, численностью около полка, с 3 пулеметами и с 1 орудием. Бригада атакует противника, разбивает его и берет два пулемета Максима и Кольт. Оставив на поле боя 30 убитых и пленных, противник бежит к Нефрашанке. (См. схему № 8 на предыдущей странице).[2]

Бой у Чунгай (Пришки) (см. схему № 9).

Усталая и утомленная боями бригада, исчерпав запасы продовольствия и фуража к ночи 24/Х, перешла в пос. Гри-

---

[1] Журнал боевых действий Башбригады.

[2] Архив Красной армии, дело № 58—784.

горьевку. Объятый эпидемией тифа бедный и голодный поселок не мог дать бойцам бригады ни пищи, ни крова. Всю дождливую, холодную, осеннюю ночь бригада провела почти под открытым небом. А на рассвете 25 октября противник,

сосредоточив 4—5 полков со ст. Суворовской, завлек 434 и 437 полки 1-й бригады 49 стр. дивизии в пос. Чунгай и окружил их кольцом.

Комбриг 1 обратился к комбригу Башкирской Муртазину за помощью. [1] Несмотря на тяжелое состояние бригады, ком-

[1] Архив Красной армии, дело № 58—784.

бриг не мог нарушить основ взаимодействия пехоты с конницей и пошел на помощь.

К 6 часам, когда выступила бригада, обстановка успеха не обещала. Выпавший глубокий, до $^1/_2$ аршина, снег задерживал движение и без того измученной конницы. Местность была совершенно открытой и давала возможность противнику издалека обнаружить подход бригады. Противник успел 2 сотнями с пулеметами и 2 орудиями системы Маклен занять командующие высоты 100,0, и едва бригада вышла из пос. Григорьевка, как встретила огонь с этой высоты.

Главные силы противника около 4 полков окружили Чунгай (434 стр. полк). Муртазин решает сконцентрировать все силы в одну колонну, движением назад подойти по лощинам, заняв высоты 106,3—104,2, повернуть фронт на северо-запад и атаковать противника с тыла. Для обеспечения операции он левый фланг бригады прикрывает 2 эскадронами 6 кавалерийского полка, которым приказывает сбить противника с высоты 100,0 и отбросить его на запад, обеспечив тем самым левый фланг бригады.

Когда эти 2 эскадрона, заняв высоту 100,0 начали теснить противника к северо-западу, отступающий противник успел уведомить свои главные силы о нависшей над ними грозе.

Получив это уведомление, главные силы противника оставляют блокаду Чунгая и в полном составе поворачивают на бригаду. Один полк противник направляет в обход высоты 106,3 для удара по правому флангу Башбригады. Около 2 полков образуют среднюю колонну и направляются на северные скаты высоты 104,2; около одного полка, с присоединившимся к нему 2 сотнями сбитых с высоты 104,2, он бросает для удара по левому флангу Башбригады, чтобы таким образом „клещами“ с 2 флангов уничтожить последнюю, которая без помощи артиллерии и пехоты была предоставлена самой себе. Выехавший на наблюдательный пункт высоты 104,2 комбриг видит создающиеся противником группировки и, поняв его замысел, решает на клещи ответить клещами, для чего отдает следующее распоряжение:

1) 5 полку (3 эскадрона) без пулеметов, обойдя высоты 106,3, ударить противника по флангу с севера. Одному эскадрону 5 полка и 1 эскадрону 6 полка, заняв исходное положение в лощине между высотами 106,3—104,2, подготовить атаку противника по левому флангу и совместным ударом с 5 полком уничтожить его левую колонну.

2) 1 эскадрон 6 полка со всеми бригадными пулеметами и комендантской командой спешить и, заняв высоту 104,2, организованным огнем отбить атаку противника на эту высоту; 2 эскадрона в конном строю—держать уступом назад в лощине между высотами 104,2—100,0 и быть готовым атаковать противника во фланг на северо-запад. Бывшие при ком-

бриге командиры полков немедленно приступили к исполнению приказа.

Противник, не заметив обхода 5 полка, без боя занял в конном строю высоту 106,3. Комбриг, наблюдая движение казаков с высоты 104,2 и зная, что казак хорошо дерется только тогда, когда у него сильна и свежа лошадь, что разгоряченные лошади казаков, пройдя несколько верст по глубокому снегу выдохнутся, в то время, как лошади его бригады, после перегруппировки за несколько времени продрогнут и будут нуждаться в движении, при имеющемся на лицо отличном настроении бойцов бригады,—решает заставить казаков пройти по снегу еще больше, вплоть до пулеметов. А чтобы не дрогнули нервные бойцы от близости подходящего противнкка, он на виду всей бригады стоит на своем наблюдательном пункте до последнего момента. И когда этот момент наступил, бригада атаковала противника с двух флангов. Уничтожена была левая колонна противника. Убит командир этой колонны, командир полка, захвачено много пленных и раненых. Вырвавшись из боя противник оставил Чунгайский район и панически бежал. 434 полк 1-й бригады был спасен. Бригада преследовала противника на несколько верст и затем вернулась в Григорьевку. Потери в этом бою—6 чел. убитых и 9 раненых. Это был один из последних упорных боев с казаками. Потрепанные и деморализованные в дальнейшем они избегали решительных встреч с Башкавбригадой. [1]

Высланные 26/X разъезды бригады обнаружили, что отряд казаков, силы которого не выяснены, занял пос. Акбулак, перерезав тем самым коммуникацию всей „Илецкой группы". Комбриг немедленно организовал совещание командиров войск Илецкой группы, чтобы решить, как совместными действиями окончательно покончить с белыми.

Невесело выглядело это совещание. Башкавбригада измоталась и нуждалась в отдыхе, пехотные части о наступлении говорить не хотели. А предпринимать что-нибудь надо было. Приказ штарма IV о занятии Ханской Ставки и полном уничтожении казаков до сих пор Илецкой группой выполнен не был.

Комбриг почин в этом деле опять берет на себя. Он требует, чтобы ему придали эскадроны стрелковой бригады и, учтя полную невозможность выжать от пехоты поддержки в бою, получив от нее 3 эскадрона конницы, ночью ведет бригаду на пос. Акбулак. А ночь была жуткая, темная... Дождь и слякоть окутали непроглядной пеленой киргизскую степь... Не видно ни зги. Нет ни одного ориентировочного пункта. Вязнущие по брюхо в степной грязи лошади не могут итти дальше и нервируют усталых бойцов, которые промокли

---

[1] Журнал боевых действий Башбригады.

до нитки и пронизываются жестким и холодным ветром степи. И когда бригада подошла к бурлящей от потоков тающего снега р. Утве, по ее рядам пронесся ропот... Это был первый случай в истории бригады, когда бойцы пришли в негодование. Больно по сердцу ударила комбрига эта нерадостная весть... Но еще больнее было то, что они были безусловно правы. Непрерывные форсированные марши с боями, холод, недоедание, отсутствие теплого угла хотя бы на один день, действительно высосали из бригады все силы, весь дух.

Но дело было начато, и оставить его нельзя. Комбриг твердо потребовал исполнения его распоряжения какой угодно ценой.

„Вы устали, измучены,—обратился он к бойцам,—верно, товарищи, но разве я не был с вами во всех боях, разве я не делил с вами ваших побед, радостей и неудач, разве я отдыхал, когда вы побеждали? Если среди вас найдется хоть один человек, который сумеет доказать противное, пусть не боясь скажет вам об этом. Вы молчите... значит я прав. А раз я прав, я ваш командир, я буду командовать вами. Кто верит мне, пусть идет за мной, а кто не пойдет со мной, пусть остается здесь и смотрит, как я пойду в бой, чтобы победить или умереть. Я иду, справа по три, за мной, марш", и комбриг выехал впереди колонны. Не оглядываясь, ехал он вперед. Все больше и больше увеличивалось расстояние между ними и оставшимися войсками. Но прошло несколько минут. Загудели и зашевелились колонны войск. Полетели гонцы нагонять комбрига.

„Прости нас,—говорили они,—мы не правы, мы все идем за тобой".

И бригада пошла на Акбулак. Много часов блудила она в эту темную ночь, и только, когда стало светло, Акбулак был найден. Занимавшие его казаки, обнаружив мощные колонны подходящей красной конницы, без боя бежали, и Башбригада вступила в Акбулак.

Здесь комбриг решил дать бойцам дневной отдых и от преследования казаков отказался. Население восторженно встретило бойцов Башбригады, дало кров, фураж и пищу и заботливо отогрело бойцов и конский состав бригады.[1]

От пос. Григорьевка до Курмантая.

27/X утром Башкавбригада из Акбулака переходит в Григорьевку, где имеются сведения о том, что противник значительными силами сосредоточился в районе пос. Нефрашанка. Сговорившись с комбригом 149 стр. дивизии, Муртазин совместно с пехотой намечает ночную атаку противника. Было принято следующее решение. 1-я бригада 49 дивизии наступает на пос. Нефрашанка по дороге вдоль левого берега р. Утва и бьет противника в лоб (см. схему № 10); кавбри-

[1] Журнал боевых действий Башбригады.

гада обходом на Александровское атакует противника в тыл и фланг и отрезает ему отход к Курмантаю. Один эскадрон Башбригады движется по правому берегу р. Утва и, обеспечивая правый фланг 1 стр. бригады, демонстрирует фланговую атаку противника с северо-востока. Ровно в 24 часа противник был окружен. При попытке его отступить на п. Курмантай, он нарвался на обошедшую Башбригаду, и после непродолжи-

тельного боя 2 полка противника были разгромлены, а остатки его рассеялись.

Таким образом 26/X части противника сбиты и отступили на Джембетинскую ставку и Лубенск. Были добыты сведения, что он группируется для прикрытия больших дорог в районе Улусайск—Святодуховский и Федоровский. С 24 часов, с занятием пос. Нефрашанка, Илецкая группа переходит в оперативное подчинение IV армии.[1]

[1] Архив Красной армии, дело № 58—784.

До получения новой директивы командующий Илецкой группой приказывает:

3-й бригаде—занять и упорно оборонять линию Мечеть—Дрекул—Кондырбек. 1-й бригаде занять линию Улусайский—Григорьевка—Нефрашанка, укрепить и упорно оборонять эти пункты. Башбригаде—оказать содействие при занятии 1-й бригадой Нефрашанского района, занять Белгородскую и вести усиленную разведку на Джембетинскую ставку и Лубенский, разведывая удобную дорогу на Джембетинскую ставку по левую сторону реки Ашеса, узнавая места переправ через эту реку. [1]

Бой под Курмантаем.

Приказ этот был получен одновременно с занятием Илецкой группой пос. Нефрашанки. 28 октября Башбригада (с 1 пехотной бригадой) двигается в направлении на Курмантай, где сосредоточились последние силы казаков. Илецкая группа организует наступление. 1 стр. бригада с артиллерией атакует Курмантай с фронта, Башкавбригада обходит противника с юго-востока. Упорно задерживающий 1 стр. бригаду противник, обнаружив обходящую конницу Башкавбригады, оставляет Курмантай и бежит (см. схему № 11).

Казаки сосредоточиваются в Джембетинской ставке (Куспы), это их последняя опорная цитадель. Был морозный день, и неподкованные лошади передвигались с трудом; люди мерзли. Бригада двигалась через деревни, сплошь зараженные тифом. Тем не менее пехота отставала и задерживала кавбригаду. Противник концентрировался и давать ему время для приготовлений было нельзя, поэтому комбриг решил: не ожидая пехоты расправиться с противником своими силами. Он ускоряет движение, чтобы атаковать противника внезапно. К 20 часам 29/X бригада—уже на р. Кайданач, которую у аула Абель-Бейск форсирует. В 1 час. 10 мин. 30/X бригада атакует противника. Один пеший эскадрон на подводах направляется для сковывания противника с фронта, 5-й полк атакует во фланг с юга и 6-й полк с тыла.

Противник окружен, и все пути отхода ему отрезаны. После ожесточенного сопротивления он пытается спастись через р. Аща-Сай Улента. Его орудия, обозы и люди частью тонут, частью рассеиваются. Ханская ставка взята. Взято более 500 пленных и больных, захвачены белые эмигранты (см. схему № 11а).

Контр-революционное гнездо белогвардейщины было разгромлено.

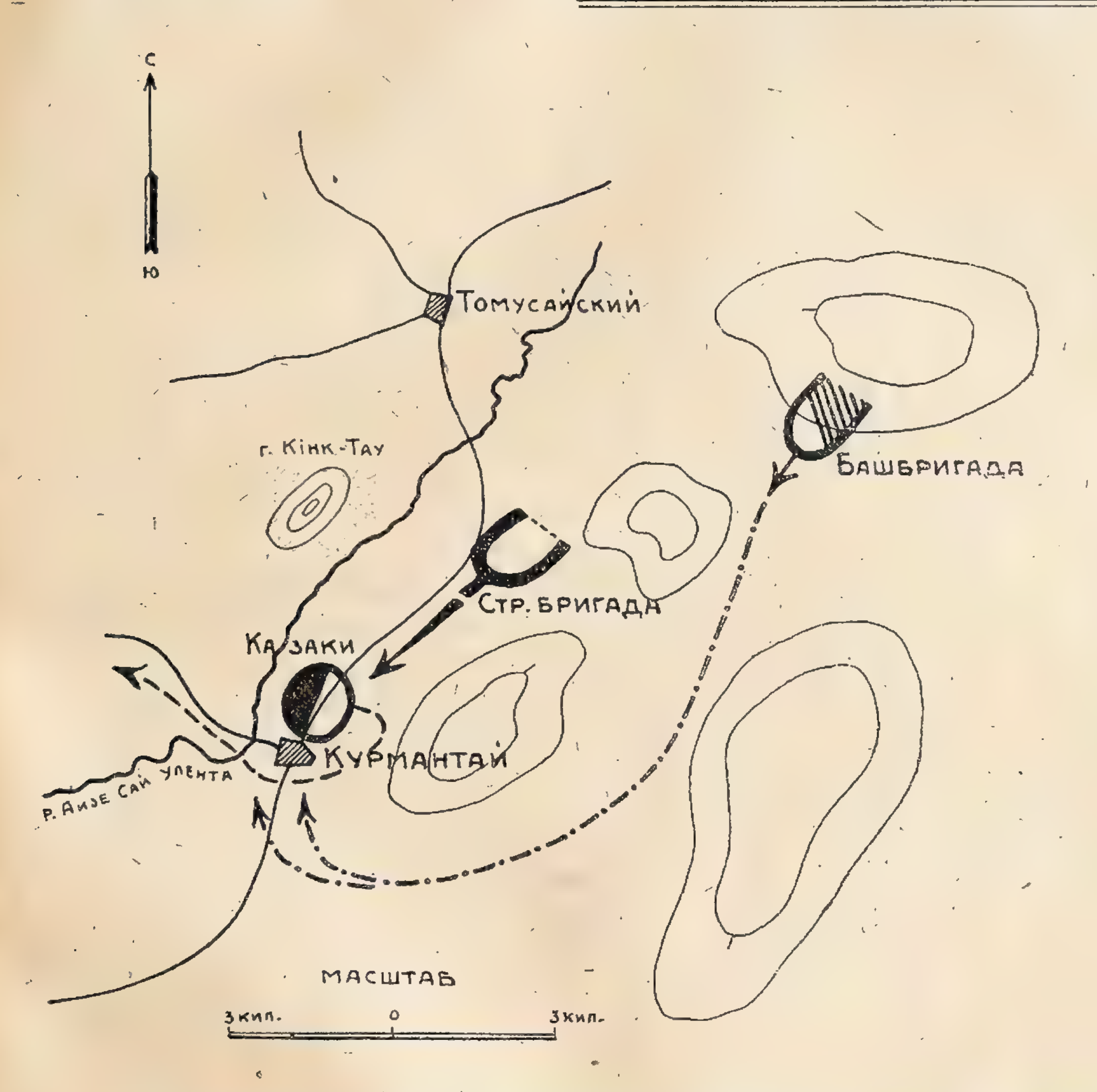
На другой день к ставке подтянулась отставшая пехота. Красные войска встретили радушный прием у киргиз и остановились на отдых.

---

[1] 10-в. карта, лист 112.

2 декабря полевой штарм IV указал, что „противник разбит в многодневных боях доблестными частями армии и отходит в южном направлении, при чем его части разъединены, деморализованы боями и эпидемией... Башбригаду отправить в распоряжение командарма I в район Горищенская—Никольское (в 50-верстах от Оренбурга)“.[1]

Схема №11. Бой под Курмантаем 28 окт. 1919 г.

Получившая это распоряжение бригада была в тяжелом состоянии. Эпидемия тифа не пощадила и ее ветеранов, и смерть каждый день косила свою обильную жатву. Больницы были переполнены, и больных некуда было отправлять на лечение. С каждым днем бригада таяла, теряя лучших своих бойцов и командиров[2].

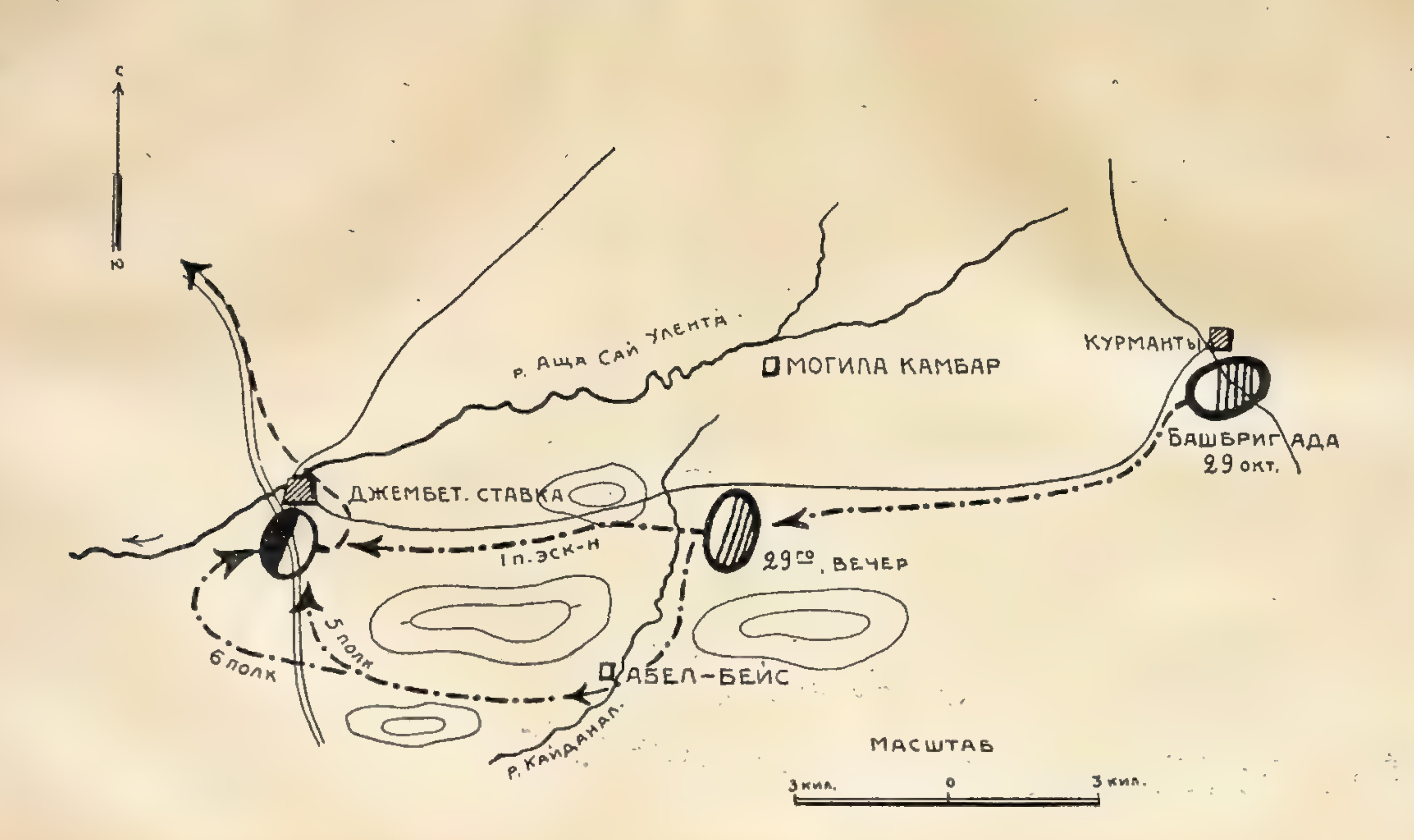
---

[1] Архив Красной армии, дело 58—784.

[2] Доклад Джембетинских военных и гражданских властей РВС IV армии.

Схема N 11а

Бой у Джембетинской ставки 30 окт. 1919 г.

И тем не менее бригада действует. Каждый день выезжает она на поиски и ликвидацию рассеянных групп противника и проводит эту работу с успехом.

В конце декабря бригада была отведена в Каргалы, где стала подлечивать свои раны. А раны были большие... Отсутствие медицинского персонала, лекарств и рабочих рук создавали безвыходное положение. При передвижениях армия неизбежно соприкасалась с зараженным населением, и жертвами эпидемии падали сотни красноармейцев: 50—70% людей болело тифом. Эвакуация была не на должной высоте, и больные заполняли тылы. [1]

Башбригада от эпидемии и боев понесла тяжелые потери. Инскарм I (Свешников) 30 декабря доносил в оперативный отдел штарма (№ 60/с):

„Переданная приказом по армии (№ 455) во временное подчинение начдиву 5-й кавалерийской и для включения во 2-ю бригаду, конная башкирская бригада Муртазина прибыла в составе: комсостава—56, адмсостава—10, сабель—403, невооруженных кавалеристов—77, нестроевых—249, лошадей—377 при 12 пулеметах, 124 повозках“. [2] Из этого донесения видно, что бригада потеряла около 60% своего состава (из 2.000 человек в начале операций на Уральском фронте).

В Каргалах бригада находилась до апреля 1920 года. Здесь она пополнилась выздоровевшими и новыми людьми, получила политотдел и в конце апреля, по приказу Главкома, Башкирская кавалерийская бригада направилась на Польский фронт.

В марте и апреле месяцах 1920 года Башбригаде суждено было пережить еще одну лихорадку.

Политотдел, влившийся в бригаду, в своем подавляющем большинстве, состоял из людей, успевших забыть те уроки, которые за свои выходки в свое время получили от бригады смоленцы.

И первые его шаги систематической политработы в бригаде были направлены не к тому, чтобы сколотить бригаду в единый монолит Красной армии, а, наоборот, к ее разложению. Эта работа совпала как раз с периодом внутренней борьбы коммунаров — русских и башкир — за организацию власти в Башреспублике. Некоторые сотрудники политотдела бригады—„татаро-башкиристы“ — учли напряженность атмосферы и спровоцировали бойцов башбригады итти на помощь Башреспублике. В связи с этим они подняли и лживо раздули вопрос о готовящемся в Башбригаде восстании. За-

---

[1] Доклад Джембетинских военных и гражданских властей РВС IV армии.
[2] Архив Красной армии, дело № 234—789.

трещали телеграфы, зазвенели звонки телефонов; это работники политотдела тщательно рисовали призрак нового восстания Башбригады перед высшим командованием.

Комбриг Башбригады Муртазин, понимая смысл бесчестной игры большинства работников его политотдела, поставил об этом вопрос перед командованием армии. К концу апреля месяца проездом в Туркестан М. В. Фрунзе сделал остановку в Оренбурге. После доклада ему командования армии о трениях между политаппаратом и командованием в Башкавбригаде, он вызвал к себе ее командира Муртазина... Муртазин прибыл и раскрыл Михаилу Васильевичу действительную картину создавшейся в его бригаде обстановки. Выслушав его доклад, т. Фрунзе сказал, что Башбригаде верит и знает, что она рука об руку с красными войсками сумеет не один раз поломать ребра белогвардейцам, что всякие попытки—с чьей бы стороны они ни исходили—деморализовать бригаду—будут своевременно пресечены, и что он уже понимает в чем дело и примет соответствующие меры. Пожав руку Муртазину за его боевую работу на Уральском фронте, М. В. Фрунзе еще раз уверил его в своем содействии, и они расстались. А спустя несколько дней весь политотдел башкавбригады был смещен, и Башбригада получила новых политработников.

Первый период славных побед Башбригады закончился. Теперь она вступала в новую боевую работу, к более грозной и решительной борьбе, борьбе с внешним и мощным противником. Республика звала ее к новому боевому посту, и Башбригада спешно готовилась его принять.

ГЛАВА III.

Действия башчастей на Петроградском фронте.

Приказ РСФСР о формировании Башвойск.

В основу формирования красных башкирских частей было положено соглашение Башправительства с правительством РСФСР, опубликованное в „Известиях ВЦИК“ (№ 63—1919 г.), вследствие которого 5 апреля 1919 года РВСР был отдан приказ (№ 615):

„РВСР на основании соглашения Рабоче-Крестьянского Правительства с РС Башправительства, объявленного в „Известиях ВЦИК“ от 23 марта 1919 года за № 63/615,—постановил:

1) сформировать из граждан Башкирской республики трехполковую бригаду по штату приказа РВСР прошлого года (№ 220), при одном легком артиллерийском дивизионе, гаубичной батарее, роте связи и роте сапер;

2) сформировать одну четырехполковую кавалерийскую дивизию по штату приказа РВСР прошлого года (№ 460);

3) для пополнения частей, указанных в п.п. 1 и 2 сего приказа, по окончании их формирования, сформировать запасные стрелковые и кавалерийские полки;

4) обслуживающие бригаду и дивизии вспомогательные учреждения—формировать в мере действительной надобности по указанию Всероссийского Главного Штаба;

5) проведение в жизнь этих формирований — возложить на Башкирский Военкомат, в составе: Военного Комиссара Башкирии—тов. Валидова, двух политкомиссаров, Военрука Комиссариата Башкирии и начальника Отдела Снабжения Башвоенкомата;

6) ответственность за своевременное и надлежащее качество формирования—возложить на тов. Валидова;

7) пополнение людьми и лошадьми Башправительство принимает на себя полностью;

8) обмундирование, вооружение и снабжение всеми необходимыми предметами довольствия—возлагается на Центральное Управление Снабжения;

9) необходимые средства на содержание башвойск и на приобретение лошадей ЦУСУ отпустить по сметам, представленным Башвоенкоматом.

Пунктом формирования этих войск—назначить г. Оренбург, с тем, чтобы, по мере заканчивания формирования, части выводились из Башкирии по указанию РВСР. Л. Троцкий".

План Валидова. Согласно этого приказа и соответствующих полномочий [1], З. Валидов приступил к формированию башчастей по разработанному им плану (создания Башкирской армии) в следующем составе:

1 стрелковая бригада	3 полка
1 кавалерийская дивизия	4 "
1 легкий артиллерийский дивизион . .	12 орудий
1 конный артиллерийский дивизион .	4 "
1 гаубичная батарея	2 "
1 запасный стрелковый полк	
1 запасный кавалерийский полк.	

---

[1] Мандат тов. Валидову, приложение № 11.

Вспомогат. части—по общим штатам.

Штаб армии.

Численность армии предполагалось довести до 40 тыс.

РВС Восточного фронта согласился с этим планом, за исключением штаба армии; формирование последнего было предложено отложить до будущего.[1]

Трудности формирования. Но к созданию башчастей приступили в очень тяжелых условиях. Только что начатое формирование башкирских полков в апреле 1919 года (в с. Тоцком), вследствие событий на Восточном фронте, должно было приостановиться, и части для формирования были перекинуты в Саранск ввиду того, что большая часть Башкирской территории была занята Колчаком.

Практически это оказалось неудобным, так как отправка в Саранск мобилизованных башкир затруднялась отдаленностью этого пункта от мобилизованной территории. Поэтому Башвоенкоматом было возбуждено ходатайство о назначении пунктом формирования частей—г. Белебей,[2] куда и направлять мобилизованные части.

Первые башкирские части. Получив разрешение, в конце мая здесь начала формироваться 2-я стрелковая башбригада и кавалерийский полк, под руководством комбрига Ахмерова и начштаба бригады Гареева. Здесь же в Белебее был организован политотдел Башревкома. Из добровольцев-башкир были сформированы (еще в конце марта) два стрелковых башкирских полка и один кавалерийский дивизион—в г. Стерлитамаке, переброшенные затем в Саранск для окончательного формирования.

Но и здесь полки не были окончательно сформированы. 1-й и 2-й стрелковые полки и 1-й и 2-й кавалерийские полки, без лошадей и обоза, в июне 1919 года перебрасываются на Южный фронт. На этом фронте полки понесли настолько тяжелые потери[3] (ранены два комполка), что из двух стрелковых и двух кавалерийских башполков, входящих в состав XIV армии Южгруппы, Главком приказал сформировать один полк, который временно включить в состав одной из дивизий армии; дивизионные учреждения, по окончании указанного формирования,—отправить обратно на Восточный фронт, где немедленно приступить к формированию новой Башкирской дивизии[4] (за отсутствием архивных данных автор не приводит подробных сведений о действиях этих частей на Южном фронте).

---

[1] Архив Красной армии, дело № 46—207; телеграмма Наштавост. фр. № 15993 (орг.) № 1474.

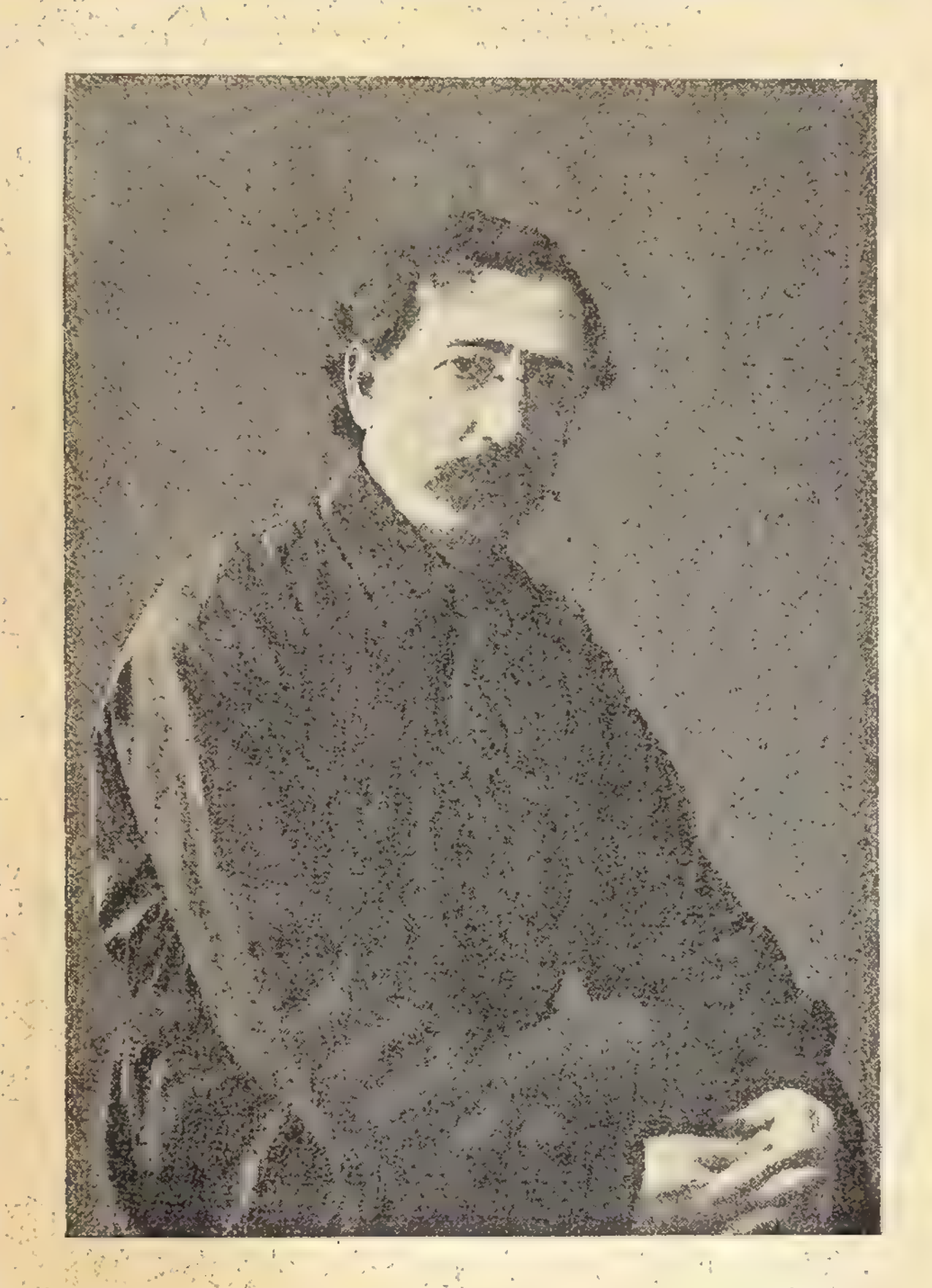
[2] Архив Красной армии, дело № 46—207.

[3] Архив Красной армии, дело № 46—207.

[4] Архив Красной армии, дело № 46—207.

РВС Восточного фронта указал Башвоенкомату на необходимость ускорить формирование башкирских полков и выдвижение их на фронт. [5]

Несмотря на распоряжения командования Восточного фронта—об отпуске всего необходимого для формирования башчастей, последнее шло очень медленно. С 5 июля в Белебее формируются полки 3-й, 4-й кавалерийские и 3-й стрелковый. Штабом Южной группы передается в распоряжение башчастей легкий артиллерийский дивизион (6 орудий). Нехватает комсостава—имеются только 15 лиц. Имеются 500 лошадей, 1.500 седел, 3 кухни.

Председатель РВТ Башгруппы на Петроградском фронте т. Л. Мансуров.

Формирование тыловых частей. Тыловые части башвойск начали формирование к концу 1918 г., когда Башревком окончательно переехал на свою территорию в Малой Башкирии, в г. Стерлитамак. Там были сформированы:

1) запасный башкирский полк, с расквартированием в деревне Зиргани и Алагвате;

2) запасный кавалерийский дивизион, с расквартированием в селе Левашевке, около Стерлитамака;

3) комендантский батальон—в г. Стерлитамаке;

4) конский запас башвойск—в селе Ермолаевке. Управление конского запаса начало формироваться в июне месяце 1919 года, и в мае 1920 года количество лошадей конзапаса доходило до 1.300.

Позже, в 1920 году, по приказу Уральского Военного Округа, сформировались в г. Стерлитамаке: 1) Управление Башкирских запасных войск; 2) школа младшего комсостава (во главе с К. Незамендиновым), в составе двух пехотных взводов и одного кавалерийского.

---

[5] Архив Красной армии, дело № 46—207, тел. Нашт. Восточн. фронта № 16457 от 14 августа.

СХЕМА №14 РАСПОЛОЖЕНИЕ СТОРОН к 11 ОКТЯБРЯ НА ПЕТРОГРАДСКОМ ФРОНТЕ.

Отправление башчастей на Петроградский фронт. В сентябре 1919 года, по приказу Главкома, все сформированные в Белебее башчасти вместе с людьми из запасных частей были отправлены на Петроградский фронт.[1]

И здесь, уже на фронте, в боевой обстановке, башчасти разворачиваются в стрелковую бригаду и отдельную кавалерийскую дивизию, под названием Башкирской группы войск и под общим командованием тов. Алишева.

Штаб Башгруппы на Петроград. фронте (1919 г.). Нач. группы—т. Алишев (+). Политком—т. А. Терегулов (+ +), Наштаба—т. Я. Кальметов.

Состав Башгруппы. Первоначальный состав группы был: 3-й Башкирский кавалерийский полк (комполка тов. Каплан, политком тов. Абдрашитов), состоявший из двух конных эскадронов, силой 240 сабель, и двух пеших эскадронов; 3-го Башкирского стрелкового однобатальонного полка в составе 575 шт. (комбат т. Авдеев, политком т. Буляков). Части были чисто башкирского состава из кантонов Еланского, Усерганского, Аргаяшского, Тамьян-Катайского и др. Большая часть—фронтовики. Лошади (и седла) — башкирские. Вооружение — трехлинейные винтовки и пулеметы Максима. Командный состав—часть из

[1] Архив Красной армии, дело № 46—407, тел. Нашт. Вост. фронта № 4142 от 3 сентября.

унтер-офицеров старой армии, опытных кавалеристов и пехотинцев, часть—из бывших офицеров той же армии.

К концу октября 1919 года Башгруппа была в следующем составе: Башкавдивизия (начдив т. Ахлов, наштадив т. Кудржицкий)—1-й кав. полк—14 комсостава, 43 сабли, 3 пулемета, 67 лошадей; 2-й кав. полк—16 комсостава, 46 сабель, 57 лошадей (людьми 374); 3-й кав. полк—7 комсостава, 393 сабли (660 людей), 443 лошади; технический эскадрон—47 людей, 2 пулемета, 13 лошадей.

Отдельная Башкирская стрелк. бригада (комбриг т. Ахмеров): 1-й полк—36 комсостава, 1.650 шт., 3 пулемета; 2-й полк—47 комсостава, 2.160 шт., 2 пулемета; 3-й полк—25 комсостава, 950 шт., 7 пулеметов. Артиллерия—2 батареи (по 2 орудия)—323 человека. Всего—128 комсостава, 4.761 шт. и сабель, 12 пулеметов, 4 орудия, 229 лошадей (едоков—5.781). (Архив Красной армии, дело № 214).

Для управления группой сформирован штаб группы (наштаба т. Кальметев). В оперативном отношении Башгруппа подчинялась начдиву 6 стрелковой (VII армия).

Общая обстановка на Петроградском фронте к октябрю 1919 года.
(Схема № 12).

Стратегическая обстановка на Петроградском фронте была следующая. В первой половине октября армия Юденича сделала вторую попытку наступать на Петроград. 28 сентября части противника потеснили нас в Лужском и Псковском направлении и нанесли частичное поражение 19 и 10 дивизии VII армии. Белым удалось сосредоточить в главном для нас Ямбургском направлении превосходные силы. Кордонное расположение ослабленной численно и качественно VII армии, отсутствие резервов и маневренных групп—все это позволило Юденичу прорвать наш фронт и 11 октября занять Ямбург. Главные силы Юденича действовали вдоль железной дороги Ямбург—Гатчино (I корпус); вспомогательный удар наносился в направлении на Лугу. Части VII армии к этому моменту занимали: 6 дивизия—участок от Копорского залива до Ямбурга; 2 дивизия—по р. Луге до озера Сяборского; 19 дивизия—район Луги и южнее; 10 дивизия—в районе Пскова (см. схему № 12).[1]

Угроза прорыва на Детское Село—Тосно, угроза отрезать Красный Питер от всей остальной Республики, заставляет командарма VII (Надежный) отдать приказ (13 октября)—о перегруппировке сил, в результате которого 6-я дивизия усилилась Башгруппой, находившейся до того времени в гарнизоне гор. Петрограда.

17 октября командующий Башгруппой вступил в командование Пулковским участком, заняв линию от Чухонское—Койерово до Рехколо. Командиру Башкавполка приказано—

---

[1] Троцкий. „Как вооружалась революция“, т. II, кн. 1.

выслать два эскадрона в с. Венерязи, один эскадрон—на перекресток дорог в Ново-Сузи, откуда выставить заставу на Рехколо; влево связаться с частями 2-й стрелковой дивизии, вправо—со вторым батальоном 3-го Башполка; из этих пунктов вести деятельную разведку по фронту и в сторону Красного Села. Командиру 3-го батальона 3-го Башполка приказано было—занять позицию на линии д. Чухонское и Венерязи, держа связь влево с правым флангом 3-го кав. полка, вправо—с частями 6-й дивизии. Штаб группы находился—в селе Каменке. 17 октября прошло в поисках разведчиков, потерь не было.

Обстановка вынудила отход VII армии; в частности 6-й дивизии приказано было отойти на линию деревень: Горы Валдай—д. Велигнот—Шепелево—Подгорная-Пулково. В то же время приказом Главкома (Каменев) создается Петроградская(Тосненская) ударная группа, в состав которой, кроме двух пехотных бригад, вошел Башкирский кав. полк (группа Харламова). Эта группа, составленная из свежих сил, должна была решить сражение под Петроградом. [1]

Заведующий Политотделом Башгруппы на Петроградском фронте 1919 г. т. Х. Сагдеев.

18 октября противник делает вторичную попытку прорваться к Петрограду и прорывает фронт 6-й дивизии на направлении Финляндская колония—Стрельна. Для восстановления положения на левом фланге дивизии (Красносельский участок) была брошена Башгруппа.

Последней было приказано выдвинуться вперед и занять боевой участок по линии от шоссе Койерово—Венерязи до дер. Ново-Александровской.

Разведка высланная от 3-го Кавалерийского полка, обнаружила у дер Николаевской цепи противника, двигающиеся вперед. Выяснилось, что противник на некоторых участках приступил к окопным работам и производит перегруппировку своих войск, для нанесения удара на участке 2-й дивизии, расположенной левее Башгруппы. Чтобы, предупредив противника, вырвать у него инициативу действий,—было приказано нанести удар, воспользовавшись растянутым фронтом противника, в направлении Велогонт—Ропша—кол. Кипень, с целью выйти на фронт Ропша—Высоцкое—Таицы, обеспечив узел путей у кол. Кипень. [2] Для этого, расположенным вправо от

---

[1] Материалы Полев. штаба Р. В. С. Р., Москва, 1921 г.
[2] 10-верстная карта, лист 26 (Петроградский район).

Башгруппы частям 2-й бригады (частям Красносельского участка) было приказано перейти в решительное наступление и Башгруппе, имея целью выход на линию Аропокази—Б. Таицы (вкл.); в частности 3-му кав. полку—немедленно выслать сильную разведку в направлении ст. Николаевское—Б. Карлино—Туйполо, вплоть до соприкосновения с противником; один взвод конницы был передан в распоряжение командира 3 батальона 3 стрелкового полка, для разведки на ст. Николаевку. Штаб группы переведен в село Подгорное-Пулково. Находившаяся в распоряжении командующего Башгруппой 1-я батарея легкого артдивизиона (т. Минин), была передана комполка 3 кав.

Ввиду отхода право-фланговых частей участка, в частности 1-го Петроградского пехотного полка, выполнить наступательную задачу не удалось, и 18 октября части оставались на занимаемых ими позициях. В тот же день, к вечеру, на усиление Башгруппы прибывает отдельный башкирский артиллерийский дивизион в составе трех батарей (3-орудийного состава каждая).

19 октября в 14 часов было получено донесение, что части противника замечены в районе Стрельна, к югу от Волхонского шоссе. Частям дивизии приказано наступать, имея задачей,—занять и укрепиться на линии д. Разбегай-Модикайзи и Савелый—Таликолло—Пески и Б. Карлино (включительно), войдя в связь справа с отрядом морских курсантов, влево с 6-м стрелк. полком. Башгруппе—занять и укрепить линию деревень Никулина (исключительно) и Б. Карлино (включительно). Ввиду создавшегося тяжелого положения на правом (Красносельском) участке, части Башгруппы имели возможность продвинуться вперед лишь на несколько верст, и 3-й стр. Башполк занял деревни Чухонское—Койерово—Венерязи; 3-й кавал. полк—дер. Кюльма. С отходом же частей правого участка, 2-й батальон 3-го полка должен был отойти к дер. Камень, где ему приказано было укрепиться и восстановить связь с отошедшими право-фланговыми частями. Разведчики 3-го Башкавполка сталкивались с разведкой противника и за день потеряли 9 человек ранеными и 1 контуженным; было установлено, что противник занимает высоты Шушары; 3-му кав. полку было приказано закрепиться на линии деревень Венерязи—Новая Сузи. [1]

Бой у Пикко, Хамиляйне (Сх. № 13).

20 октября Башбригадой был получен приказ начдива 6, о переходе в энергичное наступление, имея конечной целью—занять линию Ропша—Красное Село—Шустово. Наступление с поддержкой артиллерии участка и бронепоездов начать в 6 часов утра.

---

[1] Материалы Полевого штаба РВСР.

В развитие этого приказа 3-й батальон 3-го полка, после ожесточенного боя ворвался в дер. Б. Пикко. Выяснилось, что противник занимает д.д. Хамиляйне—Хумалисты—Кюльма—Витолово, будучи отлично вооружен автоматическими ружьями с большим числом пулеметов. 3-й кавалерийский Баш-

Схема №13 Бой у Пикко, Хамиляйна 20 окт. 19 г.

полк, при поддержке артиллерии, выбивает противника из названных деревень и закрепляется в них. 3-й батальон 3-го Башполка к тому времени занимал деревни Б. Пикко—М. Пикко—Никулино—Павловск и северную окраину Красного Села, но слишком зарвавшись вперед и израсходовав патроны, отошел на высоту 35,2. [1]

[1] 10-верстная карта, лист 26 (Петроградский район).

21 октября Башкавполк в составе Тосненской ударной группы наступал в направлении Гатчино—Волосово. Эта группа наносит удар с востока со стороны Колпино, в охват правого фланга армии Юденича. Части группы прямо из поездов вступают в бой и наносят белым сокрушительный удар, который не позволил противнику захватить Пулковские высоты (ключ к Петрограду); во время боя взяты трофеи и пленные.[1]

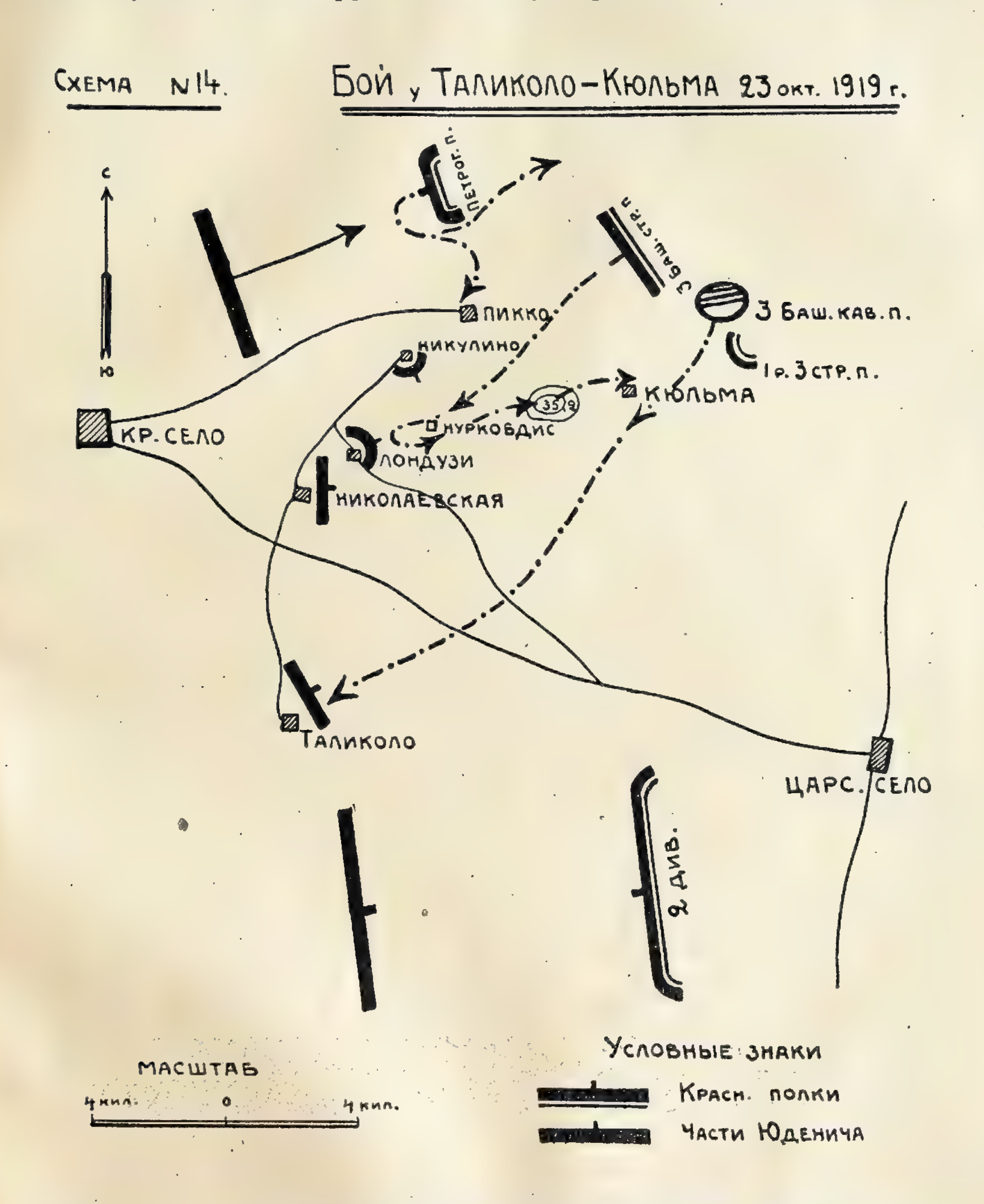
22 октября приказом по VII армии (№ 74) Башгруппа передана в подчинение 2-й дивизии (группа Одинцева), которой ставится задача—сбить противника с позиции на линии Б. Пикко—Детское Село, развивая наступление на мызу Таицы. Приказом начдива 2 (10.233) — Башгруппе было приказано начав наступление в 7 час. утра занять фронт от отметки 35,2 (искл.) до Б. Карлино (искл.). Заняв указанную линию, Башчасти оказали содействие продвижению 2-й дивизии на линию Б. Карлино — София, при чем 3-м Башкавполком, после упорного боя, была захвачена деревня Хамиляйне, но вследствие больших потерь комсостава и красноармейцев, удержать деревню не удалось; под сильным ружейным, пулеметным и артогнем противника коннице пришлось отступить к деревне Венерязи. Из кавполка ранены: комэска—Горячев, комвзвода—Лопутов и Камирин и кроме того потеряно ранеными, убитыми и контуженными 70 красноармейцев. Во время этого наступления соседние части отстали, благодаря чему частям Башгруппы приходилось нередко попадать под фланговый перекрестный огонь противника и менять направление своего наступления, что тормозило последнее.

Бой у д д. Таликолло и Кюльмы (сх. № 14).

23 октября было занято Детское Село и Павловск, чем 2-я дивизия достигла крупного успеха. Приказом начдива 2 (№ 0108) Башбригаде указывалось наступать на фронт Николаевская—Таликолло (оба включительно). Во исполнение этого приказа были поставлены частные задачи: 3-му батальону 3-го Башполка, энергично наступая,—выбить врага из деревни Николаевской; 3-му кавалерийскому полку—выбить противника из деревни Таликолло; артиллерии (8 легких орудий)—поддерживать их огнем. 3-м Башкавполком при помощи одной роты 3-го стр. Баш. полка, после ожесточенного боя, были заняты деревни Кюльма, Мендузи, Таликолло, а 3-м Баш. стр. полком — дер. Нуркобори, откуда оба продолжали наступление на дер. Лондузи, но у последней, встреченные ураганным перекрестным огнем противника, не выдержав, отступили обратно к дер. Нуркобори, откуда обстреленные из Никулино и Лондузи пулеметным и артогнем—отошли на высоту 35,2. На правом фланге, 1-й и 2-й Петроградские полки также отступили и заняли прежнее исходное положение

[1] Дневник боевых действий начальника Башгруппы.

(дер. Б. Пикко). Ураганный огонь противника не позволил дальнейшего продвижения вперед, почему 3-й Баш. стрелковый полк занял дер. Пикко и высоту 35,2; 2-й Башкавполк, передав дер. Таликолло вновь прибывшему в распоряжение командующего Башгруппой 162-му стр. полку, отошел в де-

ревню Кюльма для приведения себя в порядок. Во время боя 23 октября Башгруппа потеряла около 100 человек ранеными и контуженными.

[1] Дневник боевых действий нач. Башгруппы.

24 октября Башгруппе было придано два батальона 162 стр. полка, отряд партизанов в 90 человек и 8 орудий, 2-я дивизия приступила к овладению Красным Селом; но наступление встретило упорное сопротивление противника, подкрепленного резервами, броневиками и артиллерией. Части останавливаются... На участке Башбригады противник переходит в наступление, и башкиры отходят. Введение в бой Коммунистического батальона восстановило положение и позиции по линии д. д. Б. и М. Карлино—Таликолло—остаются за нами.

Наступления 25 октября не дали положительных результатов. Части 2-й дивизии были потеснены назад. У высоты 35,2 после сильного артиллерийского огня, белые атакой опрокинули башкир, последние обнажили фланг 6-й дивизии, и д. д. Б. и М. Рикко были оставлены.

26 октября батальон 3-го Башполка ведет наступление и занимает д. д. Пойколази—Цейгголо. Остальные части группы были отведены и составляли резерв правого боевого участка в д. Кюльма.

28 октября Башбригаде была дана задача одним батальоном 3-го полка, 3-м кавалерийским полком при 3 орудиях, коммунистическим отрядом и отрядом партизан—наступать на фронте мыза Б. Таицы—Елизаветино—дер. Ивановка, имея конечной целью—закрепиться на позиции д. д. Показенпурское — Ново-Пудость—Б. Пудость—Милекьяля. [1] Для выполнения этого командир Башгруппы приказал: 3-му Башкирскому стрелковому полку—выбить противника из деревни Ново-Пудость—Б. Пудость—Милекьяля, после занятия каковых закрепиться; командиру Коммунистического отряда, совместно с отрядом партизан—выбить противника из дер. Показенпурское, закрепив ее за собой; одному батальону 3-го Башполка с 2 орудиями—находиться в групповом резерве, в деревне Кавелахты. Выполняя задачу, 3 батальон занимает деревни Ивановка, Голодуха, Тифинка, М. Таицы, Б. Таицы, закрепив эти пункты за собой. Противник задерживается в дер. Петрово — Ювайзи — Показенпурское — Н.-Пудость—Милекьяля.

29 октября, приказом по правому боевому участку (№ 9) Башгруппе приказано, начав в 8 часов, перейти в решительное наступление и занять деревни Показенпурское, Ново-Пудость, Милекьюля, в общем направлении на дер. М. Колпино. [2] Для выполнения этой задачи были назначены части 3-го Башкирского стрелкового полка, с одним эскадроном Башкавполка и отдельным эскадроном Петроградского Губвоенкомата, при 3 орудиях. Остальные части 3-го Башкавалерий-

---

[1] 10-вер. карта, лист 26 (Петроградский район).

[2] 10-вер. карта, лист 26 (Петроградский район).

ского полка составляли групповой резерв. Башкирские части совместно с другими частями группы начали продвигаться, но противник контр-атакой отбросил 6-й стрелковый полк, действовавший правее Башгруппы; полк отошел от дер. Иляпурске, однако части Башбригады, несмотря на обнаженность своего фланга, удержали занятую позицию.

30 октября было приказано овладеть дер. Показенпурское, где и укрепиться. 2-й батальон 3-го Башполка с одним эскадроном 3-го Башкирского кавалерийского полка повели наступление на дер. Показенпурское и с боем заняли дер. Иляпурское, откуда 6-й полк накануне отошел. Ввиду больших потерь было приказано башчастям передать захваченную деревню Коммунистическому отряду, после чего оне отошли на старые позиции.

Бой у дер. Новопурское. (Сх. № 15). 31 октября башчастям было приказано сосредоточиться к 8 часам утра на хуторах, что юго-западнее деревни Новопурское, имея прочную связь с правым боевым участком. Противник продолжал сопротивляться нашему наступлению, особенно на участке 6-й дивизии, где он переходил в контр-атаку в направлении колонии Кипень—Ропша.[1] Для сосредоточения командующий Башгруппой приказывает: один батальон 3-го Башполка—оставить в дер. Иля, в распоряжении командира 160-го стрелкового полка, а другой батальон—оттянуть в резерв, на хутор юго-западнее дер. Новопурское; частям 3-го кавалерийского полка и 162-му стрелковому полку—сосредоточиться там же, установив тесную связь с командующим группой. Заняв хутора, резервные части расположились на улицах, так как строений никаких не было. Противник значительными силами, под прикрытием артиллерийского огня, ворвался в прорыв со стороны Сквориц, между дер. Иляпурское и Новопурское, где должна была быть передовая часть 6-го стрелкового полка; но последней там не оказалось, и противник, воспользовавшись этим случаем, внезапно нанес удар с тыла 3-му Башкирскому батальону у дер. Иляпурское, и резерву 162-го стрелкового полка, находившемуся в хуторах юго-западнее деревни Новопурское. Эти части были окончательно разбиты; комиссар 3-го батальона 3-го Башполка был убит, командир 162-го полка—ранен.[2]

1 ноября башчасти были оттянуты в резерв — в Малую Ивановку, причем 3-й Башкавполк был придан 160-му стрелковому полку, действовавшему совместно с 162-м стрелковым полком.

---

[1] 10-вер. карта лист 26 (Петроградский район).

[2] Материалы Полевого штаба РВСР.

Схема N 15
Бой у Новопурскаго 31 окт. 1919 г.
С
Ю
Кр. Село
Кипень
Ковелахты
Новопурскаго
хут.
162 п.
1 б-н. 3 баш. п.
Башгруппа
Аляпурскаго
1 б-н 3 баш. п.
Условные знаки
Части Башбригады
" " Юденича
Масштаб
3 кил.
0
3 кил.
Гатчино

2 ноября резервные части группы были передвинуты в деревню Новопурское.

3 ноября штаб группы и 3-й Башполк перешли в Красное Село, в распоряжение начальника Красносельского участка, где в подчинение командующего группой вошла одна рота сводного Башкирского стрелкового полка и батальон 3-го Башстрелполка.

4 ноября прибыл в группу 3-й Башкавполк, выйдя из подчинения командира 160-го стрелкового полка.

5, 6, 7 ноября Башчасти находились в резерве, будучи подчинены командиру 8-го Сводного Курсантского полка. 3 Башкавполк, по распоряжению командарма, был отправлен в распоряжение группы Одинцева.

8 ноября 3-й Башкавполк в группе Одинцева был использован для эксплоатации успеха при развитии прорыва в районе Бегуницы — Гамнотов, захватил пленных и несколько пулеметов. [1]

9 ноября командарм VII телеграммой приказал штабу Башгруппы с ротой Сводного стрелкового Башполка и 3-м стрелковым Башполком—отправиться на ст. Левашево в распоряжение начальника Карельского участка. Отсюда рота Сводного Башполка и штабы группы были оттянуты в гор. Петроград для формирования.

10 ноября, во исполнение приказа группе Одинцева—наступать на Ямбург, 3-й Башкавполк совместно с 21-м Кавполком получает задание—преследовать противника по шоссе на Нарву, выделив при переходе через реку Лугу эскадрон для занятия мызы Прилуч.

12 ноября 3-й Башкавполк, двигаясь на деревню Тикопис—Ямбург, отрезывает путь отступления противника, затрудняя его переправу через реку Лугу у Ямбурга.

14 ноября Ямбург взят красными дивизиями. Противник преследуется Башкирской кавалерией, которая занимает берег реки Луги и Порховскую колонию, войдя в связь с 11-й и 19-й дивизиями.

С потерей Ямбурга Юденич покидает территорию Советской России навсегда. Петроград спасен.

В борьбе за Петроград Башкирские полки внесли свою лепту, понеся значительные потери людьми и лошадьми.

Из Петрограда Башгруппа была отведена в Новгородскую губернию (Муравьевские казармы). Здесь она была сведена в один полк, в составе 900 людей, 100 лошадей (1.000 седел), и в мае 1920 года, распоряжением командования, погрузилась для следования на Польский фронт, где была влита в отдельную Башкирскую бригаду (Муртазина).

---

[1] Дневник боевых действий нач. Башгруппы.

ГЛАВА IV.

Действия отдельной Башкирской кавалерийской бригады на Польском фронте.

29 апреля 1920 года, Башбригада выступила на Польский фронт, погрузившись на станции Ново-Сергиевка Ташкентской жел. дор. и 7 мая прибыла на ст. Бобровица (район г. Нежина) в составе: 27-го, 28-го полков и пешего дивизиона общей численностью 800 пехоты, 200 сабель и 600 коней при 15 пулеметах, войдя в резерв XII армии.

Комиссар Штаба Отдел. Башк. кав. бригады т. С. Исмагилов.

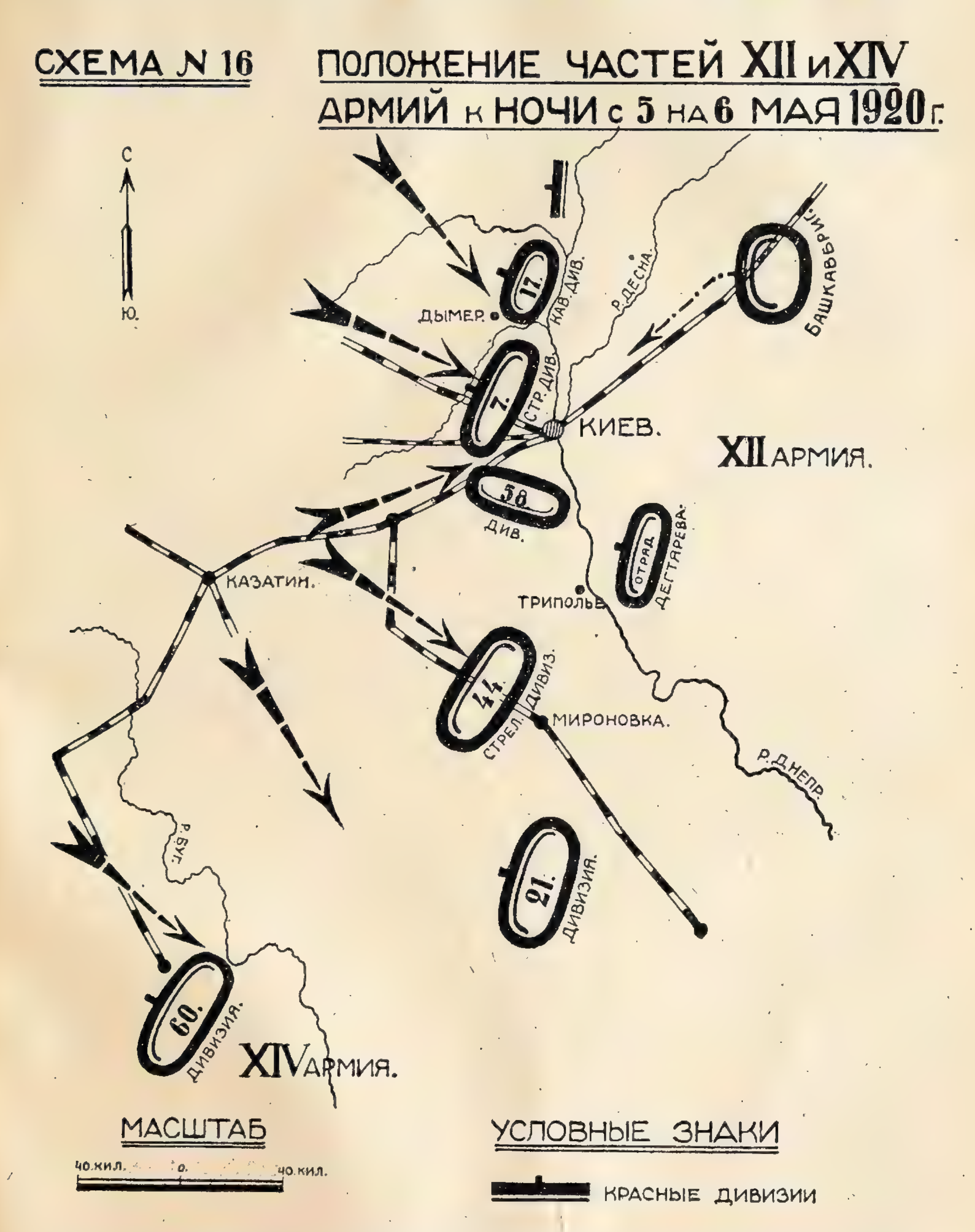
Обстановка на фронте XII армии к этому времени была следующая (см. схему № 16).

Общая обстановка на Польском фронте к маю 1920 г.

В ночь с 5 на 6 мая поляки перешли в наступление на части XII армии, оборонявшей подступы к Киеву. Первый удар был направлен на участок 7-й стрелковой дивизии и 17-й кавалерийской дивизии. Слабые части 17-й кавалерийской дивизии не выдержали натиска и стали отходить к переправам через Днепр. После приказа об оставлении Киева и отхода XII армии на левый берег Днепра, 7-я дивизия и остатки 17-й кавалерийской дивизии заняли участок по левому берегу Днепра от ст. Пуховка до жел. дор. моста; [1] 58 дивизия должна была распространиться к югу по реке до ст. Вишенка; группа Дегтярева удерживала Триполье. В директиве Главкома командюгозапу, от 8 мая 1920 года (№ 2637/391 с) указывалось, что „с отходом XII армии на левый берег реки Днепра обстановка резко изменилась в худшую для нас сторону. Противник имел полную возможность собранные под Киевом силы пустить вдоль Днепра навстречу нашей конной

[1] 10-верстная карта, лист 31 (Киевский район).

армии, которой будет не под силу справиться по одной только численности. Поэтому ближайшей задачей является: 1) привести в кратчайший срок в порядок части XII армии и теперь

же приступить к активным действиям по обратному овладению Киевом, дабы приковать к району Киева возможно большие силы противника; 2) XII армия должна свой правый

фланг перебросить через Десну и выйти на Днепр; экспедиционный отряд должен быть усилен, после чего этот отряд должен приступить к активной работе на правом берегу Днепра, нависая с севера на путях к Киеву; такие же попытки к действиям на правом берегу должны производиться на участке Днепра от устья реки Тетерева до Киева". Далее в той же директиве указывается, что „для развития активности на правом берегу Днепра к северу от Киева может быть использована кавбригада Муртазина, появление которой, как новой части к северу от Киева, невольно обратит на себя внимание противника и прикует больше сил последнего". [1]

Согласно этой директивы, для Башкавбригады напрашивалась такая задача: усилив ее остатками 17 кавдивизии, направить к северу от Киева для действий в районе реки Тетерева, куда она смогла бы оттянуть возможно больше сил с правого фланга поляков, облегчив тем самым действие на этом фланге ожидавшейся конницы Буденного, но комдив 7-й (Голиков) решает задачу иначе. Мотивируя тем, что в первую очередь необходимо сдержать наступление противника со стороны м. Бровары, он в день высадки Башкавбригады дает задание: „Сделать налет на м. Бровары".

Бой у м. Бровары. (Схема № 17).

Пройдя через фронт своей 7-й дивизии, бригада выступила из дер. Гоголево и к рассвету сосредоточилась в лесу, что в 3 верстах северо-западнее Бровары, заняв здесь исходное положение для атаки, назначенной в 6 часов утра 8 мая.

Выехавшему в 6 час. 30 мин. на юго-восточную окраину леса комбригу обстановка рисовалась так:

1) Противник сосредоточил в Броварах значительные силы пехоты, с сильной артиллерией и броневиками, выставив на $^1/_2$ *км* вокруг сторожевое охранение. Ни его тяжелые батареи, которые заняли позиции на северо-западной окраине деревни, ни его броневые автомобили, выброшенные на шоссе севернее деревни, подошедших частей Башкавбригады не заметили.

2) Люди Башкавбригады, несмотря на ночной марш, чувствовали себя отлично и горели желанием схватиться с новым противником.

3) Местность, окружавшая м. Бровары, радиусом 1—$^1/_2$ *км*, представляла собой открытое поле, на котором бродили стада коров, овец и лошадей, за укрытием которых полки Башкавбригады могли подойти к противнику незамеченными.

4) Надо было действовать немедленно. Комбриг ждет артиллерийского обстрела Броваров бронепоездом 7-й дивизии, который к 6 часам должен своим огнем обстрелять по-

[1] Архив Красной армии, дело № 1743.

ляков, дав тем самым сигнал Башкавбригаде к налету. Но в 6 часов стрельбы не последовало, и командир Башкавбригады решает действовать самостоятельно. Обеспечив свой левый фланг 1 эскадроном 28-го полка с пулеметами, расположенными на юго-восточной опушке леса, что в 2 *км* сев.-зап. Броваров (см. схему), остальными 3-мя эскадронами под командой Н. Муртазина он приказывает атаковать м. Бровары с фронта. Пешему дивизиону—захватить артиллерию

Схема N 17 Действия Баш. кавбриг. 8 мая 20 г. у м. Бровары.

противника и базу бронедивизиона поляков. 27-му кавалерийскому полку 4 эскадронами—атаковать противника в тыл, в общем направлении вдоль шоссе, с выходом в центр местечка, подведя противника под удар 7-й стрелковой дивизии.

В 6 час. 30 мин. бригада атакует.

27-й полк в конном строю, маскируясь пасущимся скотом, повел атаку на Бровары с запада; 28-й полк (2 эскадронами) в конном строю начал атаковать с севера, из леса; пеший дивизион повел наступление на тяжелую батарею противника; один дивизион обеспечивал путь отступления,

Атака шла одновременно. В 8 часов часть Броваров была уже занята бригадой и захвачена тяжелая батарея (прислуга порублена). В этот момент наш бронепоезд, который был должен содействовать налету Башбригады, но опоздал к началу операции, стал обстреливать Бровары; под его огонь попадают и наши части; эскадрон, который остался в лесу (в резерве), плохо ориентировавшись во время захвата окраины местечка, начал огонь по своим (убит командир эскадрона тов. Макаров и заведывающий политотделом тов. Пузяков). В результате части бригады отошли в лес, бросив захваченную батарею (испортив орудия) и потеряв 50 человек (среди них комполка и помкомполка 27-го и 28-го тов. К. Айляров и тов. Абдрахимов). [1] Через несколько дней в „Киевской Мысли“ появилась заметка о том, что на Бровары сделала налет азиатская часть и порубила 60 офицеров.

Ком-р 4 эск-на 27 Баш. кав. полка т. Абдулгафаров.

9 мая бригада повторила налет на ст. Бровары, но противника там не оказалось.

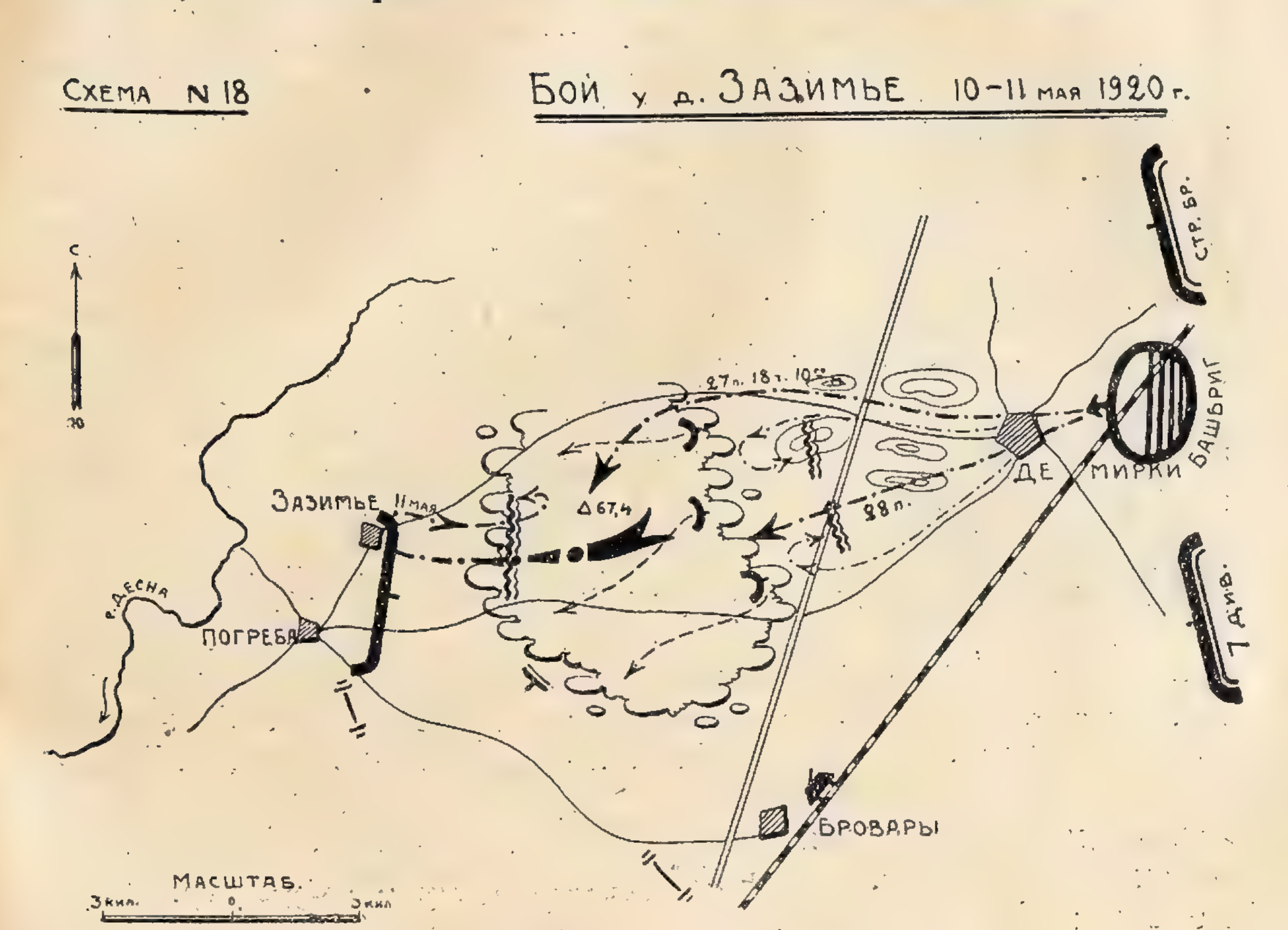
Бой у д. Зазимье. (Схема № 18).

10 мая Башбригада была подчинена командиру пехотной бригады, с задачей наступать в район Зазимье — Погребы, занятые поляками. Разведкой (в 5 часов утра) было выяснено, что противник передовыми частями занимает восточную опушку леса в 5—6 *км* от Демирки (при разведке был убит командир 4-го эскадрона 28-го полка тов. Суфьянов). Ввиду туманного утра разведчики напоролись на пулеметный огонь противника, дальше продвинуться не могли, спешились и завязали бой. От комбрига стрелковой (7-й дивизии), коей была оперативно подчинена Башкавбригада, никаких указаний не было получено. Движение захлебнулось. Комбриг отдает распоряжение 28-му кавполку и пешему дивизиону, развернувшись (спешившись), начать атаку противника, но полк, встретив упорное сопротивление, залег в $^1/_2$ *км* от противника (к востоку). Туман рассеялся, залегшие цепи были обнаружены полностью, и противник открыл артогонь со стороны Зазимье и Бровары. Маскировка коноводов облегчалась пересеченной местностью в 1 *км* западнее Демирки. Комбриг Башкирской доносит комбригу стрелковой о том, что обстановка не допускает кавалерийского боя, и поэтому требуется отвод бригады назад и замена ее пехотным полком. Ответа не было по-

[1] Дневник боевых действий Башбригады.

лучено. Тяжелое положение продолжалось до 17 часов дня. Комбриг тогда спешивает всю бригаду и переходит в атаку. В 18 часов правый 27-й полк занимает высоту 67,4; 28-й полк и пеший дивизион атакуют с фронта. Противник отходит в Зазимье, части Башбригады занимают западную опушку леса (в 2 *км* от Зазимье-Рожевка).

11 мая бригада с боем овладела д. Зазимьем, но под натиском противника вынуждена была отойти несколько на восток, на полверсты от д. Зазимье, где и закрепилась. [1]

16 мая Башбригада была двинута в облаву на бандитов (шайка Ромашко) в район Озеряны; банда была разгромлена, захвачен 1 пулемет и 150 человек вооруженных; много порублено. Здесь полки бригады пополнились лошадьми, захваченными у бандитов.

В этот день к бригаде присоединился 1-й Башкирский кавполк, прибывший с Петроградского фронта.

18—19 мая Башбригада (3-го полка) находилась в армейском резерве (Бобровицы).

Форсирование р. Днепра. (Схема № 19).

Во исполнение директивы командюза об ускорении форсирования Днепра XII армией, командарм последней 24 мая, ставит задачу (приказ № 01768) 7-й дивизии с Башкирской Кавбригадой

---

[1] Дневник боевых действий Башбригады.

переправиться на правый берег Днепра (Башбригада у Тарасевичи), 26 мая захватить Дымер и развивать самое энергичное наступление на участок жел. дор. Ирша—Бородянка, разрушив пути для воспрепятствия противнику отводить свои части в северном от Киева направлении. [1]

25 мая после суточного перехода бригада уже переправилась у г. Остер через Десну. На 26 мая Башбригаде, с 59 пехотным полком, было приказано форсировать Днепр у дер. Тарасевичи, зайти в тыл противника, взорвать железнодорожный мост через реку Тетерев и тем отрезать путь отступления противнику, занимавшему Киев и плацдарм около Броваров.

Ком-р эск-на 28 Баш. кав. полка, т. К. Ишмухаметов.

26 мая Башбригада форсировала Днепр при следующих обстоятельствах (схема № 19).

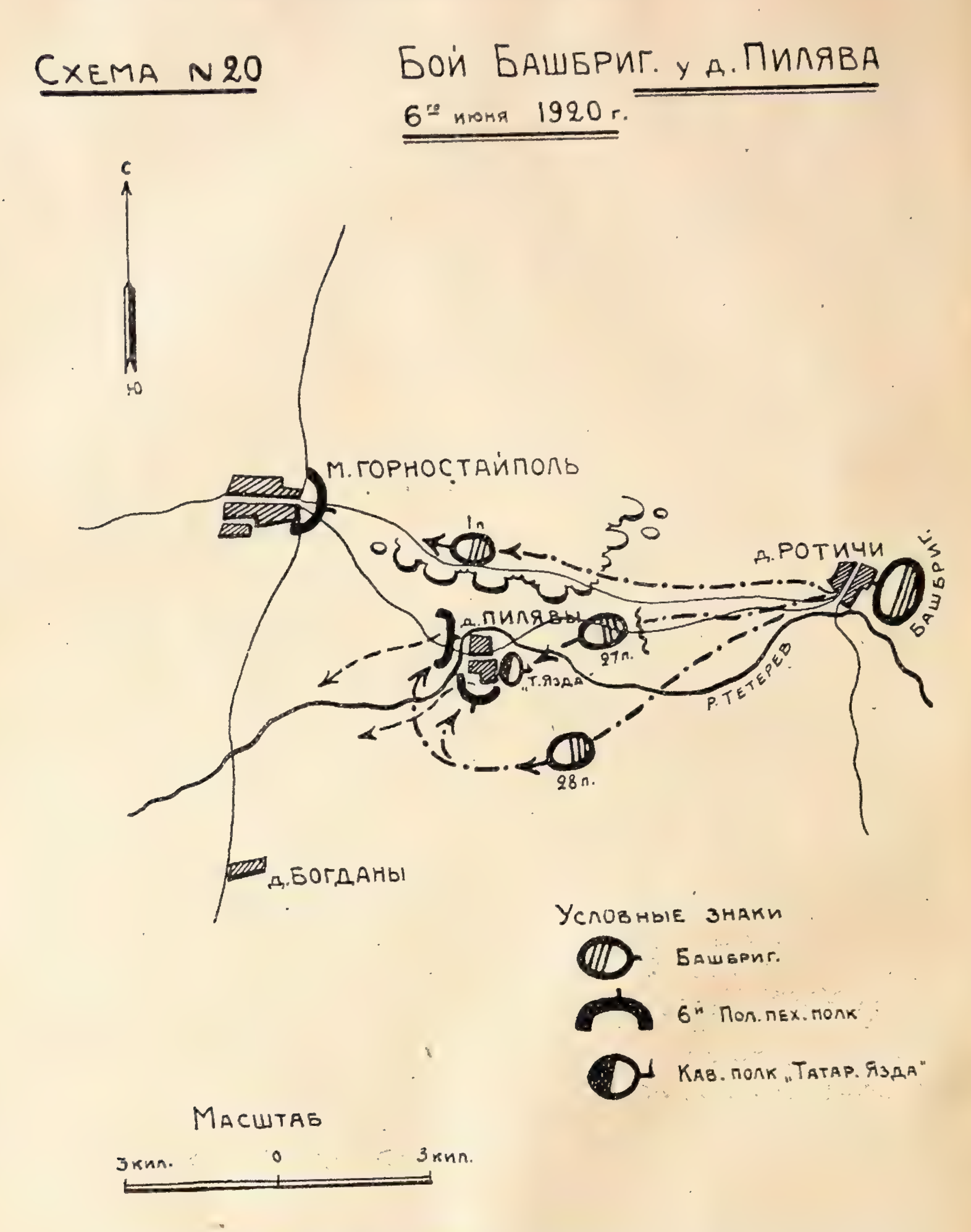
В районе Тарасевичи ни наших, ни польских войск—не было. Не имея никаких технических средств для переправы, командование бригады было в большом затруднении, но в конце концов нашло 200 лодок, на которых и решено было переправиться ночью. Река в этом месте образовала два рукава, имеющих посреди них остров. Для содействия коннице в распоряжение комбрига Башкирской был придан 59-й пехотный полк. Ночью 27 кавполк и дивизион 1 кавполка на лодках начали переправляться через Днепр (выше дер. Тарасевичи), а эскадрон 28 кав. полка и 1 батальон 59 полка—ниже этой деревни; один батальон был оставлен на левом берегу, чтобы отвлечь внимание противника от переправляющихся частей. Остальные эскадроны готовились к переправе. К рассвету части подплыли к противоположному берегу. Здесь находился польский эскадрон, который заметил переправу, когда лодки уже приблизились к нему и открыл по ним беспорядочную стрельбу. Благодаря этому, правый берег был захвачен без потерь, и к вечеру переправились все 3 полка; лошадей пускали вплавь. Поляки отошли. Но дальше оказались новые, не нанесенные на карту рукава, почему продвигаться вперед не было возможности. При этом расположение противника оказалось командующим, и поляки, стянув сюда силы, начали из 4 орудий обстреливать переправившиеся части с расстояния около $1^1/_2$—2 верст. Оставаться в таком положении было нельзя, так как противник мог уничтожить всю бригаду. Ком-

[1] Архив Красной армии, дело № 2487.

СХЕМА ФОРСИРОВАНИЕ р. ДНЕПРА БАШБРИГАДОЙ с 26 МАЯ по 4 ИЮНЯ 1920 ГОДА.
С.
Ю.
МОЗЫРСКАЯ ГРУППА.
373 СТР. БРИГАДА «25 див»
Д. ОКУНИКОВО
Д. РОТИЧИ
БАШБРИГАДА 4 ИЮНЯ
Р. ТЕТЕРЕВ.
Р. ЖИД
Д. СУХОЛУЧЬЕ
27 п.
59 полк
БАШБРИГАДА 1. ИЮНЯ.
Д. НОВОСЕЛКИ
59 полк
Р. ДНЕПР
НА ОСТЕР
27 полк
БАШБРИГАДА 26 МАЯ.
28 полк
ТАРАСЕВИЧИ.
МАСШТАБ
3 кил. 0 3 кил.
УСЛОВНЫЕ ЗНАКИ
КРАСНЫЕ
ПОЛЯКИ

10*

бриг по этой причине переправил полки обратно на левый берег, что было произведено без потерь.

27 мая наштарм XII указал начдиву 7, что „боевая обстановка настоятельно требует выхода Башкирской бригады на ст. Бородянка не позже 1 июня. РВС армии категорически приказал принять все меры к сосредоточению всех средств переправы к исходным пунктам".

На 1 июня Башбригаде было приказано сосредоточиться в районе Сухолучье для форсирования Днепра. На рассвете 1 июня сделав необходимые приготовления под прикрытием огня 2 орудий, Башбригада на лодках начала переправу. Противник вел интенсивный ружейный и пулеметный огонь. Рядом переправлялся 59 пехотный полк. Первым переправился 1-й эскадрон 27-го кавполка (комэска т. Рыскулов), который, высадившись на берег, сбил противника, захватив 1 пулемет Максима; продвинувшись вперед, эскадрон зацепился на небольшом плацдарме в полуверсте и завязал бой с противником, укрывшимся за рекой Жид. К 9 часам утра переправился 2-й эскадрон того же полка; к 11 час.— два эскадрона 27-го полка.

Комполка 28, т. Ибр. Муртазин (убит).

Благодаря переходу противника в контр-атаку, при поддержке сильной артиллерии, переправившиеся эскадроны вынуждены были отступить. 1 эскадрон 27 полка прикрывал отступление. Обратная переправа на левый берег происходила в тяжелых условиях. Противник устроил артиллерийскую завесу, и обстреливал переправляющихся ружейным и пулеметным огнем с расстояния 200—400 шагов. Потери—24 ч. убитыми (был тяжело ранен командир пулеметного эскадрона 27 полка т. З. Давлетшин).

Обстановка на фронте группы Якира и Конной армии потребовала от XII армии ускорения переброски частей через Днепр, почему командарм XII настоятельно указал начдиву 7-й о необходимости срочной переправы его конницы на правый берег Днепра с направлением ее в Бородянку.

2 июня Башкавбригада направилась в район д.д. Ошитки—Окунниково, и 4 июня, утром, башкирские полки были уже на правом берегу, сбив противника на всем участке переправы. С Башбригадой переправилась и 73 пехотная бригада. Башкирская конница неотступно преследовала отходившего противника, не давая ему прорваться в Радомысльском направлении. Среди пленных и трофеев, захваченных Башбригадой при этом преследовании, имелись командир кавалерийского полка и полковой оркестр. [1]

Бой у дер. Пилявы, 6 июня. (Схема № 20).

4 июня Башбригада занимала д. Ротичи (27, 28 и 2 кав. полки). Люди и лошади бригады, после долгих переходов и боев, были измотаны. Поэтому, выслав разведку в направлениях: Горно-

[1] Архив Красной армии, дело № 57—970.

стайполь, Губин и Пилява, комбриг дает полкам отдых до вечера (с 10 часов утра). По донесениям разведчиков, противника, кроме Пилявы, не обнаружено. Пилява в 14 часов была занята пехотным полком и эскадроном „Татарская язда“ (татар. кавал. полк из польских мусульман) при 4 орудиях. Решение комбрига Башкирской: утром в 3 часа атаковать противника у дер. Пилявы. Задачи полкам: 1-у полку (т. Шарипов)—занять Горностайполь, обеспечив себя с северо-запада; 28 полку, переправившись через реку Тетерев и обходя противника с юга, атаковать его; 27 полку — атаковать с фронта. Задачи полки выполнили.

Бой у мест. Горностайполь. (Схема № 21).

В этом бою у дер. Пилявы были разбиты 6-й польский пехотный полк и часть „Татарская язда“; захвачено 400 пленных, 18 пулеметов разных систем, 2 орудия (с 200 снарядами) и 200 лошадей 6 июня противник, внезапно, из деревни Богданы атаковал охраняющие части 27 полка и занял Горностайполь, отрезав дорогу на Ротичи. Бригада в это время занимала деревню Зарино. В деревне Ориново был оставлен один эскадрон как застава, а вся бригада повела в конном строю атаку на Горностайполь: 1 полк по шоссе с запада, 28—с северо-востока, 27 полк—с севера. [1] Противник вынужден был отступать к деревне Богданы, где 3 эскадрон 1 полка начал рубить поляков. Но польская пехота, оправившись и прикрывшись болотом, отбивает атаки.

Бой у дер. Богданы 7 июня. (Схема № 22).

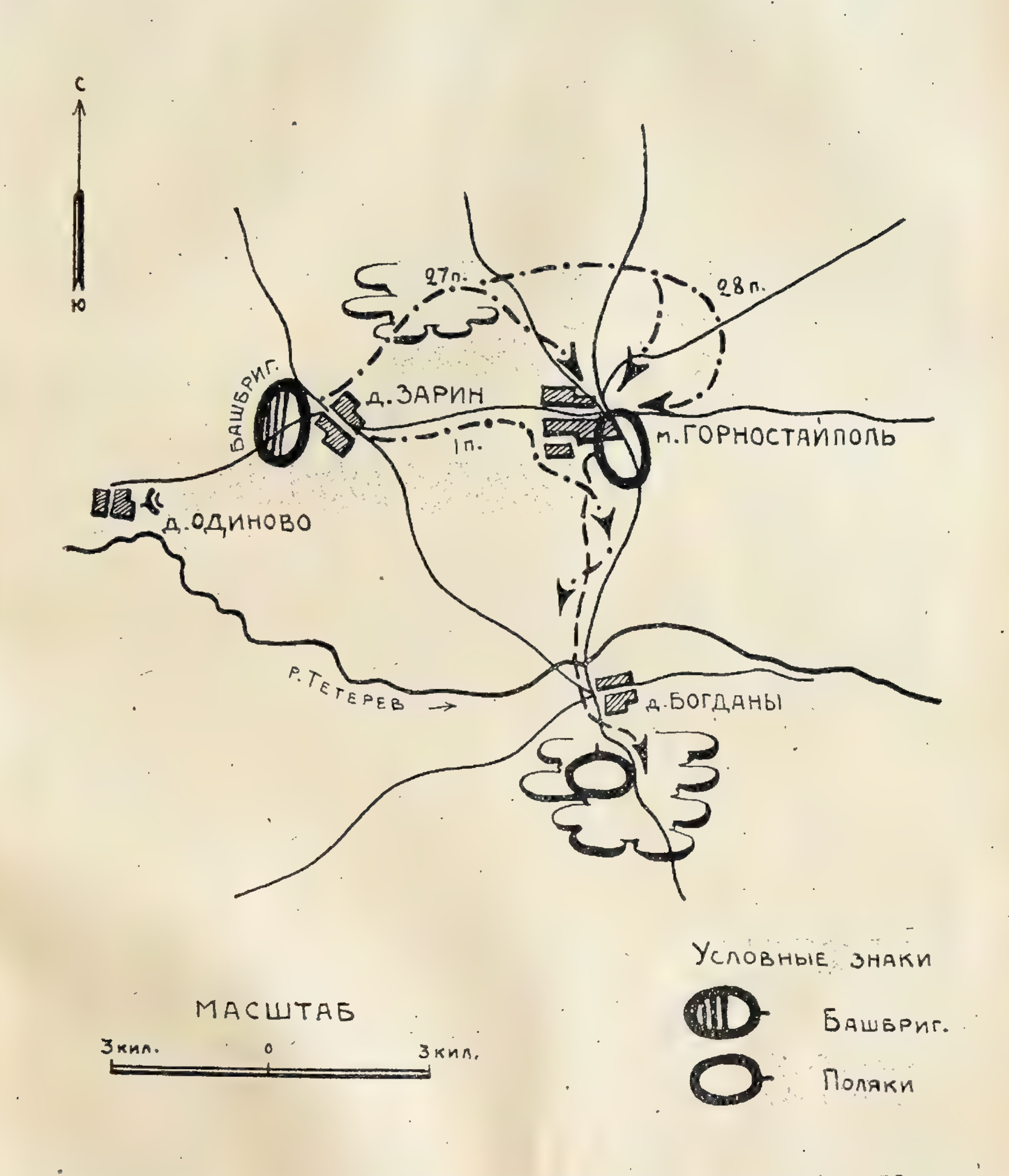
Комбриг Башкирской, считая, что выполнение поставленной ему задачи—уничтожить железно-дорожный мост через реку Тетерев—затруднялось присутствием значительных сил противника с левого фланга, в дер. Богданы,—решает атаковать последнего, ставя следующие задачи полкам: 1 полку (стоял у дер. Ретни)—атаковать противника с левого фланга; 27 полку—с фронта; 28 полку (и 1 эскадрону 1-го полка)—обойти противника с востока, сбив его с высоты 102,0 и 103,0. Слева наступление Башкавбригады поддерживалось 1-м полком 73 пехотной бригады. 1-й полк, ввиду болотной местности, спешился и повел атаку в пешем строю. Остальные полки вели атаку также пешими. После упорного и длительного боя противник был сбит и отступил в направлении дер. Злодеевки. В бою особенно отличился 27 полк и 3 эскадрон 1 кав. полка. Убиты: ком. 3 эскадрона 1 кав. полка—т. Кудрявцев, военком бригады т. Гутман, легко ранен комбриг Башкирской т. Муртазин, потери красноармейцев (ранеными и убитыми) 40 человек, лошадей — 35.

---

[1] Дневник боевых действий Башбригады.

8 июня директивой командюза (№ 423/428 сек.) командарму XII ставилась задача: „дабы не дать противнику возможности эвакуировать Киев — перерезать последнюю для

Схема № 21 Бой у м. Горностайполя 6-7 июня 20 г.

него магистраль Киев—Коростень в районе Бородянка—Ирша, не позднее 12 июня“.

Эту задачу должна была выполнить Башкавбригада, которая 9 июня развивала наступление от деревни Иванково,

вдоль реки Тетерев, тесня противника к югу, для захвата станции Тетерев.

11 июня поляки оставили Киев. Наштарм указывает, что „разрушение Башбригадой жел. дор. Тетерева играло первенствующее значение“.

Бой у ст. Тетерев.[1] (Схема № 23).

11 июня Башбригада атакует ст. Тетерев, занятую польской частью с 1 бронепоездом. Полки атакуют в пешем строю; 27 полк занимает деревню Зарудье, чтобы не дать возможности полякам продвинуть подкрепления, и один эскадрон 27 полка обеспе-

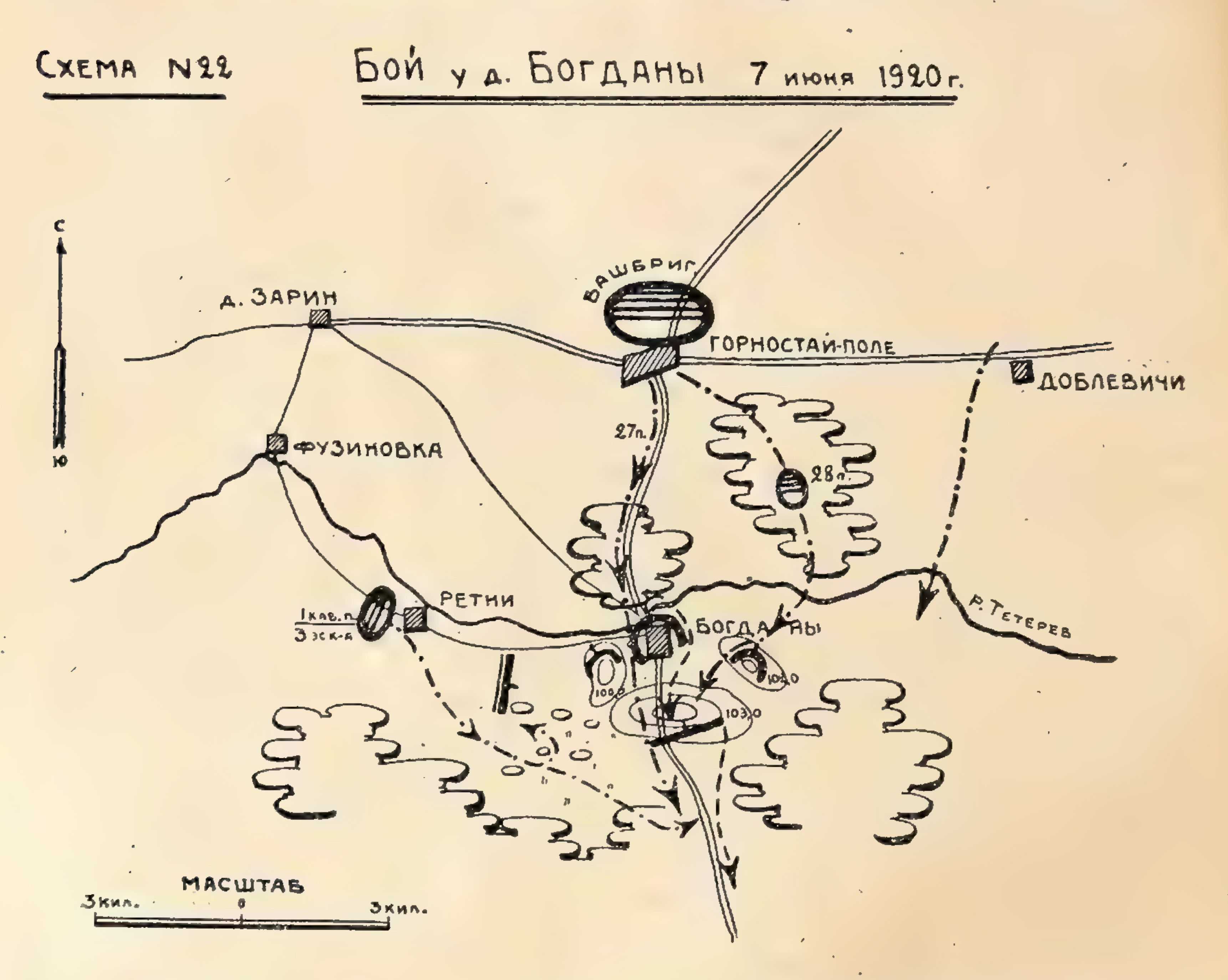

Схема №22 Бой у д. Богданы 7 июня 1920 г.

чивает со стороны Киева (у Псковки); 1-й полк и 28 полк (2 эскадрона) захватывают ст. Тетерев, разрушая жел. дорогу; мост (железный с деревянными устоями) был сожжен.

Бой у дер. Пенязевичи. (Схема № 24).

В тот же день разведка бригады доносит, что в дер. Пенязевичи находится кавалерийская бригада противника (83 и 84 казачьи полки, перешедшие раньше к полякам). Утром 12 июня 27-й полк атакует слева (по левому берегу реки Ирша), 1 полк атакует с фронта, 28 полк—с тыла. Благодаря внезапности, оба полка противника разбиты; захвачено пленных—400 человек (2 комполка), 8 пулеметов, 300 лошадей и обоз. Бригада ночевала в деревне Зарудье.

12 июня части Башбригады двинулись по маршруту Зарудье—Пенязевичи—Бурановка — Юзефовка—Коростень, для занятия Коростенского железно-дорожного узла и м. Коростень. Один полк направлялся по линии железной дороги— для разрушения мостов и полотна. Противник, демонстрируя наступление через реку Ирпень на дер. Демидово, главные силы бросил в Бородянском направлении (туда же все эшелоны и обозы), прикрываясь наступлением сильных боковых арриергардов к северу от железной дороги. [1]

Ком-р 4 эск-на 27 Башк. кав. полка (Польский фронт) т. Казнабаев.

13 июня Башбригада с боем занимает ст. Ирша. Противник отходит к ст. Коростень, преследуемый башкирами. [2]

Бой у дер. Зарудье. (Сх. № 25). 14 июня противник, отступая от г. Киева, всей тяжестью обрушился на дер. Зарудье, занимаемую частями Башбригады. 60-й Краковский пехотный полк противника ворвался с южной стороны, утром, врасплох в деревню, на участке 27 полка и захватил штаб этого полка. Комбриг, выяснив какие силы действуют против бригады,—приказал полкам занять Зарудье, чтобы не дать противнику уничтожить имеющийся там мост. 28 полк атаковал по правому берегу р. Ирша, 1-й полк атаковал с фронта, и после 3-часового боя противник был окружен, только его часть пробилась из кольца; захвачен штаб одного баталиона, 18 пулеметов, зарублено 250 человек; возвращен штаб 27 полка. Следует отметить лихую работу комполка (28, т. И. Муртазина). Бригада ночевала в Зарудье.

---

[1] Архив Красной армии, дело № 57—970.

[2] Там же.

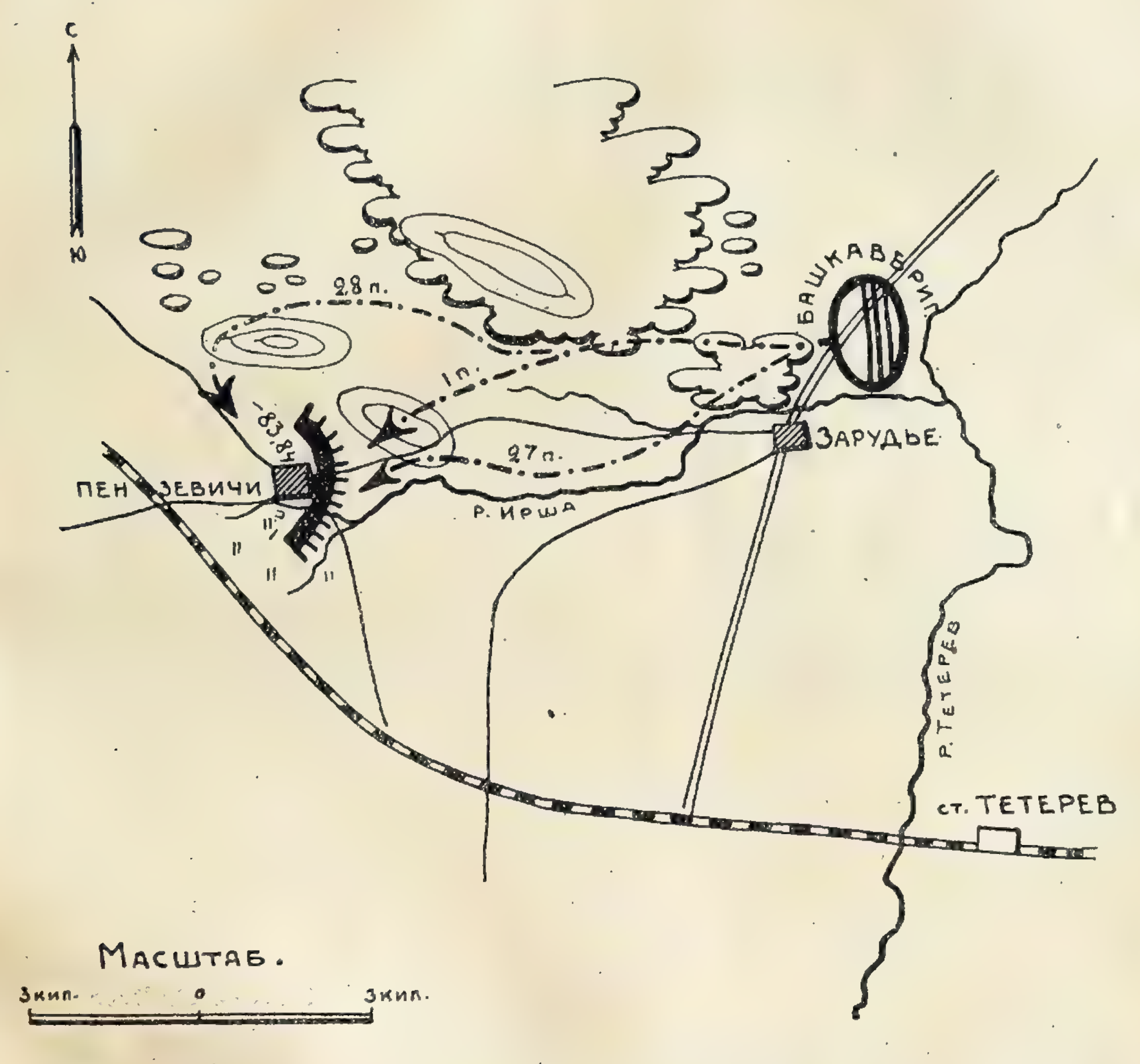
В ночь на 15 июня польские отдельные группы пытались прорваться на Зарудье; бригада всю ночь сдерживала этот натиск, но ввиду отсутствия патронов, отошла на Кухары.

Башбригада утром 15 сосредоточилась в 2 *км* от Зарудье в лесу. Впустив противника в дер. Зарудье, 1-й кав. полк атаковал противника с северо-запада; 28 полк—вдоль р. Тетерева,

27 полк—по дороге Кухары—Зарудье. Противник, утомленный отступлением, был разбит и рассеялся по лесу (схема № 26).

18 июня части Башбригады, продолжающие преследование противника, заняли деревни Рутвинка — Малинка — Клешевская—М. Базар. Противник в панике отходит в направлении Овруч—Мозырь. [1] Захвачены пленные и трофеи.

Бой у дер. Игнатполь. (Схема № 27).

21 июня Башбригаде придан 7 кав. полк (из 7 стр. дивизии). Противник отступал к дер. Дидковичи, затем к дер. Игнатполю. В ночь с 21 на 22 бригада занимает Игнатполь (в бою захвачено 1 орудие), выслав разведку в направлении на дер. Млын-Вольковичи и на север по шоссе, для связи с 75 бригадой.

На рассвете противник, 2-мя полками обойдя слева и выйдя к мосту через реку Жерев, неожиданно окружил Игнатполь

[1] 10-в. карта, лист 30 и 31 (Киевский район).

и напал на штаб бригады. Охраняющий полк, под огнем бронепоезда противника, отошел, связь штаба с полками была прервана, 28 кавполк, комендантская команда штаба и батарея (2 орудия) были окружены. Во время упорного боя части бригады прорвались в северо-восточном направлении; 28 полк неоднократно бросался в контр-атаки и пробился с большими потерями, сохранив орудия и выведя из боя штаб бригады. Потери: убиты—ком. 28 полка И. Муртазин, комэска Андреев; красноармейцев—60 человек, пропал без вести штаб 27 полка. Причинами неудачного боя явля-

Комполка 28 — т. И. Муртазин (в гробу). Стоят слева направо: Врид. команд. 27 полка—т. Зинуров; ком. эск. шт. бриг.—Ф. Муртазин; Зав. политотд. бриг.—т. Мееров; врид. военкомбриг—т. ....; комиссар 27 п.—т. Шафиев.

ются: плохая связь, отсутствие хороших карт и болотисто-лесистая местность, мешавшая действиям в конном строю. [1]

22 июня, в 12 часов, части бригады, приведенные в порядок, переходят в наступление и к 16 часам дня с боем занимают Игнатполь, при чем отбивают: штаб 27 полка (во главе с комполка) и все имущество, брошенное при отходе.

24 июня Башбригада сосредоточивается в дер. Баленднах.

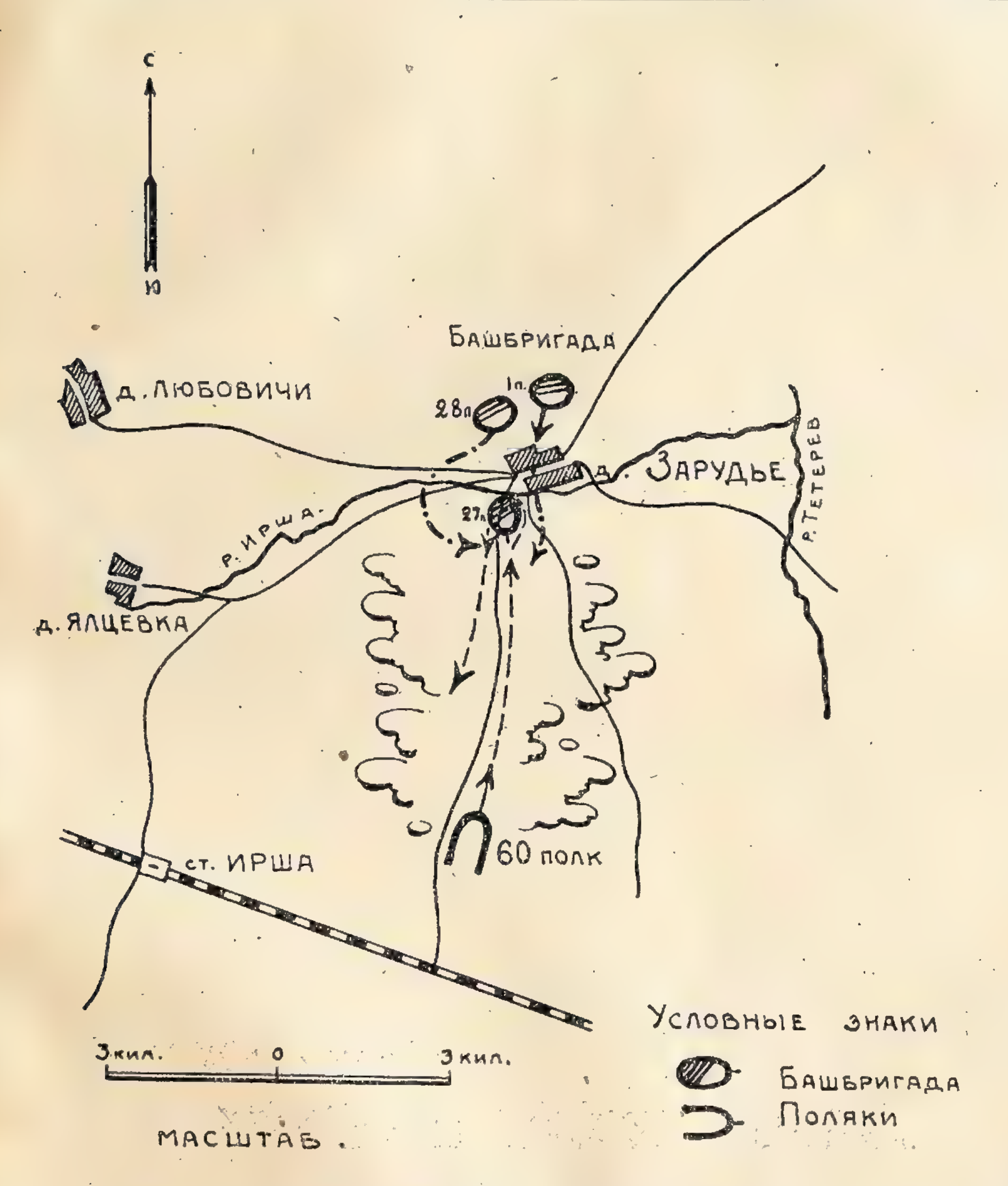
Бой у Зубковичи [2] (Схема № 28).

26 июня противник силами около 3 полков с артиллерией повел наступление на Башбригаду, занимавшую позицию в районе

[1] Журнал боевых действий 28 Башкавполка.

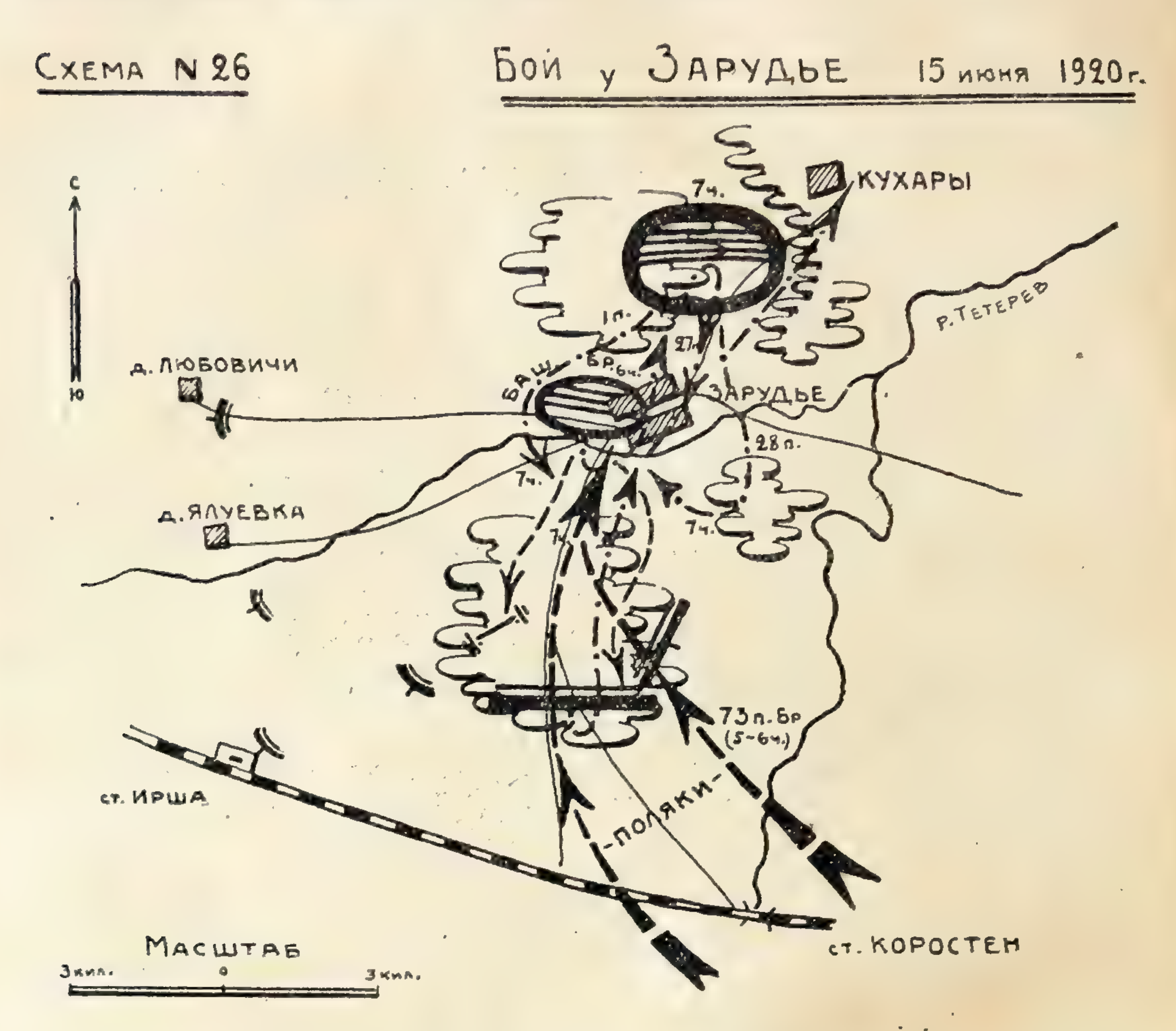
[2] 10-в. карта, лист 16. (Пинский район).

дер. Зубковичи следующим образом: 7 кав. полк занимал лес, восточнее в 3 *км* дер. Кочичин, 27 полк — западную опушку леса в 3 *км* сев.-зап. от Зубковичи, 28 полк — опушку леса, что в 3 *км* восточнее Зубковичей; 1-й полк в резерве—южная окраина деревни. По донесениям разведки

(18 час.) противник двигался от дер. Кишина и дер. Сердюк по направлению Зубковичи. Комбриг спешил полки и занял оборонительное положение. В 19 час., прикрываясь артиллерийским огнем, противник повел энергичную атаку. Под артиллерийским огнем коноводы полков (1, 27 и 7) отходят к югу, к дер. Янча-Рудня. Втечение 2 часов полки сдержи-

вали огнем противника, но отход коноводов смутил кавалеристов, и полки стали отходить. Противник навалился на 28 полк, и полк с боем начал медленно также отходить (перед этим был убит комполка т. Тихомиров). Усилиями комбрига (комполки 1-го, 7-го были отстранены от командования) 1, 7 и 27 кав. полки прекращают отход, останавливаются и переходят, уже в комбинированном строю, в атаку. Противник не выдержал атаки и отошел к Олевску. [1]

29 июня Башполки, совместно с 141 бригадой, наступали на дер. Кочичин; 28 кавполк получил задание — занять дер. Забарье. Полк в 13 часов занимает Забарье, оставленное противником без боя. Но в 22 часа, ввиду обхода противника со стороны дер. Кочичин и ур. Литено, полк (по приказу комбрига) отходит к дер. Бараново, где получается известие о занятии противником дер. Б. Глумчи и об отступлении штабрига (и обозов) к дер. Березники. [2] Полк с трудом выходит из окружения [3]

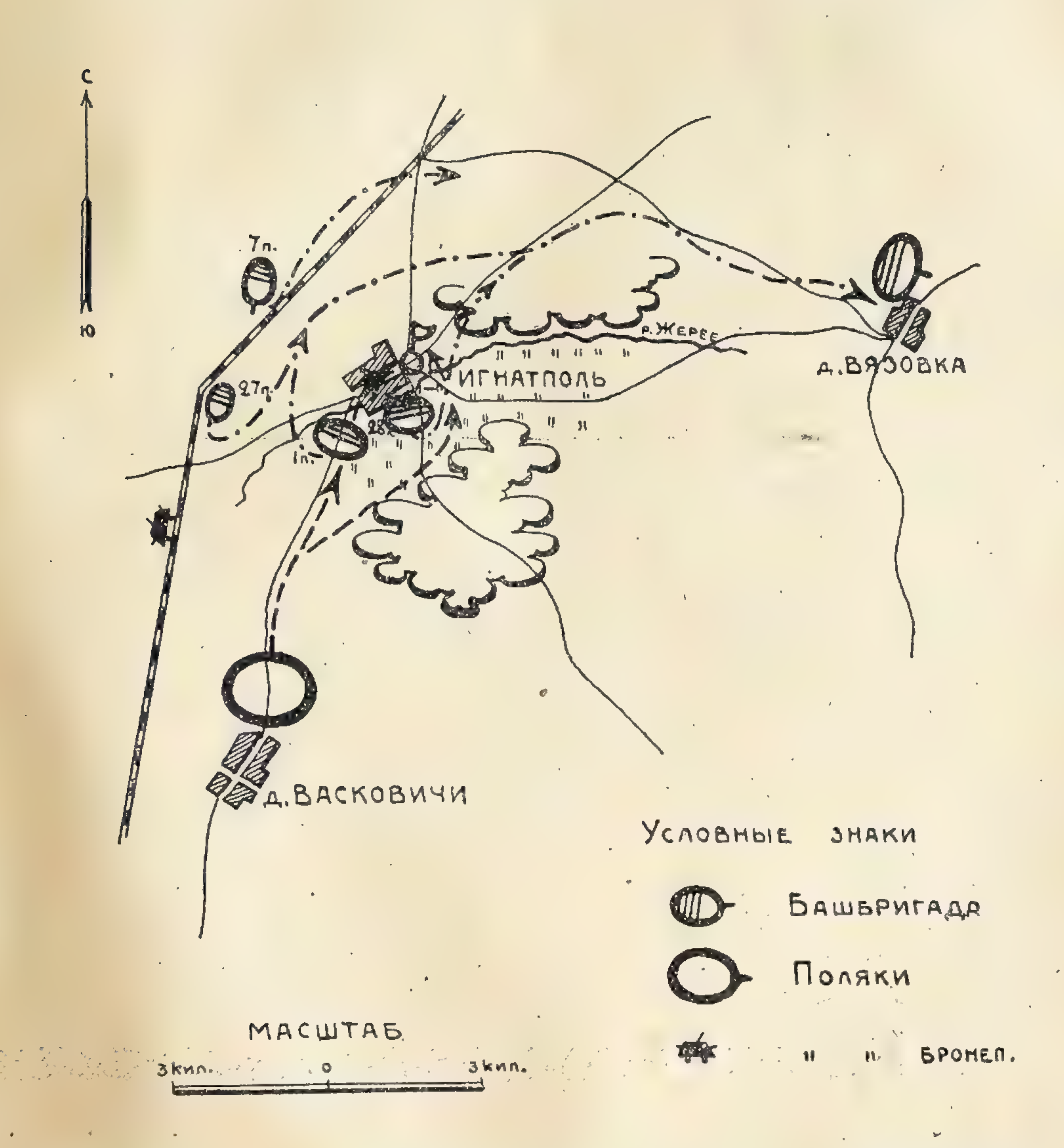
---

[1] Журнал боевых действий 28 Башкавполка.
[2] 10-в. карта, лист 16. (Пинский район).
[3] Журнал боевых действий Башбригады.

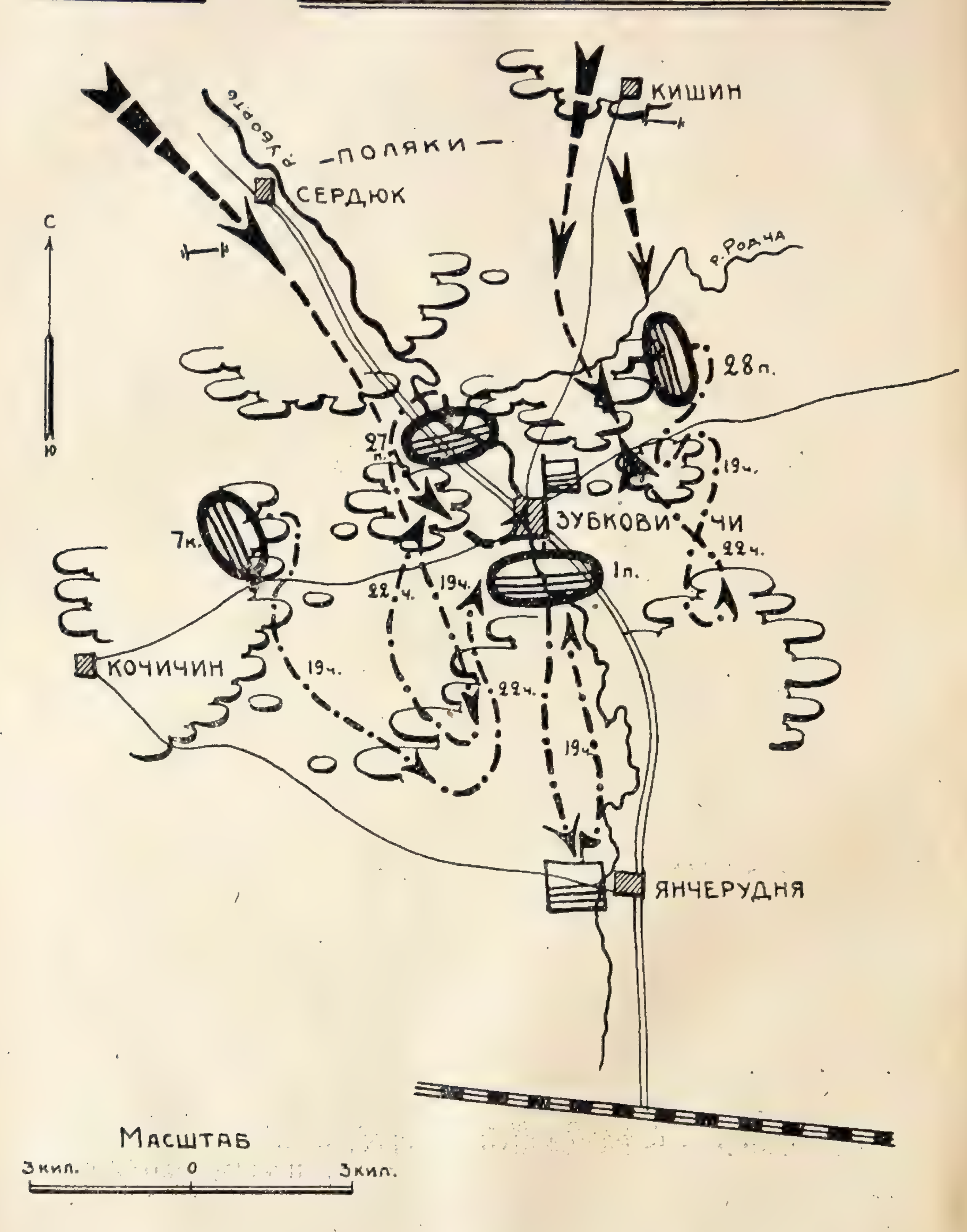
Бой у дер. Липина.

3 июля части бригады без боя заняли дер. Давыдовичи. В 14 часов противник силой до 2.000 штыков пехоты и конницы (при 20 орудиях) двигается из дер. Двиловки на дер. Дубняки, сосредоточивши значительные силы в дер. Липина. Части

Схема №27 Бой у д. Игнатполь 22 июня 1920 г.

1-го и 27-го полков, при продвижении их на дер. Кленовку, у дер. Липины, были обстрелены противником; спешившись, повели наступление на дер. Липино. 27 полку было приказано занять дер. Кочичин и ударить во фланг (с севера) противнику, наступая на Б. Глумчу. Противник в дер. Липино занимал сильно-укрепленную позицию с артиллерией. Ввиду ожесточенного артиллерийского и пулеметного огня, части

Схема N 28
Бой у д. Зубковичи 26 июня 1920 г.
Кишин
р. Уборть
—поляки—
Сердюк
С
Ю
р. Родча
28 п.
27 п.
19 ч.
Зубковичи
7 к.
22 ч.
1 п.
19 ч.
22 ч.
Кочичин
19 ч.
22 ч.
19 ч.
Янчерудня
Масштаб
3 кил.
0
3 кил.

1-го и 27-го полков оттягиваются к дер. Березняки. В этом бою полки понесли тяжелые потери: ранен комиссар 1-го полка т. Джигаев и комполка т. Малиновский, комполка отдельного кавалерийского пропал без вести. [1]

Бой у д.д. Б. и М. Глумча.

4 июля в 11 часов противник значительными силами пехоты (при 3 орудиях с бомбометами) перешел в решительное наступление на дер. Б. и М. Глумча со стороны Кочичин. Части 27-го полка

Схема №29 Бой у д. Б. и М. Глумча 4 июля

и 392 пехотного (131 бригады) упорно оборонялись, несколько раз переходя в контр-атаки, но ввиду превосходных сил противника оставили позиции и отошли на деревню Медведовка—Емельчин (схема № 29).

Бригаде было приказано сосредоточиться в районе деревень Спасское—Загрудье. Части бригады благополучно вышли из кольца и расположились: 27 полк в дер. Сергеевка, и 28 полк— дер. Спасское—Загрудье, где приводились в порядок. Рельеф местности был самый неудобный для действий конницы (болото и лес), что послужило причиной неудачи боя.

---

[1] Журнал боев. действий Башбригады.

(30 лошадей 7 кав. полка потонули в болоте). Пропавший (без вести) комполка отдельного кавалерийского возвратился в полк (скрывался в деревнях). [1]

Налет на раз. Яринетка 9 июля. (Сх. № 30).

9 июля бригада произвела налет на раз. Яринетка. По прибытии в дер. Поленье, из полков бригады был выделен сводный отряд (под общей командой комполка 28 т. Гайнанова), который направился на раз. Яринетка (жел.-дор. линия Сарны—Ровно) для разрушения жел.-дор. пути. В 13 часов отряд захватывает ст. Малынскую, перерезывает телеграфные и телефонные провода и разрушает жел.-дор. путь в 2 местах (на стыках у стрелок). Испортив путь, отряд отошел для наблюдения за жел. дорогой и разъездом, что восточнее раз. Яринетка. Через $^{1}/_{2}$ часа со стороны ст. Ровно подошли 2 бронепоезда противника, из которых шедший впереди сошел с рельс, второй отошел на ст. Ровно. Команда бронепоезда, выставив вокруг пулеметы, начала чинить путь. Разъезды башполков, пытавшиеся помешать исправлению пути, были обстреляны ружейным и пулеметным огнем. В 7 часов бронепоезд был поставлен на рельсы и ушел по направлению на Сарны. Отсутствие подрывных средств в бригаде лишило возможности испортить путь в нескольких местах. Только в 9 часов были доставлены пироксилиновые шашки, и 2-м эскадроном был взорван жел.-дор. мост севернее раз. Яринетка [2].

Комполка 1-го кав. т. Р. Шарипов.

10 июля конная группа выступила из с. Янча-Рудня через села Б. Глумча—Липино—Бронница—Березино, вслед за отступающим противником. В м. Березино переправились через р. Случь на плечах отступающего противника; последний отступил за р. Горынь. При подходе к с. Казимировка получено известие, что последняя занимается кавалерийским дивизионом поляков. При занятии селения захвачено 15 лошадей (с седлами). Мост через реку Горынь в м. Степана был сожжен противником; брод был только у Комаровки. Посланный через этот брод кавполк с задачей ударить противника с тыла—выполнить задачи не мог, ввиду того, что берег на противоположной стороне был болотистый и не выдерживал тяжести лошади. С рассветом следующего дня, под прикрытием 2 орудий, начали переправляться на лодках, к 12 часам

[1] Дневник боевых действий 28 полка.
[2] Дневник боевых действий 28 полка.

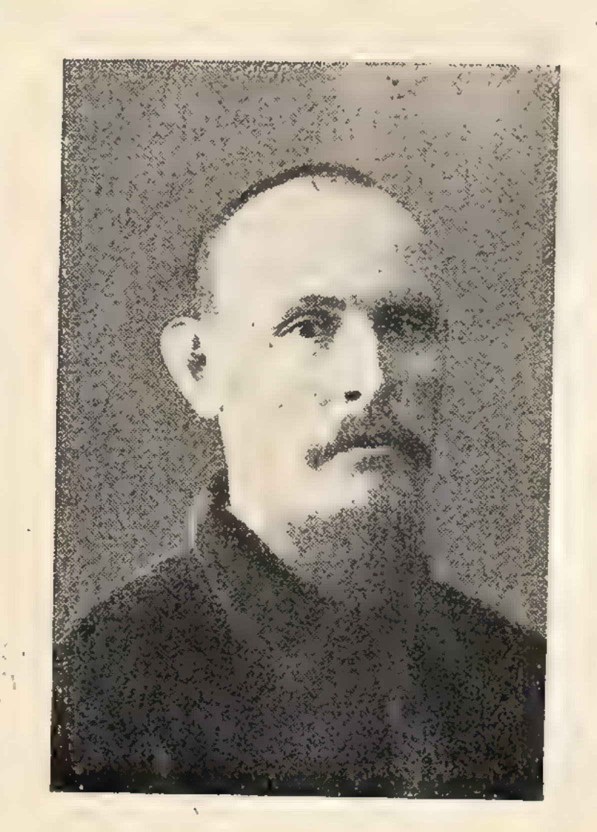
переправа была закончена; в бою захвачено—150 человек пленных, пулеметные тачанки, 1 орудие, повозка с патронами.

Формирование конной группы.

13 июля была создана конная группа, в которую вошли: Башбригада, 25-я кав. бригада, Донкубанский, Суровский, 7-й сводный и 58-й кав. полки (командующий группой М. Муртазин).

Бой у Б. и М. Вербчи. (Сх. № 31).

15 июля бригада вела бои у деревень М. и Б. Вербчи, занятых 2 эскадронами противника. 28-й кавполк держал связь вправо с 1-м и 27-м полками, а влево, освещаясь разъездами, обходным движением с юго-запада без боя занял дер. Бутейки. 27-й полк повел наступление в пешем строю, 28-й полк атаковал с тыла. Противник отступил за деревню, открывая по последней ружейный и пулеметный огонь, под которым 28-й полк стал отходить назад; при отходе ранен комполка (т. Гайнанов); полк занял опушку леса, что в 2 *км* южнее дер. Б. Вербчи. Вечером 28-й полк с 1-м кавполком заняли деревню. Потери: 15 красноармейцев и 20 лошадей.

Ком-р 28 полка (Член Баш. ЦК) т. У. Гайнанов.

Форсирование р. Стырь.

18 июля конная группа форсирует р. Стырь, но неудачно.

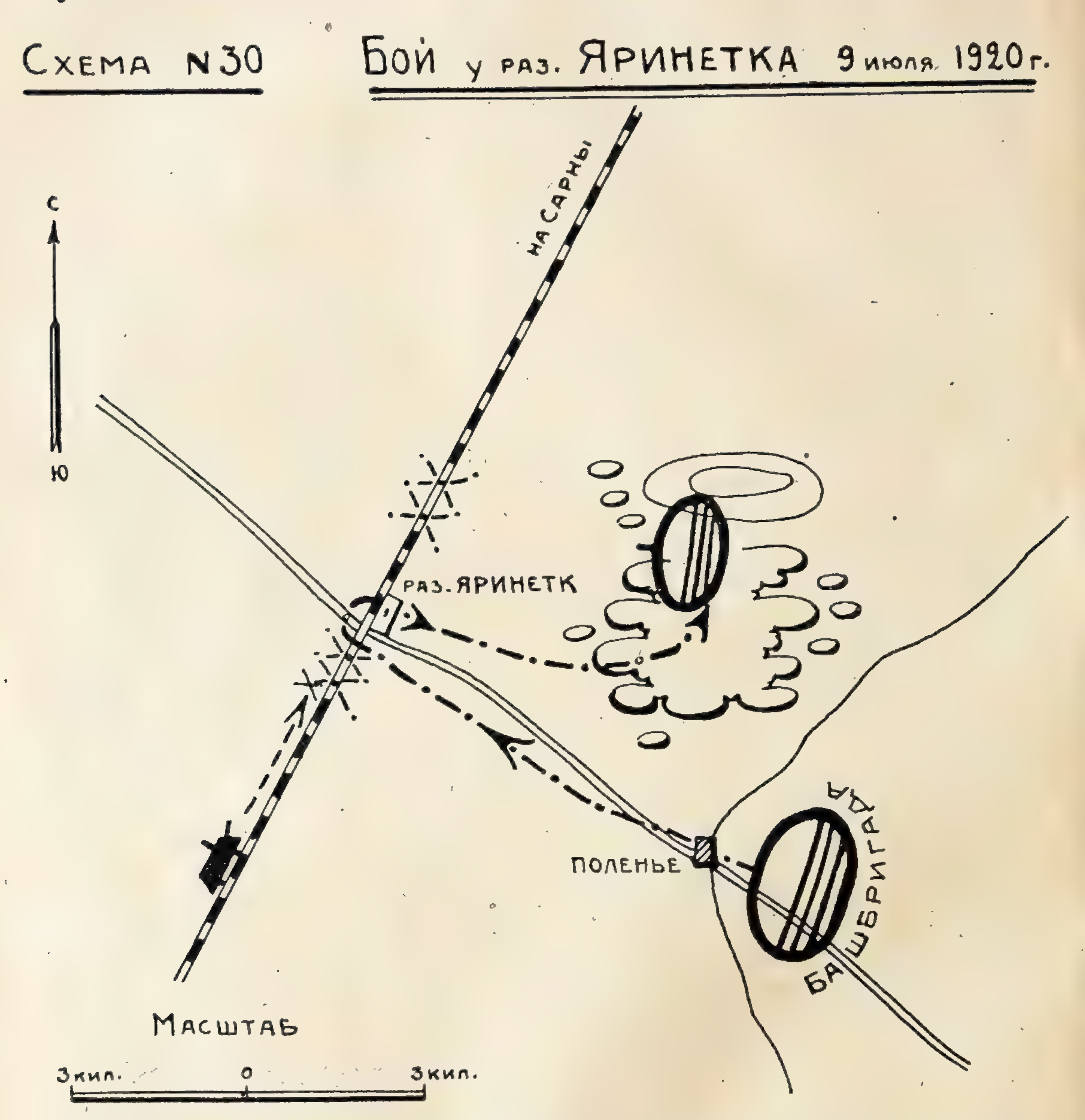
Ввиду того, что поляки уже заняли позиции (старые германские окопы) и сильно укрепились, конная группа успеха здесь не имела (18 июля). 23 июля получено донесение, что наша Богунская бригада была уничтожена у д. Суски (левый фланг конной группы). В командование конной группой вступает Голиков, и Башкавбригада бросается в дер. Суски (из района Рудня—Колки), с задачей закрыть прорыв между 24 и группой Голикова.

Бой у д. Суски 24 июля.

Высланной разведкой в направлениях: д. Новая—Сокуль—Дубниц—Вишенки[1] было выяснено, что в районе Вишенки мост через реку Стырь исправен. После 10 часов отдыха, данного комбригом перед боем, полки получили задачи: 1-й полк—вести непрерывную разведку в вышеуказанных направлениях и занять охраняющими частями западную окраину дер. Суск. 28-му полку — занять д. Б. Галя и обеспечить бригаду от удара со стороны Вишенки. 27-му полку—в резерве бригады (Суск). В 15 часов полки заняли указанные районы и в 17 ча-

[1] 10-вер. карта, лист 16 (Пинский район).

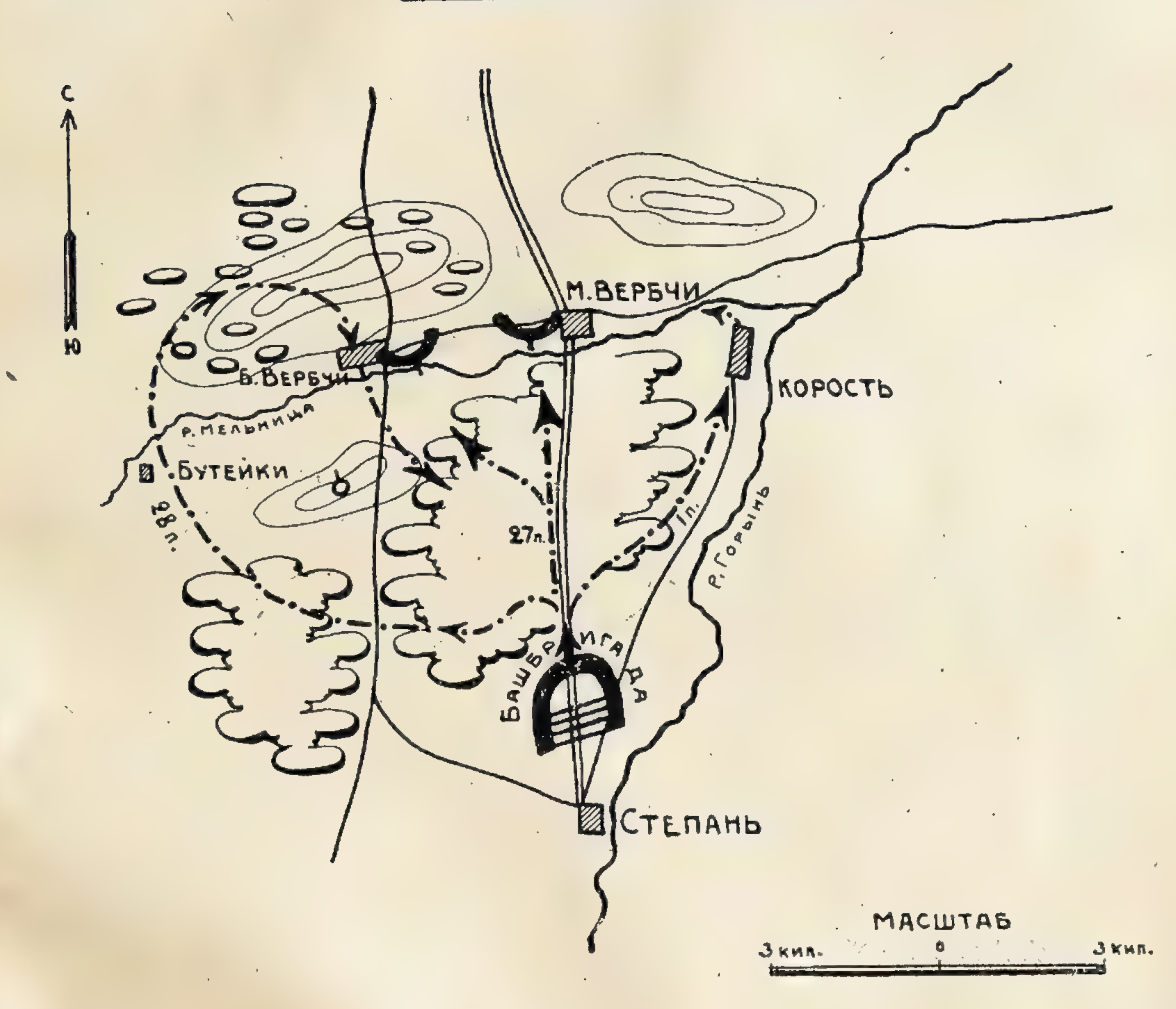
сов донесли, что противник в составе около двух полков пехоты с артиллерией переправился у Вишенки и двигался на Суск. По распоряжению комбрига 1-й и 27-й полки отходят в лес, в 2 *км* восточнее Суск, а 28 полку указывается быть готовым к парированию удара. Но в это время поляки уже обошли Суск и с севера повели атаку на деревню, при

чем одновременно велась атака и с запада. Обозы бригады, стоявшие в Суске, в панике начали оттуда отходить. Паника передалась 1-му и 27-му полкам. Комбриг по телефону приказал 28-му полку атаковать противника из деревни, а 1-му и 27-му полкам поддерживать атаку, пешему дивизиону обеспечить атаку с севера. Противник ворвался в дер. Суск, захватив штаб бригады. Но 28-й полк удачным обходом по тылу противника отвлек внимание первой колонны против-

ника, и в этот момент 1-й и 27-й полки контр-атакой выбили противника из дер. Суск, вернув обратно штаб бригады. Противник был отброшен на север (18 часов), но продолжал наступать на дер. Хопиново (на восток), куда отходили обозы бригады. Под давлением дальнейшего наступления бригады противник отошел к дер. Навоз [1]. Потери: убит военком бригады (т. Беленький), попали в плен—пом. нач. операт. части бригады и бригадный врач; среди красноармейцев потерь—40 человек и 55 лошадей.

Схема №31 Бой у д. Вербчи 15 июля 1920 г.

25 июля конная группа у дер. Навоз перешла через р. Стырь (в бою захвачены 300 человек пленных, 4 орудия (схема № 32).

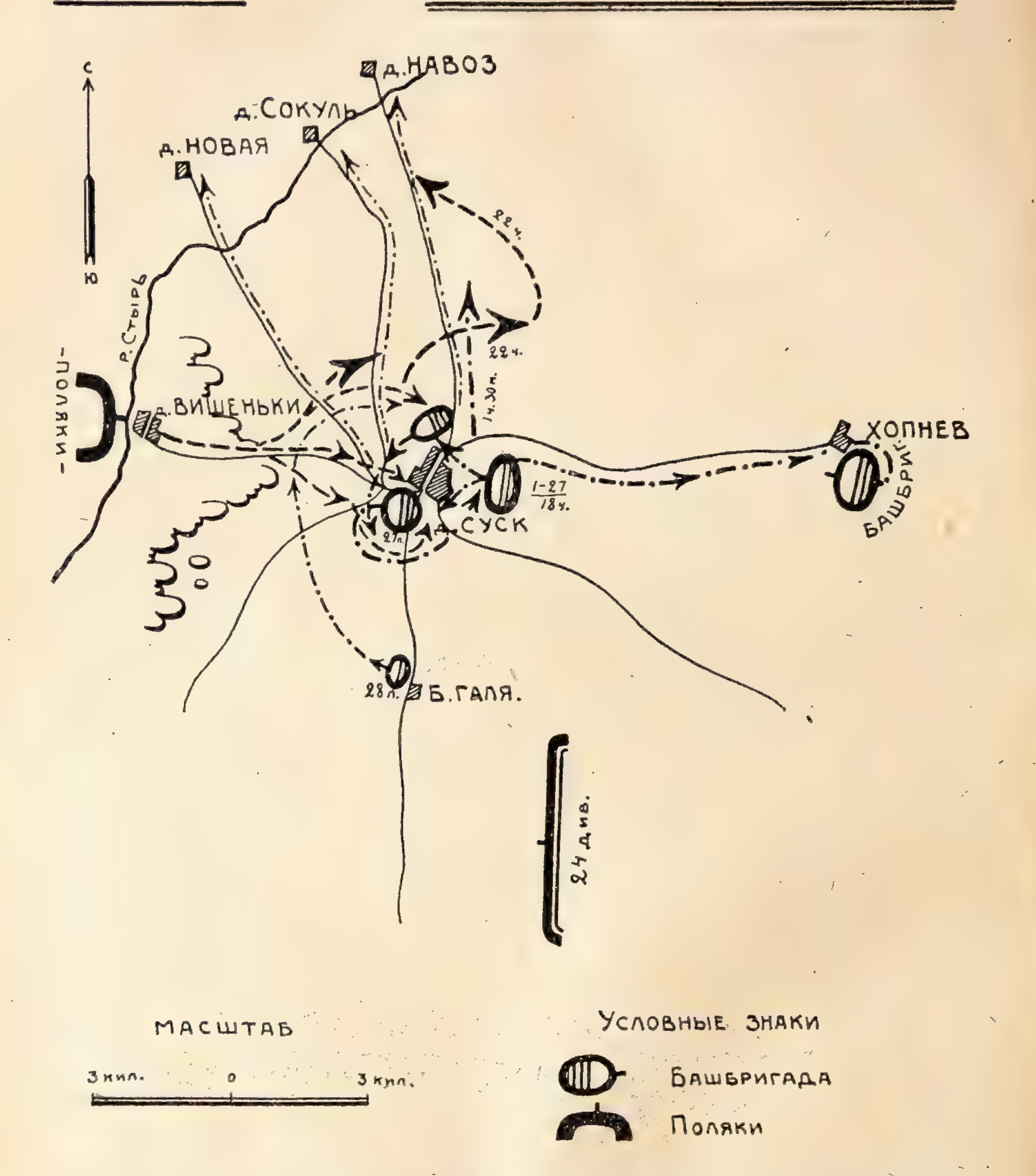
Форсирование р. Стоход. (Схема № 33).

25 июля конная группа расположилась в районе дер. Кошовка. Противник занимал левый берег реки Стоход, дер. Силько—Арсеневичи—Углы и Яновка. Башкавбригаде были даны задачи—фор-

[1] 10-вер. карта, лист. 16 (Пинский район).

сировать реку у дер. Углы. Комбриг в ночь на 26-е 27-й полк переправляет через реку и занимает дер. Углы. Противник превосходными силами, ночью же, контр-атакой отбрасывает

Схема N 32 Бой у д. Суск 24 июля 1920 г.

27-й полк на правый бсрег реки. Комбриг, оставив против дер. Углы небольшую группу конницы, приказывает 1-му и 28-му полкам у Яновки переправиться через Стоход и атаковать противника с тыла, отбросив его на север. Попытка

1-го и 28-го полков переправиться через реку первоначально окончилась неудачей, так как поляки развили сильный пулеметный огонь по наступающим эскадронам. Был подтянут вперед 27-й полк, произведена личная рекогносцировка местности и противника комполками и комбригом. По приказу комбрига 1-й и 27-й полки переправляются через Стоход у Яновки, в то время как 1-й эскадрон 27-го полка демонстрацией переправы отвлекал внимание противника у д. Литогощи. Переправа проходит успешно, противник отступает на Мельницы. Бригада захватывает д. Велецки. Противник, бросая артиллерийское имущество, обозы, рассеивается в лесах (к северу). Захвачено в плен: польский б-н, пулеметы и обозы (санитарные) (схема № 33). Бригада ночует в дер. Мельница.

Комиссар 27 Башк. кав. полка (Польский фронт) т. Г. Кучаев.

28 июля конная группа вела бой в районе дер. Вулка Любитовская—Хобот. Противник оказывал упорное сопротивление, стягивая свои силы к Ковелю.

Взятие гор. Ковеля[1] 5 августа. (Схема № 34).

3 августа конная группа с боем заняла гор. Ковель (телеграмма наштадива 7, № 0701) при следующей обстановке. Группа наступала в двух направлениях. Три башполка—в направлении Волошки—Будыше—лес—Зеленая; противник отбрасывается за реку Турия; полки вечером переправились через последнюю (у д. Городелец), пересекли жел. дорогу и повели атаку на Ковель с юго-запада: слева 27-й полк, правее 1-й кавполк, еще правее 28-й полк (уступом справа). 25-я кавбригада наступала через дер. Волошки—Колодницы, переправилась через Турию у дер. Верьки и атаковала с северо-запада. 7-й кавполк наступал по шоссе, и Уральский полк находился в резерве. Противник (2 полка пехоты с артиллерией) занимал окраины города, открыв артиллерийский огонь

[1] 10-вер. и 3-вер. карты района Ковеля.

с началом движения атакующих. Первою атакует левая группа, ведя наступление комбинированными строями, и к 22 часам 27-й полк ворвался в город, одновременно с 1-м полком 25-й кавбригады (справа). Противник отступил по линии жел. дороги, пользуясь темнотой ночи. Трофеи группы: пленные, артиллерийское имущество; потери в полках небольшие. После Ковельского боя, группа имела двухдневный отдых.

6 августа конная группа выступила в направлении на Холм через села Миляновичи—Видюти—Комаров—Машев—Вишнев и в последнем ночевала.

Форсирование р. Буг. На рассвете 7 августа была сделана безуспешная попытка форсировать реку Буг (у ст. Дорогуск). Неудалась она потому, что мост у станции и брод у села Волчий-Перевоз охранялись броневиками и пехотой противника. Попытка переправиться у села Сверже также успеха не имела, ввиду глубокого брода и быстрого течения реки. При этом группа потеряла 20 человек ранеными и убитыми; 27-му и 28-му кавполкам удалось переправиться у м. Опалин, но развить успеха не пришлось, так как противник занимал командующие позиции в 3—4 *км* западнее реки; под сильным артиллерийским огнем полки отошли на правый берег Буга.

В тот же день был получен приказ командарма XII перейти в район г. Владимир-Волынска и вести наступление на г. Грубешов.

8 августа, с рассветом, произведя демонстрацию в районе с. Корытинцы, части переправились через реку в 4 *км* южнее деревни в брод, сбив заставы противника, и к 16 часам дня, выбив из Грубешова небольшие пехотные части противника, заняли город.

С рассветом 1 августа конница выступила для занятия Замостья, а соседняя 72 пех. бригада для занятия Томашева.

Эскадрон 28 полка на польском фронте 1920 г.

Бой у дер. Лотов. (Схема № 35).

12 августа конная группа повела наступление на противника, который упорно оборонялся восточнее дер. Конюхи. От дер. Ганятычи наступала 25 бригада, со стороны дер. Лотов — 1-й Башкирский полк; 27—28 полки наступали со стороны дер. Завеев. В резерве 1-й Уральский полк (в дер. Вербовцы). В бою у дер. Лотов был разбит 9-й польский пех. полк и „Татарская Язда", захвачено 180 пленных (1 комполка, 1 пулемет). В этот же день был назначен комбригом Башкирской тов. Кальметов (за отъездом комбрига Муртазина в отпуск).

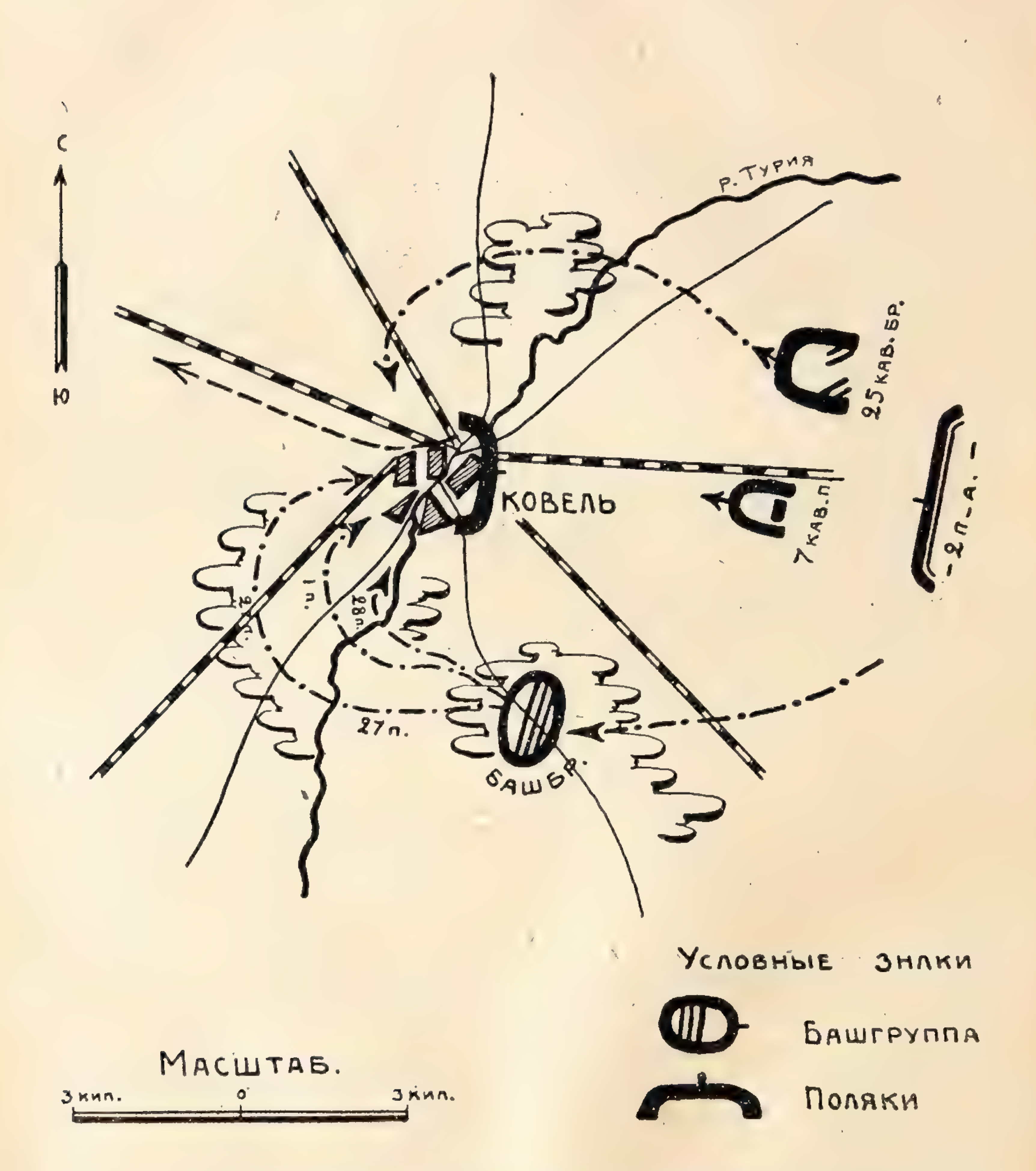
Бои с 15 августа—15 ноября [1]

13 августа, с рассветом, противник силой до 7 тыс. штыков повел наступление (подкрепления прибыли из Варшавы) на Лотов—Гостынное. В 10 часов части группы начали отступать.

[1] 10-в. и 3-в. карты района Ковеля.

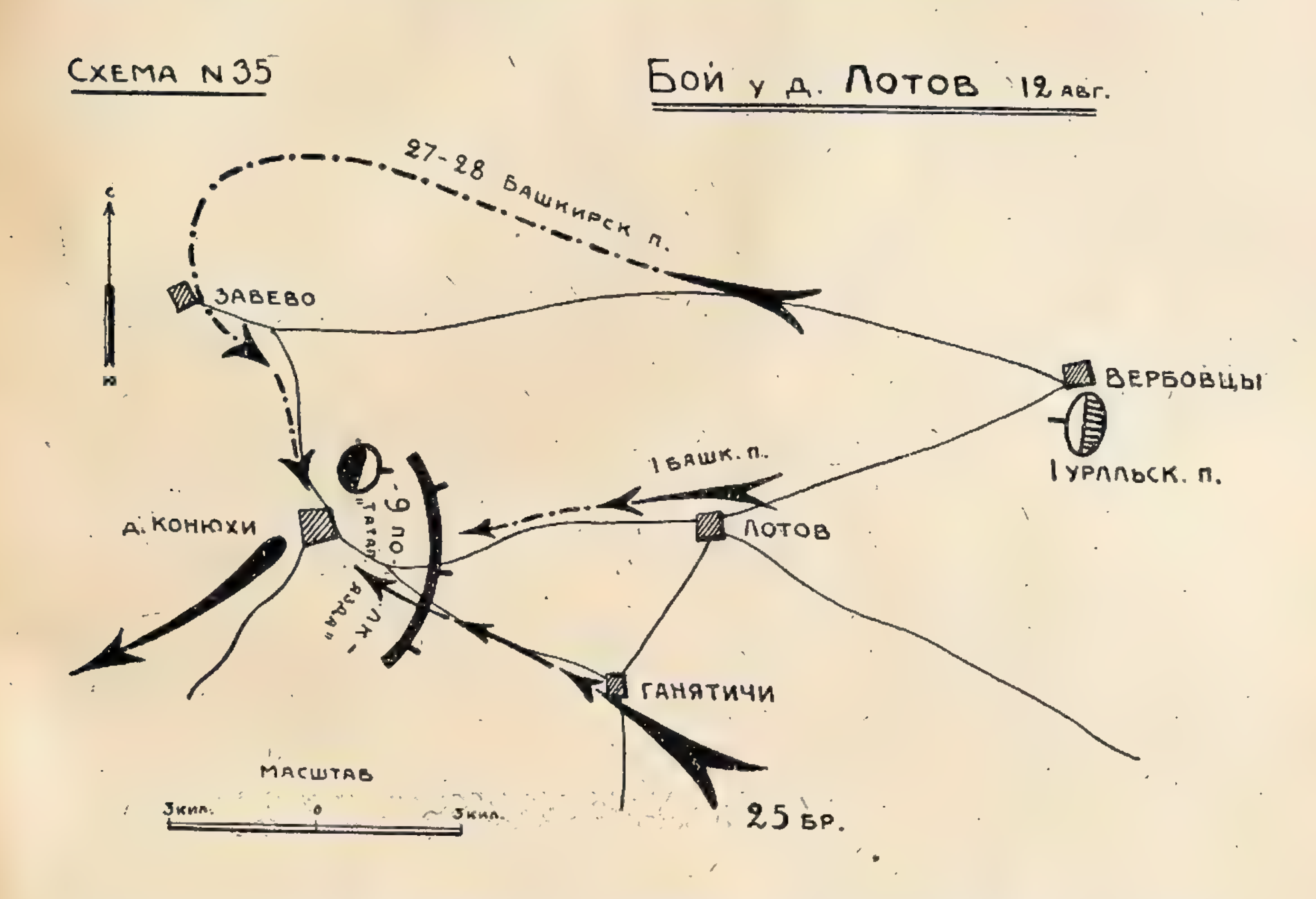
На высотах, 2—3 вер. западнее с. Вебковцы, они пытались удержать наступающего противника, но под давлением превосходных сил и ввиду его движения на восток через с. Малице, отошли на правый берег р. Гучва, где и окопа-

Схема N34 Бой за г. Ковель 3 авг. 1920 г.

лись. В 16 часов был обнаружен глубокий обход наших обоих флангов, что заставило отступать на г. Грубешов, не доходя до которого около 6 *км* было получено сведение об оставлении г. Грубешова нашей пехотой и о занятии его

противником. В то же время, наши разъезды, высланные в юго-восточном направлении, донесли, что противник занял с.с. Меняны и Тихобуж. Повидимому, противник стремился, заняв м. Броды на р. Буг, отрезать нам путь отступления. К моменту получения от комгруппы приказания прорваться во что бы то ни стало на правый берег реки Буг и сосредоточиться в с. Амбуков—противником были закупорены все пути нашего отступления группами по 500—700 штыков на расстоянии друг от друга 1.000 шагов. Маневрированию нашей конницы препятствовал участок, весь изрытый глубокими окопами, с проволочными заграждениями. сохранивши-

мися от империалистической войны. Это вынудило проходить узкими дефиле под сильным ружейным, пулеметным и артогнем противника. Центральные группы противника все же были смяты; было порублено до 300 человек; но останавливаться было нельзя, так как группы противника, стоявшие правее и левее центральных, обстреливали сильным ружейным и пулеметным огнем. Потери из башкир—7 человек; убит командир сводного кавполка, тяжело ранен и оставлен на месте боя командир Суровского кавполка, всего 50 человек убитыми и без вести пропавшими из всей конной группы. Однако, наши части прорвались, переправились через реку Буг у села Амбуков, где переночевали и разобрались в обстановке.

14 августа перешли в местечко Устилуг.

15 августа конная группа наступала на г. Грубешов; переправившись через реку Буг у м. Устилуг к 12 час., со-

вместно с пехотой, заняла г. Грубешов. По выдвижении пехоты в западном направлении, она выступила на г. Холм через м. Ухане—Селец—Депультиче для взрыва железнодорожной линии, в 10 вер. западнее г. Холма, и для удара с тыла по противнику, занимавшему г. Холм. Переночевав в с. Ярославец, что возле с. Ухана, группа у с. Загрода столкнулись с пех. частями противника, где было взято до 40 пленных. В это время были обнаружены части противника, наступающие из г. Холма и м. Реновец, с которыми до темноты завязался бой, после чего ночевали в лесу у с. Загрода.

С рассветом 17 августа частям конной группы удалось прорваться к полотну железной дороги с целью взорвать ее, что не удалось, благодаря присутствию курсировавших 2 бронепоездов противника. В 15 часов было получено приказание начдива 7—отступать, так как были обнаружены крупные части противника в районе с.с. Плиско—Ждане. Отступили в с. Селец, где и ночевали.

18 августа—отступление с боем в течение целого дня в с. Лешани с наступающим от с. Селец противником. Ночевали в с. Лешанах.

На рассвете 19 августа противник атаковал части группы—сводный кав. полк и кав. бригаду 25 дивизии. Башбригада выступила для поддержки. Ввиду общего отхода наших частей—отошли в лес, что 4 версты южнее с. Лешаны, где и заночевали.

20 августа, ввиду болезни тов. Кальметева, в должность комбрига отдельной Башкирской кав. бригады вступил командир 2 Доно-Кубанского полка тов. Горбатов. В 12 часов был получен приказ от начдива 7 дивизии,—занять во что бы то ни стало с. Лешаны. Во исполнение этого 1 и 28 полки повели наступление на с. Лешаны, 27 полк оставался в резерве и вел разведку в западном направлении; с. Лешаны с боем было занято. Командиром 27 полка было донесено, что крупные пехотные и кав. части противника двигаются через с. Алойзов на м. Войславица. Ввиду общего отступления кав. и пех. частей, в 20 часов было получено приказание от начдива,—отступать в с. Ярославец, куда и прибыли в 1 ч. ночи 21 августа. Ночевали, выставив охранение от 1 полка, в 3—4 *км* от с. Ярославец. В 3 часа застава, стоявшая в с. Ухане, донесла, что противник, обойдя это селение, пытается просочиться в с. Ярославец. Отдыхавшие 27 и 28 полки были подняты и изготовились к бою, охранение было усилено. На рассвете, в то время как заставы отходили под натиском противника, с. Ярославец было обстреляно с северной и западной стороны. Бригада была выведена из села и пыталась атаковать западную группу противника, но, ввиду болотистой местности, успеха не имела. В этом бою выбыло ранеными—7 человек. Не имея связи вправо, так как другие части группы отсту-

пали в с. Кулаковише, Башкирская бригада, под натиском превосходных сил противника, отошла на м. Копылов—Городло, где связалась с частями, занимавшими Цегельня—Кобле.

По смене пех. частями, Башкирская бригада отошла за р. Буг у с. Изов, в резерв дивизии. [1]

24, 25 и 26 августа Башкирская бригада праздновала свой праздник „Курбан Байрам", во время которого было получено пополнение в количестве 100 лошадей и 100 человек из Башкирии.

27 августа Башбригада выступила для смены пех. частей в с. Стрижев, находившийся в 10 километрах северо-восточнее г. Грубешова.

В это время было получено приказание о переходе XII армии в наступление. Башбригаде было приказано к вечеру 28 августа занять с. с. Шпиколосы—Велеевица. С рассветом ее части выступили по назначению, и к 13 часам 28 августа уже были заняты с боем указанные пункты, но ввиду того, что пехота должна была для ночлега отойти на прежние места, бригада расположилась 2 полками в с. Стрижеве и третьим в д. Грибенне. Ночью известили, что общее наступление будет произведено с рассветом 29 августа, но затем его отставили, заменили бригаду пехотой, после чего Башбригада была переведена в резерв дивизии в с. Хотячев.

30 августа был получен приказ о переброске Башбригады на левый фланг XII армии с подчинением в оперативном отношении начдиву 24 железной дивизии.

1 сентября бригада выступила через г. Соколь—Стоянок в м. Радзихов, куда прибыла к вечеру 2 сентября и вошла в подчинение начдиву 24.

Распоряжением последнего 27 кавполк был послан в район м. Крыстынополь для ликвидации переправившегося через р. Буг противника, которого полк отбросил и преследовал за р. Буг, при чем в одном из боев, в 10 верстах от м. Крыстынополь, был убит комполка тов. Эрадзе. 27-й кавполк отошел в м. Крыстынополь, остальные два полка были сменены пех. частями на участке: Добротворов—Пташники—Селец—Бенкуф.

7 сентября противник переправился через реку Буг в районе с. с. Волица—Деревянка—Сокола. Два полка были сменены пехотой. Прибыв форсированным маршем в район прорыва, наши отбросили противника на другой берег реки Буг, с потерей на нашей стороне убитыми и ранеными.

После этого башчасти перешли в с. Пестаница, что на 20 верст северо-восточнее г. Каменка. 10 сентября противник сбил наши войска в районе г. Буск, откуда распро-

---

[1] Дневник боевых действий комбрига Башкирской кав. (т. Горбатов).

странился в северо-восточном направлении. Начдив 24 приказал Башбригаде выдвинуться в район Полоничне—Топоров для ликвидации наступающего противника. В тот же день два полка бригады перешли в с. Полоничне, откуда двинулись через Гробов—Яблоновка на г. Буск. Противник, продвигавшийся в этом районе, обнаружив в тылу у себя наступление бригады, быстро начал отходить в южном направлении и переправился обратно через р. Буг южнее г. Буск. Этим положение было восстановлено, участок сдан подошедшей нашей пехоте, а полки бригады вернулись в с. Полоничне.

В роковой день 13 сентября было получено известие об общем отступлении наших армий. В тот же день началось отступление Башбригады, прикрывая отход 24 дивизии. Отступая, переночевали в с. Лобачевке и на другой день, 14 сентября, проследовав через м. Берестечно—Демидовку, ночевали в с. Береги, что на 17 километров западнее Дубно, В 12 часов ночи на 15 сентября у пех. частей, находившихся в м. м. Млынов и Муравьище, была тревога, ввиду обнаружения противника в тылу, почему, не дожидаясь рассвета, пехота отошла на г. Дубно, опасаясь захвата ранее нас противником г. Дубно. Полки Башбригады оставались до рассвета для ведения разведки, после чего в 9 часов утра под давлением противника отступили в г. Дубно и отошли к позициям, занятым нашей пехотой в 8 верстах западнее и северо-западнее г. Дубно, и расположились в г. Дубно, составив резерв дивизии. Здесь присоединился 27 полк, который самостоятельно прикрывал отступление 70 бригады 24 дивизии. В 17 часов 15 сентября было получено приказание начдива 24 быстро двинуться в северо-восточном направлении от г. Дубно, чтобы преградить пути наступающему от м. Млын, по шоссе на г. Дубно, противнику. С целью выиграть время для эвакуации г. Дубно и для отхода частей 24 дивизии за р. Икву, бригада, беззаветно, не стесняясь невыгодным положением, несколько раз бросалась в контр-атаки на пехоту противника, лишь бы точно выполнить приказ начдива. К вечеру Башбригада получила приказание отойти: одному полку на Мизочь, остальным на ст. Бондари, что в 20 километрах юго-восточнее г. Дубно. [1]

Ночью на 16 сентября приказано было отойти за р. Вилия, одним полком к дер. Малая-Боровица, остальными—к Шумску. Остальные дни сентября постепенно отходили. Ввиду занятия противником гор. Острога, отступили за р. Горынь: одним полком на Изяслав, другими—на Белогородку и из Белогородки на Изяслав. В Изяславе Башбригада получила приказание занять позиции от ст. Шуровцы до р. Го-

[1] Дневник боевых действий комбрига Башкирской.

рынь, но ввиду изменившейся обстановки, по прибытии в Шуровцы, заняла переправы от Изяслава до Славуты. После занятия этой линии, противник выбил наши пех. части, занимавшие Изяслав, и Башбригаде было приказано быстро свернуться и сосредоточиться между м. Шепетовка и ст. Пиляи, не давая противнику просочиться в восточном направлении. По занятии противником м. Шепетовка, был получен приказ отойти за р. Случь. Отступали через Городище — Серединцы — Медведевку — Полонное — Мирополь. В Полонном, отходя за р. Случь, уничтожили мост, после чего сосредоточились у ст. Почановка.

2 октября Башбригаде было приказано отходить через Романово—Буда-Голубин—Гута-Марьяновская — хут. Любарский — Адамовка — Юзефовка, с задачей охранять правый фланг 24 дивизии, держа связь влево с 71 бригадой и вправо— с частями 44 дивизии, занимающими Бронники—Крапивка, что на Новоград-Волынском шоссе, не давая в то же время возможности противнику просочиться в восточном направлении.

5 октября Башбригаде приказали занять Млыны-Острожецкие, что напротив г. Рогачева, и оттеснить противника на левый берег р. Случь. По занятии Млыны-Острожецкие, ввиду того, что части 44 дивизии отошли даже из Бронники,—кавалерия противника обошла бригаду с тыла, но оставшийся в резерве бригады 1 полк своевременно обнаружил противника, стремившегося прижать наши части к р. Случь и трудно проходимым для кавалерии лесам. Для отражения этой опасности был брошен в северо-восточном направлении снятый с позиции 28 кавалерийский полк, чтобы в свою очередь отрезать путь отступления обходящему нас противнику, и 1 кавалерийский полк в западном направлении, по дороге, по которой наступал противник. Благодаря стремительности действий, удалось выйти из такого трудного положения, имея потери всего 4 человека раненых (в том числе помнаштабрига тов. Верховского). Противник потерял—1 чел. пленным и 12 зарубленными. Бригада отошла на прежнее положение.[1]

7 октября Башбригада по приказанию сделала попытку наступления на ст. Бронники, что 15 километров юго-восточнее г. Новоград-Волынска, но, не достигнув успеха, с потерей 3 человек ранеными, отошла для ночевки в с. Черница, откуда с рассветом 8 октября после нового наступления заняла Бронники, захватив 5 чел. пленными, которые показали, что их кавалерия, силою до 800 сабель при 4 орудиях, из с. Бронники двинулась на м. Соколов, т.-е. на г. Житомир. Учитывая намерение противника сделать налет на г. Жито-

---

[1] Дневник боевых действий комбрига Башкирской.

мир, комбриг, по своей инициативе, с бригадой и подчиненным ему 44 кавполком двинулся вслед за кавалерией противника, донеся об этом начдиву 24, а также в Житомир (включившись в провод по шоссе). Ночью с 8 на 9 октября продвинулись в с. Улашовка и затем продолжали движение по следам противника, имея его впереди на 9 часов пути. С 9 на 10 октября ночевали в с. Крапивна, что в 30 километрах юго-западнее Коростени. Ввиду темноты и плохого состояния дороги, далее в этот день двигаться не могли. По остановке на ночевку выслали разведку и послали телеграммы со станции Торчинка, начдивам 7, 44, 24, 25 и начальнику бронепоездов, в которых указывалось местонахождение бригады, силы и направление движения противника. С рассветом 10 октября выступили через д. Лысовщина на с. Злобич, где вступили в бой с кавалерией противника. Противник оказал упорное сопротивление и дважды бросался в конном строю в атаку. От пленных узнали, что в этом районе кавалерии противника насчитывается не менее 1.500 сабель. В это время у нас связь со своими была утрачена. Из боязни обхода переменили место стоянки и, двигаясь в восточном направлении, встретились с колонной противника 400—500 сабель, которая намеревалась ударить нам в тыл. Бригада бросилась в контр-атаку, оставив кавполк 7 дивизии в резерве. Тогда противник отступил до поставленных им на позиции пулеметов, задерживая нас контр-атаками, при чем пулеметный огонь не давал возможности насесть на противника. Вместе с тем разведка донесла, что противник обнаружен в районе ст. Малин и что им занята ст. Коростень. В вышеописанном бою было взято в плен 40 человек.

Ввиду сложившегося у комбрига убеждения, что кавалерия противника по занятии ст. Коростень двинется через Малин на г. Киев и учитывая возможность движения противника на г. Новоград-Волынск, через Житомир в Киев, Башбригаде дано было задание двинуться на шоссе, чтобы преградить движение противника и связаться при помощи проводов со своим командованием.

При выходе на шоссе, включившись в провод командарма XII, комбриг от него получил приказание двигаться через м. Горошки в район г. Новоград-Волынска, так как противник, сделав налет на Коростень, отступает. При движении имели ночевки: М. Чершников, Буда-Бобринская и слобода Ченецкая, где связались с начдивом 24. Распоряжением последнего Башбригада переведена в дивреэерв в с. Шуляки, что в 20 километрах юго-восточнее м. Мирополь, а 16 октября— в с. Красноселка, откуда согласно приказания двинулась для занятия м. Острополь.

По прибытии в м. Мотовиловка стал слышен бой у м. Любар; высланная по всем направлениям разведка донесла, что

противник переправился через реку Случь. Ввиду темноты бригада ночевала в с. Мотовиловка. Высланная ночью разведка обнаружила, что, переправившись через реку Случь, противник продвинулся на м. Краснополь. Бригада выступила в северо-восточном направлении через с. Авротин, чтобы напасть на след противника, при чем походная застава была обстреляна из с. Авротин, Быстрым одновременным в лоб и во фланг ударом Авротин был занят. Взято в плен: 1 пулемет и 1 рота в полном составе. В это время противник обнаружил наши части у себя в тылу и, выдвинувшись до с. Татариновка, стал наступать с целью отбить захваченную бригадой роту. Несмотря на явное превосходство сил противника, теснившего наши части, бригада вышла из трудного положения, потеряв всего трех ранеными. Ночевали в с. Житренка, что в 13 километрах юго-восточнее м. Любар, откуда связались со штадивом.

В 24 часа 18 октября было заключено перемирие.

19 октября была обнаружена рота польской пехоты в лесу, что в 4 верстах от с. Матренка, которая была захвачена 28 полком без выстрела и отправлена в полной неприкосновенности в штадив 24. [1]

22 октября бригада была переведена в район г. Бердичева и расположилась со штабригом в с. Бородецкое, откуда командованием XII армии была передана в подчинение командарма XIV, для образования с бригадой тов. Котовского конной группы.

Башбригада 5 ноября прибыла в с. Викулинцы, что в 10 *км* западнее г. Литина. Слияние в группу 2 бригад не состоялось; бригада Котовского ушла южнее м. Жмеринка, а Башбригаде было приказано занять участок от ст. Новоселица, что в 28 *км* западнее г. Вишница, до Майдана-Борковского, против армии Петлюры.

7 ноября участок был сдан пех. частям 24 дивизии, в подчинение которой перешла бригада для охраны правого фланга дивизии, передав 28 полк в прикомандирование к штадиву 24, сторожевое охранение было выставлено на линии: Сосны—Кулыга—Майдан-Борковский, имея связь влево с частями в д.д. Залужная и Новоселица.

11 ноября противник выслал крупные разведывательные части, которые отбивались огнем наших застав.

12 ноября противник повел наступление и выбил наши заставы из с. Кулыга и м. Борковского. Выдвинутым 27 полком положение было восстановлено: противником было оставлено 8 чел. пленных и 4 чел. убитыми. Бригада, усилив заставы, отошла в г. Литин. В 20 часов, 12 ноября, было получено, донесение из заставы, находящейся в м. Борковском,

---

[1] Дневник боевых действий комбрига Башкирской.

что она под натиском противника отошла в с. Борков. Учитывая, что противник намерен разъединить нас с 24 дивизией и ударить последней во фланг через с. Микулинцы, комбригом было приказано 27 полку немедленно выступить в с. Борков, и упорно его оборонять, в крайнем случае отступить на с. Микулинцы. В ожидании наступления противника, 1-й полк был в готовности и сосредоточен по-эскадронно за 2 часа до рассвета.

С рассветом 13 ноября была слышна стрельба по направлению с. Кулыга, что дало знать о наступлении противника. Выдвинувшись для поддержки, 1-й полк был встречен на окраине г. Литина отступающими из с. Кулыга, которые сообщили, что крупные кавалерийские и пехотные части противника преследуют их по пятам.

Предполагая атаковать противника 1 полком, мы выдвинулись по шоссейной дороге, с намерением ударить во фланг и тыл противника, в то время, как эскадрон, отступивший из с. Кулыга, должен был, спешившись, задержать противника на окраине города. 1-й полк, не успев еще выдвинуть разведки и пройдя около 300 шагов, обнаружил три двигающиеся по шоссе колонны противника силой до 100 сабель каждая. Решив их атаковать, полк стал перестраиваться в боевой порядок, во время чего противник открыл из шедших впереди его колонн 4 пулеметов огонь на расстоянии 500—600 шагов, и сам начал переходить в боевой порядок. Пулеметный огонь произвел замешательство в наших рядах, во время которого кавалерия противника бросилась в атаку. В то же время в тумане показались новые три колонны противника. Комбригом было скомандовано „назад", при чем на шоссе не попали и отступили вброд через реку Згар на сев. окраине г. Литина. Командиру 1-го полка было приказано спешиться возле церкви с. Селище и обстрелять высоты, что на берегу р. Згар (на сев. окраине г. Литина), дабы не дать противнику переправиться через реку. Комбриг с 7 башкирами остался на бугре, чтобы выяснить цели и намерения противника. Было обнаружено, что противник переправил через реку севернее пункта нашей переправы до 200 человек кавалеристов, которые, очевидно, были намерены ударить нам в тыл. Комбриг приказал полку выйти из с. Селище, но это ему не удалось, так как противник переправился через мост на плечах одного отступающего эскадрона этого полка. В то время, как комбриг выезжал на шоссе, кавалерия противника, заметив его, бросилась за ним в погоню, и 4 человека, находившиеся при комбриге, были захвачены противником.

Ввиду обнаружившегося превосходства в силах и вооружении противника наши части были вынуждены к дальнейшему отступлению, но на 7 *км* сгруппировались и перешли

в контр-атаку. Передовые части противника были обращены в бегство, но благодаря пулеметному огню и подходу главных сил бригада вынуждена была снова отступить. В этой атаке бригада потеряла убитыми—комэскадрона 2 т. Кудрявцева и 10 башкир. Таким порядком отошли до с. Лукашевка, где снова переходили в контр-атаку, обратив в бегство преследующую группу противника, которая отступила к своим главным силам, после чего противник преследовал нас на расстояние еще одного километра и остановился в с. Ксаверовка. После часовой стоянки наблюдатели донесли о движении противника на с. Ксаверовку с обходом нас справа. Бригада боя не приняла и отошла на с. Якушинцы, куда подошел 28 полк, находившийся при штадиве 24.

Одновременно с этим эпизодом, на рассвете 13 ноября, противник повел наступление на наш 27 полк, находившийся на с. Борков, не знавший о нашем отступлении из г. Литина и отступивший в с. Микулянцы, которые и защищал до крайности, после чего отошел на правый берег р. Згар. По занятии противником с. Лукашевки 27 полк отошел на д. Махневка и защищая последнюю, в которой находились штабриг 24 дивизии и артдивизион, он дважды бросался в контратаку, чем отбил охоту противника наступать и тем предотвратил опасность.

14 ноября 27 полк наступал на с. Микулине — Рожок — Микулинцы, где было взято у противника 1 пулемет системы „Максим“ и 15 пленных.

15 ноября был занят г. Литин; преследовали отступавшего противника через с. Литинка — Сахны, где присоединился 27 полк и далее на с. Войтовцы—Черешенька.

С рассветом 18 ноября Башбригада выступила на с.с. Спичинцы—Копачевка—Копытин, предполагая ночевать в с. Лезнево; в 22 часа, было выяснено, что последнее занимается бригадой пехоты противника. Комбригом было решено направить 28 полк в обход,—с заданием пустить по дорогам идущим в Лезнево по 1 эскадрону, остальным частям итти по дорогам, идущим из Проскурова в Лезнево, 28 полку наступать с фронта в лоб, а 1-му полку находиться в резерве. Лихой атакой дер. Лезнево была занята. Было захвачено 2 пулемета, 10 повозок и 150 пленных.

С рассветом 19 ноября части выступили в с. Грушевица, где переночевали. На другой день 20 ноября наступали через М. Купель на Клыныны. Последнее петлюровцы занимали пехотным и кавалерийским полками (черношлычники) с пулеметами и артиллерией. Несмотря на предупреждение начдива 17 (т. Микулина) не зарываться и ждать подхода частей, с которыми не имели связи, комбриг (Горбатов) решил атаковать. Первым эшелоном был направлен находящийся в подчинении бригады дивизион (т. Багнюк), вторым эшело-

ном—1-й полк (т. Патенкова) и третьим, самый численный—27 полк (т. Файзуллина). 28 полк, как малочисленный, прикрывал приданные бригаде орудия, которые были поставлены на позиции. Сильным ружейным и пулеметным огнем противника наступление первого эшелона было приостановлено. 1-й и 27-й полки однако ворвались в деревню, в результате чего было взято — 6 орудий, 30 пулеметов, обоз и целиком штаб 1 Запорожской дивизии противника. Из состава дивизии противника спаслись очень немногие, большинство офицеров было порублено, многие покончили сами с собой; до 100 человек было взято в плен и 150 убито, остальные же рассеялись по деревням [1].

Наступление продолжалось на с. Куриловка, которое несмотря на упорное сопротивление было взято. Далее наступление велось на Бельковцы, при чем на хуторе Волковцы был взят вполне исправный легковой автомобиль с шофферами. В с. Бельковцы приказано было ночевать, так как вдоль границы двинулась уже 8 черкасдивизия и кавбригада т. Котовского, которые забрали всех скрывшихся от бригады в с. Клынын и Куриловка. Этим был окончательно ликвидирован петлюровский фронт.

После ликвидации петлюровского фронта 30 ноября Башбригада прибыла в район г. Винницы и расположилась на Мизявских хуторах—штабриг, 1 полк и 28 полк, 27—в с. Лавровка, что в 13 *км* сев.-зап. Винницы.

Переформирование Башбригады.

10 декабря, согласно приказа командарма XII, бригада за ее малочисленностью была переформирована в 2 полка, коим была присвоена нумерация 1-го и 2-го Башкирских кавалерийских полков.

15 декабря штабриг и 1-й полк перешли на с. Якушинцы Зарванцы, что в 5—7 *км* сев.-зап. Винницы. 20 декабря бригада перешла и расположилась,—штабриг и 1-й полк в с. Багриновцы, что в 12 *км* юго-западнее г. Литина, 2-й полк в д. Литинка, что в 10 *км* юго-зап. г. Литина. 29 декабря перешли и расположились — штабриг и 1-й полк — с. Войтовцы и 2-й полк — д. Песечин (пункты 15 *км* юго-западнее г. Липовец).

10 января 1921 года бригада производила продработу: 1-й полк в Литинском уезде и 2-й в Винницком уезде, штабриг находился в г. Хмельник.

В дальнейшем, бригада вышла из подчинения начдива 24 и вошла в непосредственное подчинение командующего КВО. Во время нахождения бригады в Брацлавском уезде, налетом банды численностью около 150 сабель, выдававшей себя за красноармейцев, было перерублено 45 человек башкир 2-го полка.

---

[1] Дневник боевых действий комбрига Башкирской (Горбатов).

2 февраля бригада была переведена в Брацлавский уезд для борьбы с бандитизмом и для охраны заводов, имеющихся в уезде,—штабриг в м. Тульчин. С возложенной на нее задачей она справилась блестяще.

7 марта бригада была сгруппирована в районе м. Немиров; штабриг, уч. эскадрон — д. Рачки, 1-й полк—с. Сорокотяжницы, 2-й полк—в с. Рубань.

Приказом командарма Отдельная Башкирская кавбригада была подчинена начдиву 12 (им. Петросовета пограничной дивизии), распоряжением которого должна была переформироваться в 4 отдельных эскадрона и использована для охраны Польско-Румынской госграницы. Во исполнение этого приказа 25 марта 1921 года бригада реорганизована в 4 отдельных эскадрона, коим была присвоена нумерация 15, 16, 17 и 18 Отдельные Башкирские погранэскадроны, и разместилась: 15—в районе г. Каменец-Подольск, 16—Могилев-Подольский, 17—Рыбницы и 18—Тирасполь.

Неся службы охраны госграницы, одновременно эскадроны вели борьбу с бандами Петлюры и другими бандитами, просачивавшимися из-за границы, не давая им распространяться вглубь страны [1].

Башполк в составе 2-й Черкасской дивизии.

Приказом комвойск КВО эскадроны были сняты с границы и отправлены в ноябре месяце в распоряжение комкора 1-го конного. Распоряжением последнего, эскадроны были переданы начдиву 2-й Черкасской. Из 15, 16 и 17 эскадронов в с. Кумановцах был сформирован 12 Черкасполк 2-й дивизии Червонного Казачества, а 18 эскадрон передан в 7 полк той же дивизии.

Полк из с. Кумановцы Литинского уезда перешел и расположился: штаб полка и команды—в Зиновинцы, что 15 *км* юго-западнее г. Хмельник, 1-я сотня—д. Яновцы, 2-я сотня — с. Кожухов, 3-я сотня—Кусиковцы, 4-я сотня—м. Дьяковцы, полусотня — д. Лысогорка. Присутствие в этом районе банд мешало регулярному ведению строевых занятий, вследствие чего полк менял стоянки, в целях лучшего расквартирования.

После этого, полк был переброшен в район г. Литина и с. Багриновцы для ликвидации банды Гальчевского Орла. После 2—3 стычек с башкирами, банда была деморализована и рассеялась по деревням, откуда набирался состав банд, но уже во время дальнейшей стоянки в районе г. Литин 12 полка, банда себя не проявляла. 1 августа 1922 года полк был переведен на стоянку в м. Лабунь, Полонского уезда, Волынской губ., где и производил строевые занятия.

15 августа 1922 г. было получено известие о принятии БАШЦИК'ом шефства над 12 полком. Полк считал празднич-

---

[1] Дневник комбрига Башкирской.

ным днем—день 23 августа в память перехода в этот день Башкирской бригады на сторону Соввласти.

25 ноября 1922 г. закончилась реорганизация дивизии из 6-полкового в 4-полковой состав, и 12-му полку присвоена была нумерация 8 Черкасполка.

Необходимо сказать несколько слов об организационной стороне Башкирской кавалерийской бригады за время операций на фронте.

Вооружение полков состояло из 3-линейных винтовок (обр. 1892 г.) и пулеметов разных систем: Льюиса, Кольта и Максима, при чем последние (Максим и Кольт) у конных полков были на тачанках. В дальнейшем полки перевооружились польскими (трофейными) кавалерийскими карабинами. Артиллерии (организационно) не имелось в бригаде.

Снабжение в начале операции (на левом берегу р. Днепра) протекало нормально (получалось из XII армии). В дальнейшем использовались исключительно местные средства, так как при частых и дальних переброcках бригады—обозы всегда отставали от полков.

Фураж имелся только объемистый, но начиная с района Ковеля получался и зерновой; лошади переходами были сильно измотаны.

Люди одевались трофейным обмундированием. Врачебная помощь поставлена была слабо: санперсонала нехватало, лекарств также, но больных в общем было мало, благодаря крепкому здоровью красноармейцев-башкир.

За период операций бригада получила 500 человек пополнения и 160 лошадей. За все бои убыло комсостава—30%, красноармейцев около 20%. Первоначально бригада имела большой некомплект лошадей, в дальнейшем пополнялась—захваченными в боях. Нужно отметить, что лошади башкирской (степной) породы оказались выносливее всех других сортов лошадей бригады (из центральных губерний и из польских кавалерийских полков).

Политическая работа в бригаде велась слабо. Политотдел бригады (возглавляемый Валиевым) состоял из русских партийцев, незнавших башкирского языка, что мешало политработе. Поэтому последняя велась более в области урегулирования снабжения (взаимоотношения с населением района боевых действий).

Моральное состояние полков было вполне удовлетворительное: сильная внутренняя спайка, взаимоотношения комполитсостава с красноармейцами—хорошие.

ГЛАВА V.

Борьба с внутренней контр-революцией (1920—1921 г.г.).

Политическая обстановка в Башкирии в 1920 г.

Предоставление башкирскому трудовому народу национального самоопределения — объявление Советской властью башкирского края территориально-автономной Республикой (первая в составе РСФСР) — являлось началом воплощения в жизнь идеи декларации прав нацменьшинств, объявленной Советским Правительством на V Съезде Советов. Целью признания за башкирским трудовым народом прав на национальное самоопределение, осуществленное актом ВЦИК'а от 19 марта 1919 года, являлась необходимость создания более благоприятных условий к свободному экономическому и культурно-политическому росту башкирского трудового народа и этим самым к более безболезненному изжитию национального антагонизма и вражды, как наследия бывшего царского правительства, что в сильной степени являлось препятствием к созданию единой семьи трудящихся. Однако, в объективной обстановке Башкирской Республики, необходимые для этого условия создались не сразу, и первый период советской автономии Башкирии сопровождался рядом осложнений, приведших к кризису Башвоенревкома первого состава.

Для более правильной оценки этого кризиса и связанных с ним последствий, находивших свое нездоровое отражение во всех отраслях политической и экономической жизни Башкирии, необходимо вкратце осветить понимание целей и задач, выдвинутых Советской властью в качестве основного принципа для разрешения национального вопроса в пределах Башкирии, теми группами общественных работников, которые в то время имелись в АБССР.

Главнейших групп было три:

1) группа башкирских работников,
2) группа местных русских работников,
3) группа татарских работников.

Большинство первой группы составляли беспартийные башкирские работники; меньшинство же—башкиры-коммунисты с количественным преобладанием молодых, вступивших в ряды членов РКП лишь после перехода башкирского войска в сторону Советов. Эта группа стремилась отражать интересы башкирского народа в целом. Нация ею принималась, как таковая, без четкого подразделения на существовавшие в ней классовые группы, поэтому ни в ее идеологии, ни в ее практической деятельности не находили в достаточной степени отражения специальные интересы трудящейся части башкир-

ского народа. Исходя из того положения, что башкиры являлись в своей основной массе бедняками—земледельцами, скотоводами и кустарями—и что среди них отсутствовали крупные торгово-промышленные капиталисты и пролетариат,—эта группа не придавала значения классовым группировкам в составе башкирского народа. Кроме того интересы трудового русского крестьянского населения этой группой относились на второй план, при чем такой подход объяснялся тем обстоятельством, что русское население, заселяющее Башкирию,—более зажиточно и культурно и поэтому оно временно, в сравнении с более отсталым во всех отношениях коренным башкирским населением, не нуждается для продолжения своего экономического и культурного роста в особом покровительстве органов государственной власти.

Только под указанным углом зрения башкирская группа могла подойти к положительной оценке самоопределения башкирского народа и оправданию существования территориальной автономии башкирского края. Отсюда вытекало все непонимание и связанное с ним неправильное толкование группой основ и задач национальной политики руководящей Советской властью коммунистической партии. Отсюда же берет свое начало и недостаточно правильное проведение этой группой в жизнь политики Соввласти, что приводило к массе недоразумений между Башревкомом и Центром, в конечном итоге вызвавших отзыв Валидова из Башкирии и бегство Ревкома первого состава.

Вторая группа состояла в своем преобладающем большинстве из молодых русских коммунистов, выходцев преимущественно из крестьянской среды, с очень незначительным составом старых членов партии, выходцев из среды полупролетариата мелких заводов, расположенных на территории Башкирии. Эта группа имела своей базой, главным образом, трудовое русское крестьянство, когда-то колонизовавшее башкирские земли. В идеологическом отношении ее нельзя было причислить к чистым марксистам. В ее представителях очень часто чувствовался русский крестьянин - переселенец, в революционных бурях не изживший полученного в наследие от эпохи царизма своего антагонистического отношения к интересам башкирского трудового населения и не понимавший значения национального вопроса, выдвинутого Октябрьской Революцией. Стремление русского крестьянства выражалось в широком и, в большинстве случаев, в недостаточно обоснованном требовании захвата в его пользу всех, якобы „свободных", башкирских земель и лесов. На этой почве молодые русские партийные товарищи, как указано выше—выходцы из крестьянской среды, неустанно и упорно выставляли принцип нецелесообразности существования автономии башкирского народа, препятствовавшего, по их мнению,

„свободному развитию русского населения". Такой подход к оценке целей и задач национальной политики Соввласти со стороны этой группы тоже сказал несомненное отрицательное влияние на ход развития общественной жизни Башкирии.

Татарская группа („татаро-башкиристы") состояла тоже преимущественно из молодых, вступивших лишь после Октябрьской Революции в партию коммунистов, в своем большинстве из бывших левых эсэров. Эта группа выросла из среды городской и сельской полуинтеллигенции. В идеологическом отношении она отражала интересы татарского полупролетариата и стояла достаточно далеко от знания условий жизни как башкирского, так и русского трудового народа. О национальной политике Соввласти эта группа тоже не имела ясного представления, и поэтому вполне естественно, что она своевременно не смогла учесть всей важности и необходимости рационального проведения начал самоопределения в башкирском крае. Большинство этой группы стояло за создание объединенной Татаро-Башкирской Республики, а меньшинство, бывшее в обстановке Башкирии наиболее активным, совершенно отрицало целесообразность создания национальных Республик. Активностью этого меньшинства умело пользовалось большинство для проведения своих планов. Обе группы объединялись по тактическим соображениям в борьбе с Башкирской автономией. Достаточно подчеркнуть, что представители этой группы с первых дней Октябрьской Революции мобилизовали не только свои, но и общественные силы местной русской группы (видных работников Оренбурга и Уфы) против самоопределения башкир. Ими указывалось, что в Башкирии нет никаких предпосылок к самоопределению, так как башкирское хозяйство слишком отстало, сам народ чрезмерно некультурен, в нем отсутствует пролетариат, и поэтому—в случае признания самоопределения башкирского народа—все руководство его общественной жизнью может оказаться в руках буржуазных элементов, что может служить только на руку контр-революционерам. Подобное отношение этой группы, развивавшей деятельность как в Башкирии, так и вне ее пределов, к вопросам самоопределения башкирского трудового населения не могло не вредить делу укрепления Соввласти в Башкирии.

Политика вышеуказанных трех групп решающим образом влияла на ход событий в крае. Это влияние еще усиливалось тем, что в это время политическая атмосфера в Башкирии была крайне напряжена. Территория Башкирии недавно освободилась от белых банд. Хотя незначительные, но все же некоторые интриги белых находили свое отражение как на окружающих Башкирию районах, так и на самой Башкирии. Валидов, недавний противник Соввласти, в это время играл

доминирующую роль в Ревкоме. Все это крайне сильно озабочивало группы местных русских коммунистов и татаро-башкиристов. Эти группы были сильно обеспокоены тем, что Валидов, проводя только политику защиты интересов одного башкирского населения, стремится к укреплению своего положения и созданию организованной силы, в виде войсковых частей, необходимых для подавления противных ему групп и в нужных случаях, по их мнению, для противопоставления силе Соввласти. Обе группы хотели этим сказать, что Валидов только под напором башкирского трудового народа и под психологическим впечатлением неизбежности провала всяких затей контр-революции против Рабоче-Крестьянской власти, вынужденно перешел на сторону Советов и готовится в первый же удобный момент выступить против последних с оружием в руках.

В силу этого же обстоятельства последние две группы открыли беспощадную совместную борьбу против башкирской группы, выражавшуюся в первую очередь в стремлении захватить в свои руки аппараты органов ЧК, войсковых частей и других партийных и советских органов и посредством тенденциозной информации центральных органов РСФСР скомпрометировать деятельность башкирской группы. Ошибки этих групп заключались в том, что они, стремясь скомпрометировать Валидова с несколькими его приверженцами и этим самым самим притти к власти, направили свою борьбу почти против всей башкирской группы работников, не исключая коммунистов-башкир. Они не учитывали того, что все же подавляющее большинство башкирской группы твердо и бесповоротно в вопросах государственного строительства Башкирии придерживалось советской платформы. Впоследствии это же большинство, получив надлежащее воспитание, превратилось в стойких членов партии, не раз доказавших свою преданность идеям коммунизма. Кроме того эти две группы в своих политических и хозяйственных мероприятиях опирались преимущественно на русский полупролетариат и русское трудовое крестьянство и в то же время пренебрегали башкирскими трудовыми массами—как отсталыми и некультурными.

Этот поход групп местных русских работников и татар вызвал решительное сопротивление со стороны башкирской группы. Как указано было выше, руководящая часть башкирской группы силилась представлять интересы всего башкирского народа, как компактной нераздельной единицы, и поэтому стремление двух противных ей групп, выражавшееся в ограждении интересов городского и заводского полупролетариата и русского трудового крестьянства, с их желанием захватить башкирские земли и леса, понималось и толковалось, как пренебрежение всякими интересами основного населения края—башкир.

Считая крайне ненормальным и вредным характер деятельности враждебных ей групп, башкирская группа для борьбы с ними тоже освещала их работу перед центральными органами в своеобразных красках и требовала от центра санкции своих действий.

В частности для ослабления работы „татаро-башкирской“ группы, Башревком дал приказ об аресте наиболее активных ее представителей, и в силу этого приказа некоторые татаробашкиристы (ликвидаторского толка) во главе с Гали Шамигуловым были арестованы.

Факт ареста по своему освещался каждой из групп перед Центром, но центральные партийные и правительственные органы, не одобряя этого факта, приняли решение об отзыве из Башкирии представителей Центра Артема, Самойлова, председ. башревкома Юмагулова и затем Валидова.

Председатель Башревкома первого состава т. Х. Юмагулов.

После отзыва Юмагулова и Валидова, часть правительства Башкирии приняла решение о сложении своих полномочий и уходе из Башкирии. Эта часть Башревкома, совместно с некоторыми работниками Областного Комитета Партии 20 июня 1920 г. устроила в дер. Усманово нелегальное совещание, где была принята следующая декларация: „Ввиду великодержавных русских тенденций, всячески тормозящих развитие нацменьшинств, недоверия Центра к башкирским коммунистам,—башкирские ответственные работники покидают Башкирию, уходят в Туркестан для создания там самостоятельной восточной коммунистической партии, объявив Башкирский Областной Комитет частью таковой, при чем восточная компартия должна состоять членом Коминтерна. Цель ухода—ни в коем случае не поднимать народных масс против Соввласти, а лишь оставлением постов протестовать против русского шовинизма“.

Таким образом пал и ушел из Башкирии Ревком первого созыва. Подавляющее большинство работников башкирской группы осталось на своих местах и продолжало свою работу. Среди населения уход правительства создал довольно сильное впечатление, и оно осталось в недоумении. Обстановка для него становится совсем непонятной. Башкирские войсковые части, находившиеся в то время на территории Башкирии (запасные части, конвойные, комендантские, милицейские команды) в неорганизованном порядке стали покидать казармы и с оружием в руках расходились по домам.

Организуется новый Ревком из представителей татарских и русских коммунистов, во главе с Гали Шамигуловым. Следует отметить, что новый Ревком в кругу башкирских масс не пользовался популярностью. Кроме того, побег старого правительства и возникновение нового Ревкома в глазах русских и башкирских, отсталых в культурно - политическом отношении, масс означали поражение одной и победу другой национальности. Отсюда—усиление национального антагонизма, выразившееся в частичных столкновениях между русскими и башкирскими селами, в самовольных захватах башкирских земель русскими.

Итак, политическая обстановка Башкирии осложнилась, и создалась благоприятная почва для интриг и возникновения всяких политических недоразумений. Новый Ревком приступил к борьбе с беспорядками и к ликвидации „валидовщины". Посылаются в глубь Башкирии отряды для ловли дезертиров и сохранения общественного порядка, но эти отряды (Поленов, Руденко и друг.) сами явились источниками беспорядков. Под видом искоренения из башкирского населения „валидовщины" они применяли, без ведома Ревкома, различные репрессии, выражавшиеся в конфискации имуществ, арестах и расстрелах башкир. Все это сильно раздражало башкир и создало почву для поднятия голоса мирных жителей против произвола. В результате этого выросла симпатия со стороны некоторых слоев населения к ушедшему правительству и нарождалось недовольство новым Ревкомом, используемое в значительной степени реакционными муллами, кулаками и русскими контр-революционерами в своих целях. Пользуясь таким недовольством башкирского населения против отрядов Поленова и Руденко, в лице коих население видело представителей Ревкома (хотя последним они и не могли быть уполномочены на такой произвол), авантюристы типа Хужиахмета Унасова и Выдрина (казачий офицер) открыто выступили против Соввласти и стали вербовать своих сотоварищей. Однако, по недоразумению частично и трудовое население, принимая в лице Поленова и Руденко представителей Соввласти, присоединялось к недовольным, и, таким образом, в сентябре 1920 года началось довольно

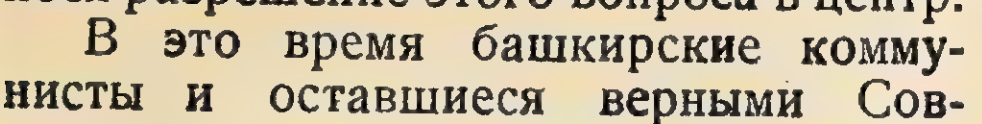
внушительное по своему размеру восстание, охватившее почти все южные и северные кантоны Башкирии.

В это время находившийся в подпольи (бывший при Ревкоме первого состава председателем БЧК) Мурзабулатов, учитывая серьезность восстания и руководства им бандитами и контр-революционерами (Выдрин, Луконин, Хужиахмет, Унасов), решился присоединиться к ним—с целью устранить руководителей восстания бандитов, контр-революционеров и подозрительных лиц и начать немедленно переговоры с Ревкомом о безболезненной ликвидации восстания и беспорядков, имевших место в то время в Башкирии.

т. Сулейман Мурзабулатов.

Поленов и Руденко и некоторые другие местные работники совершенно неправильно информировали Ревком о причинах возникновения восстания, почему в самом Ревкоме возникло два течения—одно из которых, опираясь на информацию Поленова – Руденко и других, признавало правильность действий последних, а другое, во главе с т.т. Мостовенко и Лобовым, всецело считало информацию Поленова — Руденко тенденциозной и осуждало действия последних, одновременно перенося разрешение этого вопроса в центр.

В это время башкирские коммунисты и оставшиеся верными Совласти беспартийные работники, принимая на себя ответственность, приступили к ликвидации восстания путем организации башкирских добровольческих красных отрядов и агитации. Ядром для этих добровольческих частей послужили отряды красноармейцев и комсостав, вернувшиеся в кратковременный отпуск с польского фронта.

Главные усилия последних были направлены к тому, чтобы в глазах башкирского населения представить возникновение столкновения не только борьбой двух национальностей. В этом отношении большую роль сыграла замена русских карательных экспедиций башкирскими отрядами.

Часть повстанцев к этому времени уже искала путей к примирению. 5 сентября 1920 г. их руководители в лице Мурзабулатова, Расулева, Сафаргалина—обратились к приехавшему в отпуск с польского фронта комбригу Муртазину с просьбой дать совет, как выйти из тяжелого положения внутренних национальных противоречий между башкирами и русскими, доказать Советскому правительству их искреннее желание помощи в изживании создавшейся болезненной обстановки. Одновременно они просили Муртазина убедить пра-

вительство в необходимости, в целях ликвидации все разжигающегося шовинизма, вывести из территории кантонов Башкирии русские отряды.

Во время совещания Муртазина с руководителями повстанческого движения Башкирии в дер. Кучуково Тамьяно-Катайский кантонный исполком прислал ему представителя с приглашением прибыть в исполком для совместного обсуждения вопроса о методах борьбы с восстанием.

10 сентября на чрезвычайном пленарном заседании кантисполкома Муртазин указал на ошибочный подход исполкома к населению и энергично настаивал на срочном принятии, в целях скорейшей ликвидации восстания, следующих положений:

1. Подавлять контр-революционные вспышки следует не русскими войсками, терроризирующими население и участие которых в карательных экспедициях используется врагами Совласти для разжигания национального антагонизма, а башкирскими частями, что должно сразу лишить борьбу характера войны двух национальностей. Поэтому следует немедленно отозвать с территории кантона русские экспедиционные отряды.

2. Всех башкир, втянутых событиями дня в повстанческие отряды и не совершивших уголовных преступлений,—амнистировать. Всех, подлежащих мобилизации, не разоружая, направить на польский фронт для пополнения башкавбригады.

3. Для изжития национального антагонизма все советские и партийные органы должны иметь в своем составе партийных и советских работников-башкир.

4. Создать следственные комиссии по изучению причин и условий вспыхнувшего восстания. Виновных, независимо от их национальности и общественного положения,—предать суду. Призвать население Башкирии под знамя мира и братства, для чего выпустить соответствующие агитлистовки, которые должны быть написаны на башкирском языке и скреплены подписями кантисполкома и Муртазина.

5. О данных предложениях немедленно сообщить в Областной комитет в Стерлитамак, откуда просить срочного их подтверждения.

Предложения Муртазина были приняты единогласно.

Но пока кантисполком развивал свою работу, черные стаи контр-революции вербовали со всех окраин Башкирии темные, легко воспламеняющиеся агитацией мулл и кулачества, отряды партизанщины. Именем Аллаха и ошибками совпарторганов события раздувались в сильное брожение всего народа Башкирии, и громадный призрак новой междоусобной бойни навис над Башкирией.

Учитывая важность момента, Муртазин принялся за срочное формирование отряда башкирских красных частей, в целях удушения контр-революции в ее начале, тем более,

что Мурзабулатов действовал крайне вяло и особенно надеяться на его помощь уже не приходилось.

Для ликвидации контр-революционных шаек Выдрина, Хужиахмета, Унасова, Луконина и других был сформирован отряд, в ядро которого вошли фронтовики (27 человек с польского фронта). К этому ядру примкнули местные беспартийные работники, крестьяне-бедняки, середняки и даже молодые муллы. Вскоре к нему присоединился отряд Фролова (30 человек, 1 пулемет). В первое время в районе не имелось других сил.

24 сентября у дер. Кутуевой (см. сх. № 36) отряд вступил в бой с бандами башкир и казаков. Отряд занял дер. Кутуеву, окруженную горами. Повстанцы в числе 600 человек, сагитированные контр-революционными муллами и казаками, окружили красный отряд. Последний занял сопку юговосточнее деревни, обеспечив себя справа и слева пехотными группами, направив конные группы против эскадрона, наступающего из дер. Байрамгуловой, взял в плен часть эскадрона и потом нанес удар группе, наступающей с запада. Противник отступил с потерями. Благодаря агитации и ошеломляющему успеху действий отряда Муртазина часть башкирских повстанцев перешла на сторону красного отряда.

В конце сентября банды под командой Выдрина произвели налет на Златоуст.

У дер. Веселовки (в 40 верстах сев.-западнее Златоуста) банда Выдрина с тяжелыми потерями уходит из окружения; часть повстанцев-башкир присоединяется к красному отряду, часть (с Ф. Магасумовым) уходит в горы. Советский отряд стал насчитывать 60 человек.

В начале октября в районе Казаккуловой оперировала шайка повстанцев (80 человек) и велась противо-советская агитация (реакционный мулла Сагит). Советский отряд стал преследовать ее через дер. Узунгулову—Ускуль—Мурокаево; здесь происходит незначительная стычка, где Г. Хакбердин (краснознаменец) попадает в руки бандитам, которые его немедленно расстреливают; это подействовало на отряд, энергично преследовавший шайку бандитов на юг.

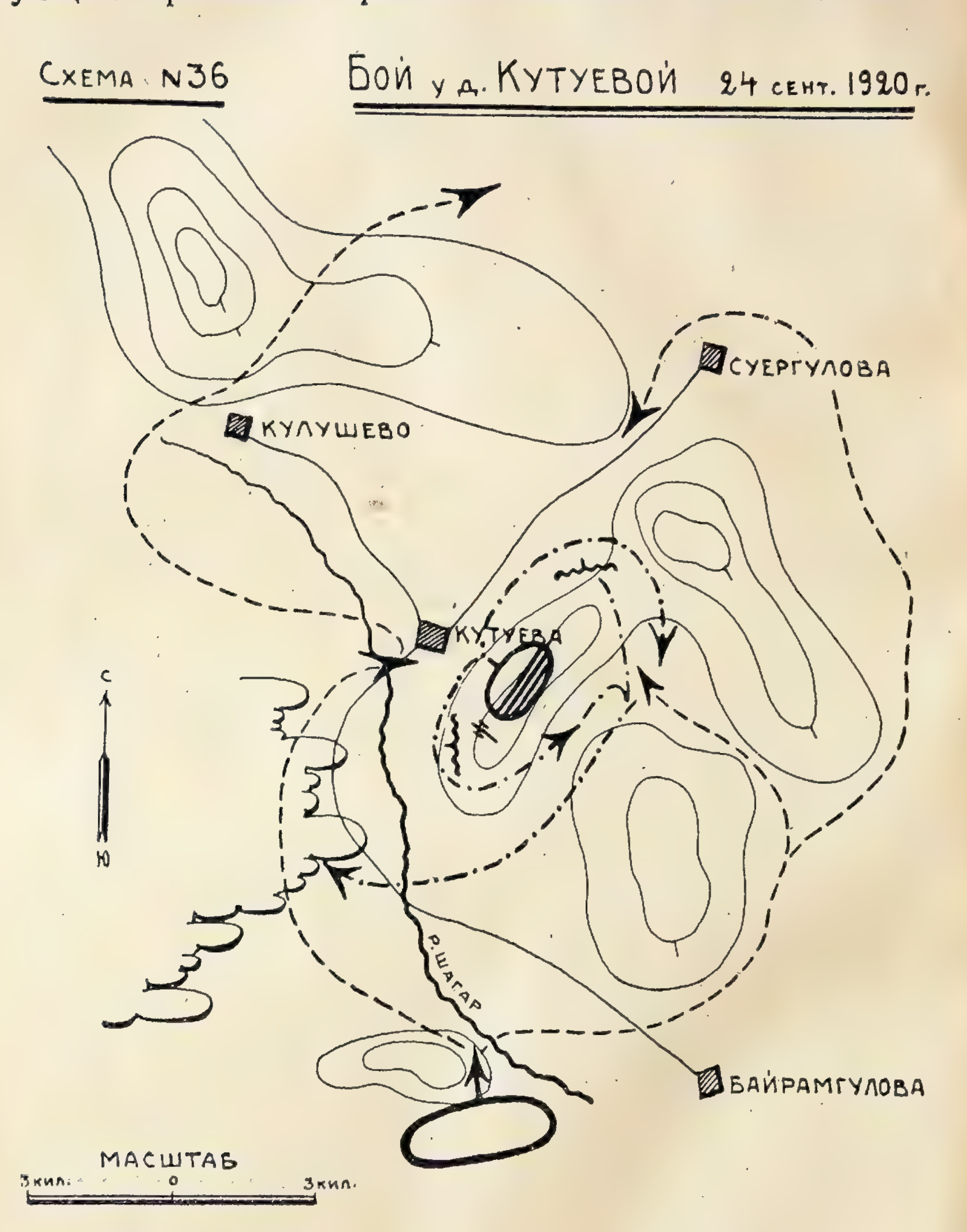
25 октября в дер. Аюсазовой к отряду Муртазина присоединился Ломовский отряд Г. Масялева (15 человек русских) с одним пулеметом.

В ночь на 26 октября отряд сделал налет на дер. Юламанову, занятую бандитами из шайки Зайнуллина—Хужиахмета Унасова. Шайка отступила, но на другой день атаковала деревню. В бою советский башкирский отряд захватил 100 человек и 25 лошадей.

26[1]— происходит бой у пос. Смелой[2]. Противник в числе

[1] Дневник командира отряда Муртазина.
[2] 10-в. карта, лист 144 (район Верхнеуральска).

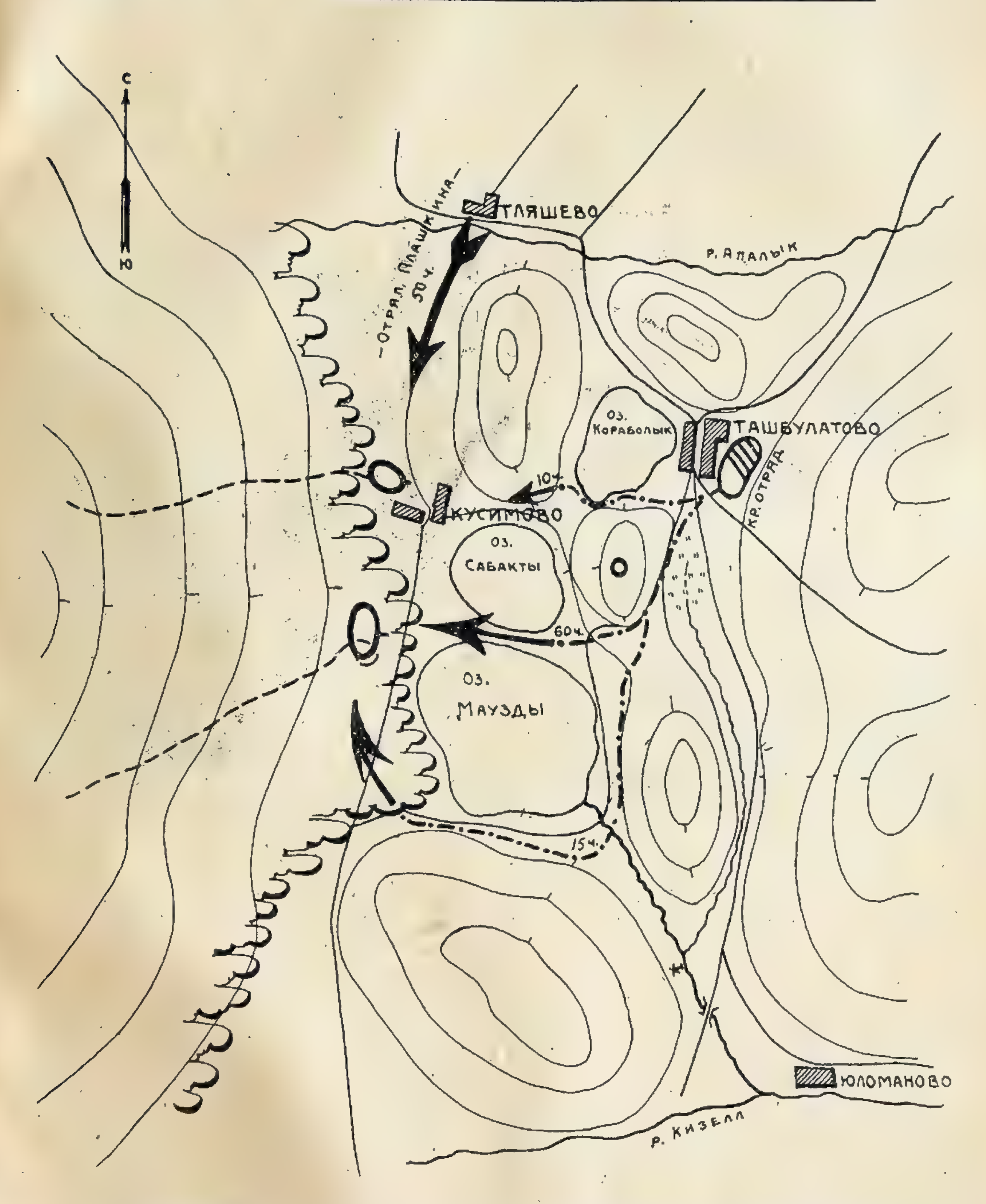
около 1.500 человек (вооруженных—500) утром переходит в наступление на дер. Аюсазову и Смелую, занятые совотрядом (в дер. Смелой стоял отряд в 50 чел. пехоты т. Плашкина). Отряд наступает к пос. Смелой, чтобы заставить атакующего противника пройти по пахотным полям и утомить

лошадей. В результате атаковали только 200 всадников на широком фронте (4 в.). Отряд Плашкина обеспечивает левый фланг, а отряд (конный) Муртазина атакует его левый фланг и захватывает более 100 человек пленных; остальные отступают к дер. Кусимову и Салаватову.

В дер. Кусимовой шайка была окончательно разгромлена и разложена. Большая часть повстанцев-башкир перешла на сторону советского отряда; главари скрылись (см. схему № 37).

Схема N 37 Бой у д. Кусимовой 27 окт. 1920 г.

Приезжает т. Симонов (назначенный командующим по усмирению восстания), который, однако, поручает ликвидацию восстания башкирскому (советскому) отряду; такая политика дала положительные результаты в ликвидации восстания.

Из отряда формируется уже дивизион (конный), с подчинением его В.О.Х.Р. и окончательная ликвидация восстания возлагается на него. Оставшиеся еще в горах контрреволюционные отряды (Зайнуллина, Хужиахмета Унасова и Выдрина) присоединяются к кулацкому восстанию (русскому) в Кананикольске, и дивизион участвует в его ликвидации.

Между тем, по представлению т.т. Мостовенко и Лобова центр принял решение об отзыве из Башкирии т. Шамигулова с его группой и поручил ликвидацию восстания т.т. Мостовенко, Лобову и Мансыреву, вовлекая в эту работу более широкие круги башкирских коммунистов и беспартийных

Президиум Башкир. ЦИК (конец 1920 и начало 1921 гг.). Сидят слева направо: т.т. А. Биишев, Пирожников, П. Зудов, М. Мансуров, Викмам, М. Халиков. Стоят: т. т. Саид-Бурханов, Тизанов, М. Муртазин, Ахлов и Голодович.

работников. Указанные товарищи энергично приступили к переговорам с Мурзабулатовым о ликвидации восстания, почва для которых уже была в значительной степени подготовлена решительными действиями работников Тамьяно-Катайского кантона против контр-революционных банд Выдрина, Луконина, Хужиахмета Унасова с его кулаками и муллами.

Переговоры шли успешно, и 26 декабря 1920 года заключается официальное соглашение между представителями Башревкома—т.т. Мостовенко, Карамышевым, Гиреем Идельгужиным и представителями повстанцев—Мурзабулатовым и Сафаргалиным. В силу этого восстание было ликвидировано,

представители повстанцев возвратились в гор. Стерлитамак и начали принимать участие в советском строительстве.[1]

Несколько позже башкирские работники, ушедшие с Валидовым (кроме его самого и Ишмурзина), возвратились и заняли административные посты.

В феврале 1921 года вспыхнуло восстание в Петропавловске (Зап. Сибирь). По приказу РВСР башкирский конный дивизион (в марте 1921 года) был направлен в Петропавловск, где поступил в распоряжение 2-й кав. дивизии. Дивизион имел состав: 2 эскадрона — 300 сабель, 1 пулемет (к-р дивизиона т. Абдурахимов).

Нач-к команд. курсов т. К. Низамединов.

В районе Петропавловска Башдивизион втечение целого месяца вел бои с восставшими казаками и способствовал ликвидации восстания. После подавления последнего дивизион был отведен в резерв (2-й кав. дивизии) и был разбит поэскадронно по полкам дивизии.

В марте месяце 1921 года в г. Стерлитамаке формируются Башкирские командные курсы нормального типа (3-годичные). Цель курсов определялась так:

1) Будущие национальные башкирские формирования должны иметь командный состав из рядов прошедших школу гражданской войны башкир. Имеющие боевой опыт и знающие быт и традиции своего народа, они будут на высоте своего дела, и служба их после курсов для пользы Красной армии будет незаменима.

2) Окончившие курсы, ушедшие по демобилизации или болезни домой командиры дадут отличных агитполитпросвет- и партработников местам: в их лице республика ежегодно получает около 500 отличных работников волостного и сельского масштабов, что для молодой Башкирии особенно важно и ценно.

В июне 1921 года Башчасти еще участвуют в разгроме банды Охранюка. Последний разгромил конный запас (в д. Ермолаевке) и подходил (500 сабель) к Стерлитамаку.

---

[1] Главари бандитов Хужиахмет Унасов, Зайнуллин и др. расстреливаются Мурзабулатовым.

Для борьбы с ним в с. Зергани (в запасном полку) был сформирован баталион, в Стерлитамаке—конный эскадрон (96 сабель), который выступил против Охранюка. К последнему присоединилась банда Ф. Магасумова. Втечение двухнедельных боев отряд Охранюка был разбит на голову. Башчасти возвратились в Стерлитамак.

Это было последнее выступление Башкирских красных частей в гражданской войне.

Заключение.

Характер событий гражданской войны.

Слишком мало времени прошло со времени бурных революционных событий, развернувшихся в Башкирии, чтобы представилось возможным дать их исчерпывающий анализ и полное освещение. Тем не менее, можно наметить несколько основных линий, по которым эти события развертывались.

Долгие годы царизма оставили свое печальное наследство: национальный антагонизм между основным населением края—башкирами, с одной стороны, и элементом пришлым—русскими переселенцами—с другой. Великодержавный гнет старого русского правительства и постепенное отчуждение башкирских земель из пользования башкирского населения подготовили почву к тому, что ко времени гражданской войны национальный вопрос в Башкирии стоял много острее, чем в ряде других окраин Союза, населенных национальными меньшинствами.

Обостренность национального чувства башкир была в свое время отмечена В. И. Лениным, который, докладывая на VIII Съезде РКП по национальному вопросу, указал, что „башкиры имеют недоверие к великороссам, так как последние более культурны и использовали свою культурность, чтобы грабить башкир. Поэтому имя великоросса для башкир означало—мошенник".

Национальный вопрос осложнялся в Башкирии еще дезорганизующим вклинением во взаимоотношения между башкирами и русскими татарских деятелей—панисламистов и пантюркистов (в большинстве своем вышедшие из буржуазной среды), которые, желая видеть башкир в составе общего мусульманского объединения, заняли враждебную позицию по отношению к башкирскому движению за территориальное самоопределение.

В разгар гражданской войны на Урале политическая обстановка была чрезвычайно сложной и неопределенной. Башкирия попадает в фронтовую полосу, делается театром военных действий и становится под угрозу быть базой для выкачивания людских и материальных рессурсов со стороны

воюющих группировок. Поэтому понятно и основное стремление руководителей башкирского автономного движения того времени: какой угодно ценой создать и сохранить военную силу, как единственное орудие самозащиты от посягательств на башкирское самоопределение. Это обстоятельство следует учесть при оценке отношений башкир к Соввласти и к белым.

С другой стороны нельзя упускать из виду целый ряд объективных условий, которые делали фактически невозможным быстрый и бесповоротный переход башкир на сторону Советов. Часть местных русских советских работников определенно отрицала целесообразность самоопределения мелких национальностей, как необходимого переходного этапа в советском строительстве, и была враждебна идее башкирской автономии. Часть местных советских деятелей была недостаточно знакома с национальной политикой Центра и с самым характером башкирского движения. Все это создавало благоприятную почву для козней явных и скрытых пантюркистов и панисламистов против башкир, „осмелившихся“ мечтать о своей сепаратной от прочих тюрков автономии. Местные советские работники, введенные в заблуждение ложной информацией пантюркистов и панисламистов, начали репрессии против руководителей башкирского движения и башкирского населения в целом, что вызвало временный перелом в отношении к Советам со стороны башкир, искреннее желание которых соединиться с Соввластью не встретило откликов у Советов.

После объявления Советской автономии Башкирии вражда сложившихся в период гражданской войны группировок (башкирской группы, с одной стороны, и русской и „татаро-башкирской“—с другой) продолжается и принимает форму борьбы за овладение советским государственным аппаратом Башкирии. В этой частично явной и частично скрытой борьбе обе стороны в достаточной степени перегибают палку, что и приводит к тем столкновениям, которые имели место в 1919—21 г.г. и которые были устранены лишь компетентным вмешательством Центра.

Политика Центра при ликвидации осложнений 1920 г. имела несомненно крупное значение в деле изжития векового недоверия между национальными группами в Башкирии. Принятый метод подавления контр-революционного движения башкир силами самих революционно настроенных башкирских масс оказался чрезвычайно плодотворным. Восстание, грозившее принять широкие размеры при его подавлении русскими карательными отрядами, быстро затухает при передаче борьбы с ним башкирским частям. Здесь с достаточной ясностью выясняется, что та „оппозиция“ башкир советскому строю, о которой говорили представители группировок, в силу непреодолимых исторических причин ставших во враждебное отношение к башкирскому движению, объяснялась нередким

смешением в сознании отсталого башкирина понятия Советской власти с понятием власти над башкирами русского населения, рассматриваемой сквозь призму старых исторических воспоминаний о вековом угнетении.

Все время растущее осознание башкирским трудовым народом сущности Советской власти и сущности его взаимоотношений с русскими трудовыми массами и трудящимися других национальностей—все дальше и дальше отодвигает воспоминание о национальных распрях и все больше и больше укрепляет их трудовой союз...

Характеристика боевых работ.

Характеризуя действия башкирских частей в гражданской войне, нужно указать на следующие достоинства и недостатки их боевой работы.

Штабная служба в полках бригады и дивизии организована была слабо.

Это объяснялось тем, что части формировались в самых тяжелых условиях и доформировывались уже во время боевых операций; штабных сотрудников не хватало, и весь штаб, неся потери в своих сотрудниках от боев, болезней, часто ограничивался начальником штаба или адъютантом (так было в Башгруппе на Петроградском фронте, где боевые действия полков носили полупартизанский характер).

Служба разведки и связи была не на должной высоте, благодаря чему башкирские полки иногда попадали в тяжелое положение (окружение казаками башкирских полков у пос. Акбулак 10 октября 1919 года на Уральском фронте, окружение и уничтожение батальона 3-го Баш. стрелкового полка у дер. Иляпурского на Петроградском фронте 31 декабря 1919 года, окружение поляками 1-го и 27-го Башкирского кавалерийских полков в бою у д. Суск 24 июля 1920 года на Польском фронте).

Тактика.

Характерным тактическим способом действия башкирской конницы являлись—связывание на фронте и обход обоих флангов противника, что всегда давало положительные результаты. Интересен маскировочный прием Башкирской конницы при подходе к противнику—подведение эскадронов в виде табунов, маскируясь стадами скота. Башкирская кавалерия умело действовала и в комбинированном и пешем строю. Внесение решительности в свои действия делало конницу башкир серьезным противником не только казачьей конницы, но и польской пехоты. Элемент внезапности полностью использовался башкирскими командирами—конниками; это отмечалось как в боях с уральским казачеством, являющимся серьезным противником в малой войне (удачные бои Башбригады у д. д. Нефрашанка, Курмантай и др.), так и на Польском фронте, где боевой успех часто достигался внезапностью,

Для достижения внезапности Башчасти пользовались ночной темнотой.

Решительность башкирских полков в таких операциях, как форсирование Днепра, Стыри, соблюдение тактического принципа—предварительного захвата плацдарма на противоположном берегу реки; умелое пользование простыми (рыбачьими) лодками, присутствие командиров всегда впереди—все эти моменты давали успех операциям.

При развитии прорыва, когда люди и лошади полков истощались, распоряжением командования создавался сводный отряд из полков (с легкими пулеметами), под командованием лучшего комполка и бросался в бой.

Необходимо отметить удачное взаимодействие башкирских конных полков со своей пехотой (прорыв Башкавбригадой кольца окружения 434-го пехотного Советского полка в бою у дер. Чунгай, 25 октября 1919 года на Уральском фронте).

Управление. Характерно, что управление войсками чаще всего ограничивалось устными приказаниями сверху вниз (от комбрига и ниже), что давало выигрыш времени, так необходимый в каждом бою.[1]

Неправильное использование конницы. Надо отметить случаи неправильного использования башкирской конницы в руках пехотного командования (атака башкирскими полками укрепленной позиции, когда своя пехотная бригада стоит сзади); самый факт подчинения 3-полковой (отдельной) кавал. бригады пехотной бригаде являлся непониманием правильного использования конницы.

Башкирские красные полки имели комсостав, который выдвигался в гуще боевой работы с самых низов: комсостав, не обладавший большими знаниями ратного дела, но с сильной волей и большим революционным подъемом. Со слабой техникой, плохо одетые, часто босые, башкирские полки беззаветно умирали за власть Советов...

Раскрывая скрижали истории Башкирии и ее войск и резюмируя все сказанное выше, мы видим, что башкирский народ играл не малую роль во многих выступлениях русского правительства и русского народа.

С башкирами восстал Пугачев против русского феодализма, потрясши Екатерининскую эпоху. В 1814 году башкиры поили своих лошадей в Сене (Париж), участвуя во многих сражениях кампании 1812—14 годов.

Но самое главное, что в борьбе за революцию, в операциях советских армий, Башчасти сыграли активную роль. В операциях IV армии, Башкавбригада, действуя на левом фланге армий, содействовала разгрому казачьего корпуса

---

[1] Этот же факт явился причиной частичного отсутствия письменных следов (в наличных архивах) о действиях Башполков.

ген. Толстого, остатки которого после этого покинули Урал. На Петроградском фронте, в упорных боях VII армии, Башгруппа, неся в удачных и неудачных своих боях большие потери, содействовала общему успеху операций. И, наконец, на Польском фронте Башкирская кав. бригада с успехом выполняла крупное стратегическое задание—из состава XII армии первая форсировала Днепр и отрезала пути отступления Киевской группе противника, взрывая мосты и ж.-д. полотно на его пути, преследуя последнего (упорную, стойкую польскую пехоту) вплоть до Ковеля, Грубешова и Холма, с боем захватывая ценные трофеи и пленных.

Сыны трудовой Башкирии, участвуя во всех гражданских фронтах, борясь за утверждение молодых Советских республик и за мировую революцию, перевернули еще одну из золотых страниц своей истории—боевую—и перешли к следующей—мирному труду и социалистическому строительству...

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1.

Оперативная сводка Комбрига 1, 20 Пензенской дивизии.

— Сообщаю копию военно-оперативного приказа по башкирским войскам № 4, штаб башкирского войска, д. Темясово, 16/II 1919 г. 14ч., карта 10 верст в д., § 1. Противник занял зав. Кананикольский и повел усиленное наступление на д. Темясово; противник имеет целью уничтожить всю живую силу; § 2—наши части 2-й дивизии занимают фронт по долине р. Белой и устье р. К. Части 1-й дивизии сдали свои позиции и отошли на 3 линию. Приказываю: 1-й дивизии (штаб-ротм. Имурзин) немедленно произвести перегруппировку частей, закончив ее к 17 часам 17/II; штабу дивизии: прибыть в д. Иткулово вторую и главными силами в количестве 2-х бат., в Бачмово—2-й стрелковый полк (штаб-рот. Искаков) занять главными силами д. Аншабаево. 4-й стрелковый полк (штабс-капитан Байрошевский) занять главными силами д. Таулыкаево. Конному отряду Тагирова занять д. Иткулово вторую. 3 и 6 эскадрону 2-го кавполка поступить в распоряжение ком. 2 кав. полка и начдива 2-й башкирской, для чего немедленно выступить в д. Темясово. 2-й дивизии (штабс-капитан Габайдулин) немедленно произвести следующие перегруппировки частей: все перегруппировки, за исключением 1 кав. и 3 стрелкового полка, должны быть закончены к 17 часам, 17/II, штабу дивизии прибыть в Темясово; 2 кав. полк (штабс ротм. Алишев) занять 3 эскадроном д. Темясово, остальным 3 эскадронам д. Исяново, кои вместе с 5 полком составят войсковой резерв, 5 стр. полк (подполк. Цветков) занять со штабом Габидулино, где совместно с 3 эскадроном 2 полка составить войсковой резерв. 1 кав. полку (Муса Муртазин) занять д. Таирово. 6 стр. полку (поручик Терегулов) занять д. Белялово. Об исполнении данного приказа немедленно доносить в штаб башкирских войск д. Темясово.

Подлинный подписал командующий башкирскими войсками *Валидов*, за начштаба *Алкин.*

Комбриг 1 *Зеленков.*
Политком *Сидоров.*

№ 0478, 18/II 1919 г.

Архив Красной армии, дело № 231—411.

Приложение 2.

Командиру № 1 бригады тов. Зеленкову и политкому той же бригады тов. Сидорову.

20/II 1919 г.
17 ч. 45 м.

Штаб башкирских войск д. Темясово, карта 10 в. дюйм.

На основании соглашения между командующим башкирскими войсками Валидовым и представителем 1 Советской армии тов. Зеленковым, башкирские войсковые части, за исключением 2-го кавалерийского и 4-го стрелкового полков и комендантской роты при правительстве, должны немедленно

сдать все оружие советским частям. Во исполнение данного соглашения приказано: 5-му стрелковому полку выступить в 18 часов 19/II 1919 из д. Нургалино в з. Кананикольский, где сдать оружие. 1-му стрелковому полку выступить в 15 часов 20/II 1919 из д. Темясово в д. Альмясово через р. Кананикольскую, где сдать оружие. 6-му стрелковому полку выступить в 18 часов 20/II 1919 из д. Белялова в д. Муллагулово, что на реке Белой через д. Атикова, где и сдать оружие. 2-му стрелковому полку выступить в 8 часов 21/II 1919 из д. Аикбаева в д. Султангуловой и Сиксенбаевой через з. Кананикольский, где и сдать оружие. Запасному полку выступить в 18 часов 21/II 1919 из д. Муллакаево в м. Сирыаскарова через д. Атикова, где и сдать оружие. Штабу первой дивизии выступить в 15 часов из Иткулово, 2-я в д. Альмечева. Штабу второй дивизии выступить в 18 часов 21/II 1919 из д. Темясово в д. Юмагузина. Штабу войск, за исключением оперативного отдела 22/II 1919 выступить в з. Кананикольский. Команды при штабах дивизии должны двигаться со штабами дивизий.

Таким образом временно оставлен, за исключением указанных соглашений, еще первый кавалерийский полк и оперативный отдел штаба башкирских войск. Причиной этому является активное действие со стороны казаков против наших частей. Противник сделал набеги на деревни Исамбетова и Мрясова, скопляют крупные силы (особенно конницу) в станице Кизильской и, по сообщению жителей, один полк в Т. Баймак. В д. Исанбетово произошло столкновение наших разъездов с разъездами казаков. Затем сообщаю, что казаки начали усиленно терроризировать башкирское бедное население, около казачьей территории. Наши части уже перешли в активную борьбу с контр-революционными казаками. Все это заставило меня временно оставить и 1-й кавалерийский полк и оперативную часть башкирских войск.

Считаю необходимым присылку сюда, в д. Темясово, политического представителя Советской армии.

За командующего башкирскими войсками *(Ахлов).*

Приложение 3.

Приказ по башкирскому войсковому управлению и башкирскому войску.

21 октября 1918 года г. Оренбург.

§ 1.

Объявляю для руководства и исполнения следующие телеграфные распоряжения Штаба Верховного Главнокомандующего.

1. Оренбург, Председателю Правительства Башкирии Бикбову, копия Председателю Башкирского Военного Совета Валидову, копия Челябинск Главкозак генералу Сыровому, Оренбург Атаману Дутову, Уфа Управляющему Военным Ведомством генералу Галкину, № 13 Омск 16 октября. Ввиду недостатка финансовых средств дальнейшая мобилизация прекращается. Сформированные дивизии из башкир входят в организационные русские единицы. Мобилизация башкир входит в общий план мобилизации. Все распоряжения объединяются атаманом Дутовым. Отпуск кредитов на содержание Башкирского Военного Совета и Штаба Башкирского корпуса прекращается. 32 Наштаверх ген.-лейт. Розанов. Верно: Генерального Штаба полковник Леонов.

2. Оренбург, Атаману Дутову, копия Оренбург, представителю Военного Отдела Правительства Башкирии, Челябинск Наштафронта генералу Дидерикс. Омск. 19 октября. Разрешение всех вопросов формирования, укомплектования и обучения башкирских частей первой башкирской дивизии, находящихся в пределах Оренбургского округа, предоставляется командарм ген.-лейт. Дутову. Башкирские полки первой дивизии, выполнявшие оперативные задачи в армии генерала Чечек, и будут постепенно, в зависимости от обста-

новки, включаться в те войсковые составы, которые действуют распоряжением Главкома генерала Сырового и атамана Дутова. Вследствие финансовых затруднений формирование 2-й башкирской дивизии прекращается. № 102, Наштаверх ген.-лейт. Розанов. Верно:

Генкварверх подполковник Леонов.

Согласно вышеприведенных распоряжений все (13) тринадцать управлений Кантонных башкирских воинских начальников, Башкирское Войсковое Управление, Башкирский Военный Совет, Штаб отдельного Башкирского корпуса, штаб 2-й башкирской стрелковой дивизии упраздняются.

Все дела формирования, укомплектования, обучения башкирских частей, а также управление этими частями всецело передаются командующему армией генералу Дутову. Все дело вышеперечисленных башкирских учреждений, их имущества, личный состав, также башкирская войсковая типография переходят в распоряжение генерала Дутова.

§ 2.

Ликвидация всех дел башкирских военных учреждений поручается исп. обяз. помощника начальника Башкирского Войскового Управления полковнику Янишевскому.

Начальник Башкирского Войскового Управления (подпись).

Старший адъютант, штабс-капитан (подпись).

„Известия Башк. Обл. Ком. РКП(б)". 1 апреля 1922 г. № 1—2.

Приложение 4.

Разведсводка от 14 февраля 1919 года.

12 февраля прибыли в штаб 1-й бригады представители Башкирского правительства и войска совместно с нашими представителями для выяснения результатов переговоров депутации, отправившийся в Уфу по вопросу взаимоотношений между Башкирскою и Советскою властью.

Сообщаю копию постановления: Башкирский народ в лице правительства Башкирии, представителей отдельного Башкирского революционного корпуса, состоящего из 5 стрелковых и 2 кав. полков, выслушав доклад Мулладжана Халикова, делегированного в Советскую Россию для переговоров с Советской властью, и протокол Советского заседания представителей Уфимского Ревкома от 13 января 1919 года, постановил: немедленно войти в окончательные переговоры с местными руководителями и центральными органами Российской Соц. Ф. С. Р. на предмет заключения определенного и формального договора по вопросу Башкирии и взаимоотношении ее к Советской власти. Условия договора должны быть такие, каковые были приняты правительством Башкирии на заседании 21 ноября 1918 г., а именно:

а) Башкирское правительство и Башкирские революционные войска обязуются: 1) немедленно по установлении данного договора прекратить военные действия против Советской власти и начать борьбу как с Российской контрреволюцией, так и с мировым империализмом; 2) неуклонно проводить в пределах Башкирии социалистическую Советскую форму управления с конституцией РСФСР принятой V съездом Советов на заседании 10 июля 1918 года.

б) РСФСР в лице руководящих центральных ее органов обязуется: 1) немедленно, не дожидаясь созыва Всероссийского съезда советов признать Башкирскую Советскую Республику в пределах Малой Башкирии, входящей в состав РСФСР, в тех границах и административном делении, каковые определены ст.ст. 1, 2, 3, 4, 5, 6 и 11 положения об автономии правления Башкирии; 2) оказать всемерную финансовую поддержку Башкирской Советской республике; 3) немедленно снабдить Башкирское революционное войско, корпус коего должен быть доведен до полного состава, всем ему необходимым для борьбы с контр-революцией на общих основаниях с Красной армией;

4) охрана революционного порядка и спокойствия Башкирской Советской Республики поручается Башкирским революционным войскам.

Для окончательных переговоров с местными руководителями и центральными органами Советской власти Башкирское правительство и войска делегируют в Советскую Россию следующих лиц, снабдив их мандатами: 1) Председателя Правительства Башкирии—Мстислава Кулаева; 2) члена Башкирского Обл. Совета—Мулладжана Халикова; 3) члена Башкирского Обл. Совета—Хайред Сагитова; 4) адъютанта Башкирского войска—Абдрашита Бикбавова.

Из указанных делегатов М. Кулаев и М. Халиков делегируются в г. Москву для переговоров с центральной Советской властью 56, 8/II—19 г. Кананикольский з. Подлинный подписал Председатель правительства Башкирии—Кулаев, члены Адиамов, Ягафаров.

Представители отдельного Башкирского войска — ком-р Башкирского войска Валидов, исполняющий должность Нашт. Башкирских войск—Илиас Алкин. С подлинным верно: Командир 1-го Смоленского полка Воряков, политком Гапонов. 12/II—19 г. д. Увары, Комбриг Зеленков, политком Сидоров.

№ 00391 14/II 1919 года.

Наштадив 1 Пензенской *Кофаль.*
Политкомдив *К. Ратнек.*

Архив Красной армии, дело № 231—411.

Приложение 5.

„Башкирия и Советская власть".

(Записка З. Валидова).

В конце 1917 года и в начале 1918 года председатель Башкирского Областного Совета т. Мотов и его товарищи, имея искреннее желание работать совместно с самым левым крылом демократии, добивались утверждения автономии Башкирии Советской властью и предлагали последней свои услуги, чтоб склонить на сторону Советской власти также киргиз и туркестанцев. Это было вполне возможно, так как киргизо-туркестанские вопросы должны были разрешаться в Башкирии. Но не то вышло, мешали главным образом: 1) сложные татаро-башкирские отношения, в результате чего был арестован весь состав Башкирским Областным Съездом областного Совета: а) такое же сложное взаимоотношение башкир и новоселов-переселенцев, 3) общий недостаток в прошлогоднем Советском механизме и бывшей Красной Гвардии, отталкивавшей от Советской власти все Российские „цветные народы", роль которой так обстоятельно описал в Изв. ЦИК от 11/II—19 г. т. Вишневский.

Когда мы, в момент отступления Советских сил из Урала начали формировать национальное войско, мы полагали, что Советам пришел конец, что в России будут лишь союзнические колонии, и мы решили во что бы то ни стало формировать войско для установления в Башкирии национальной власти. Никакой серьезной войны с Советами мы не предвидели. Надо было получить оружие и деньги, но чехи и казаки нам ничего не давали, так как мы в противовес им объявили официально, что „Башкиры воевать против Германии не будут, и Башкирское правительство щеголять непризнанием Брестского договора не может" (газета „Голос Башкир" № 1). Дальнейшие события, сплотившие против русской, потом против германской и австрийской революций империалистов всех стран,—поставили на очереди вопрос объединения всех сил революционной демократии для борьбы с их общим врагом. Тогда мы обратились с секретным письмом к одному из видных членов Ком. В. У. Собрания (Веденяпину), в коем предлагали им приступить к переговорам с Советской властью, но это обращение было безрезультатным. После объявления диктатуры Колчака 25 ноября, мы отправили 2 делегатов в Москву для переговоров с СНК, как нам советовали, через Максима Горького. Но

один из делегатов (Карамышев) был задержан в Уральской области, другой (С. Атнагулов) не поехал в Москву. Башкирское правительство могло бы принять более энергичные меры к скорейшему присоединению к революционной демократии, но не имело возможности: 1) Башкирские полки были переданы правительством Авксентьева и Болдырева в полное распоряжение Дутова. Наши полки Дутов разбросал по разным фронтам (Туркестанском, Бузулукском, Орском, Бугульминском). Два полка (1-й и 2-й кав.), совсем лишенные довольствия, остались в Башкирии в горах. 2) При преждевременном переходе войска должно было пострадать башкирское население еще не занятой советскими войсками территории.

В противовес влияния дутовцев в башчастях, я назначал в полки мулл (т.-е. наших политических комиссаров) и с. 3/II отдал приказ не выполнять приказы Дутова. После 16 января наши полки соединились в районе Мраково и 26/I я объявил себя командующим Башкирскими войсками. Дутовские офицеры начали покидать наши части.

От наших представителей из Советской России никаких вестей не было. 15 декабря Башкирское правительство посылает 2 членов Областного Совета (Халикова и Сигитова) в Уфу на совещание с представителями Советской власти. На этом совещании 30 января кроме Башкирского правительства, присутствовали: председатель Уфимского Ревкома т. Новицкий, представители Уфимского Губкома т. Седенев и другие.

Наши условия были следующие: 1) Башк. сов. Р.; 2) Башк. корпус; 3) финансовая помощь; 4) продвижение фронта скорее до Челябинска и Троицка, чтобы восточная часть населения Башкирии не пострадала в руках реакционеров. На эти условия 8/II получился положительный ответ, в результате чего Башкирское войско с 10 часов 18/II целиком перешло на сторону Советской власти.

Текст договора:[1] 1) Башкирскому народу гарантируется автономия при условии, если власть в Башкирской Советской Республике будет организована на основе Советской конституции.

2) Члены существовавшего Башкирского правительства не подлежат репрессиям за свою минувшую деятельнссть.

3) Башкирские войска немедленно прекращают военные действия против советских войск, при чем в этом случае впредь до окончательного соглашения, переходят в район, который будет указан командованием советской армии. Башкирское правительство отдает соответствующий приказ по армии.

4) Башкирское правительство немедленно выпускает воззвание к народу и войскам с оповещением о состоявшемся предварительном соглашении с призывом прекратить борьбу против Советской власти.

5) До окончательного соглашения с центром власть Башкирского правительства не распространяется на территории, занятой Советскими войсками.

6) Окончательное соглашение должно быть заключено в Москве, куда Башкирское правительство и высылает своих уполномоченных.

Подписали: Рев. В. Сов. Вост. фр.—Смилга, Гусев, Каменев, председ. Центр. Башк. правительства—Кулаев, член Башк. Обл. Совета Халиков, адъютант команд-го Башк. войсками Бикбавов.

Советская Башкирия теперь признана центром. Сталин, нарком по делам национальностей: „Войско ваше доблестно держится против Дутова и Колчака. Башкирского народа насчитывается до 2 милл., он даст для защиты завоеваний революции в России и распространения ее по всему миру стотысячную, дисциплинированную, преданную идее и своим вождям армию. Главное условие успеха—не навязывать извне, а привлечь инициативу самих народов и их трудовой интеллигенции".

Отпечатано в газете „Коммунар" 22/III 1919 г., № 47.

Архив Красной армии, дело № 200—045.

---

[1] С. Р. В. С. Вост. фронт.

Приложение 6.

Разведсводка от 17 февраля 1919 г.

Сообщаю копии бумаг, оставленных представителями Башкирского Правительства Хайрид Сагитов: командующему Советскими силами Кананикольского—Мрясовского района, как вы видите из прилагающихся при сем документов, что Башкирское войско, боровшееся за Учредительное Собрание, уже давно решило объясниться с советскими войсками: командующему V советской армией в отношении нашем от 8/II было предложено прекратить военные действия против башкирских властей, повидимому, наши делегации не могли своевременно проехать в Уфу, военные действия не прекращаются, мы не желаем в вас стрелять; я сам 17/II должен приехать из Кананикольска в Мрясово для разработки плана объединенных действий против Дутова и Колчака, наступление ваше на Кананикольск вынудило нас вплотную подойти к войскам Дутова, дальнейшее ваше продвижение тоже не должно встретить с нашей стороны сопротивления, но, однако, оно может плохо повлиять на наших солдат, что большевики нарушают договор, так как они нами ознакомлены о ходе наших переговоров. Предлагаю прекратить военные действия на линии, кою вы занимаете, до линии реки Белой от Байназарова до д. Мендегуловой—Атиковая—завод Кононикольский—х. Куламот Кушок—Кукор. Продвижение ваше с юга х. Кук-Сыр—д. Юлокайево и Байназарово—Магадиево—Александрово (Верхне-Уральский уезд) нас не касается. Вы можете свободно действовать здесь. Прекращение действий предлагаю немедленно с получением сего; документы эти вам везут в Кананикольск, если нужно и дальше в Мрясово. Для переговоров с Советом Народных Комиссаров 15/XII Башкирское Правительство послало еще двух делегатов членов Башкирского Областного Совета, М. Халикова и Х. Сагитова, которые только в последних числах января имели свидание с представителями Советской власти в Уфе; о результатах переговоров они сообщили 6/II.

Теперь Башкирское правительство посылает третью делегацию для заключения окончательного договора. Члены Башкирского правительства и Баш. революц. войска, указывая на все вышеизложенное, напоминают представителям Советской власти в г. Уфе о необходимости закончить этот договор в самый кратчайший срок, дабы предохранить башкирских солдат, рабочих и крестьян от мести Колчака и Дутова. № 257.

Подлинный подписал:

Председатель Правительства Башкирии—Кулаев. Члены: Ягафаров, Адигамов, Бекбаев. Председатель Башкирского революционного войска Валидов. Исполняющий должность начштаба Алкин, д. Мрясово. № 0448, 16/II 1919 г. Комбриг Зеленков, Политком Сидоров. № 00454, 18/II 1919 г. С подлинным верно: Вриднаштадив Пензенской—Чукалин.

Архив Красной армии, дело № 231—411.

Приложение 7.

Сообщаю копию отношения Команд. башкирскими войсками: „Командиру 1-го Смоленского полка (и политком). Прибуду Кананикольск 17/II, 13 часов, через Исянбузино. Предлагаю всякие враждебные действия до моего прибытия прекратить. Согласно моего предложения ваши части не должны были дойти по направлению на Темясово, между тем ваша разведка появилась в д. Имей, что ввело части 2-го кав. полка и его командира в недоумение. Посылаю при сем копии приказа по войску, из которых увидите расположение наших частей; по нашему расчету, ваш полк должен действовать южнее нас, мы займем фронт от Инзильской станицы до Янгильской. Подписал командующий башкирскими войсками Валидов. Начштаб Алкин. 16/II 1919 года, д. Темясова. Комбриг Зеленков. Политком Сидоров. № 00476, 18/II 1919 года.

Архив Красной армии, дело № 231—411.

КОМАНДУЮЩЕМУ ЮЖНЫХ ГРУПП ВОСТОЧНОГО ФРОНТА

Военного комиссара Башкирии, б. командующего башкирскими войсками тов. Валидова

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА

о моменте перехода теперешнего состояния башкирских войск.

Согласно постановления совещания представителей Киргизского правительства Алаш-Орда и Башкирского правительства в с. Ермолаевке, Оренбургского уезда, 6/XII 1918 года, присоединение башкир и киргиз должно было совершиться одновременно и не позже конца декабря, но по независящим от нас причинам присоединение обоих народов могло состояться только в середине февраля. После того, как мы узнали, через своих парламентеров Халикова и Сагитова и представителя советской организации в Уфе тов. Аминева о весьма благожелательном отношении к нам РВС V армии и центра и готовности их принять башкирские войска для совместных действий против Дутова и Колчака: 9/II, я, как командующий башкирскими частями отношением № 259 и приложением к нему сообщил командующему V Советской армии все наши военные тайные сведения о состоянии войск по лит. А и Б, сведения о расположении наших частей в долине р. Белой и Ик, районе Кананикольского и отношением от 9/II за № 258 сообщил, что я, как командующий, приеду 15/II совместно с начштабом в с. Мраково (Красная Мечеть) для составления с представителями Советского командования плана объединенных действий против Дутова—Колчака, поэтому просил установить в Мракове телеграфный аппарат. Передовые солдаты и офицеры-башкиры об этом были уведомлены и с той дороги, по которой должен был я ехать в Мраково, мы сняли части, оставив 1 батальон. В Верхнеуральске находились 2 казачьих полка, кои тоже должны были присоединиться к нам (мы им сообщили), послали людей к киргизам, чтоб и они присоединились к Советам.

По нашему представлению мы совместно с Красной армией должны были немедленно занять Верхнеуральск и оттуда двинуться на Троицк или Челябинск. Солдаты наши были хорошо подготовлены для наступления против Дутова нашими воззваниями. Дутовские офицеры вели контр-агитацию.

Вдруг 14 февраля на нас по той же дороге, по которой должен был я ехать в Мраково, наступает 1-й Смоленский полк; не встречая серьезного сопротивления, он прошел в один день 55 верст, рискуя быть окруженным шестью нашими полками. Солдаты, желавшие мира, были прямо изумлены таким нападением после того, как мы, питая полное доверие V армии, сообщили все наши тайны. Но мы Смоленского полка не трогали, хотя и могли его уничтожить. В тот же день 14 февраля послал комполка Смоленского к комбригу с предложением прекратить военные действия и сообщил, что сам поеду к ним в назначенный ранее (16 февраля) срок для координирования действий против Дутова; на то последовал ответ, что они ждут (письмо от 15 февраля), но я только по прибытии в Кананикольск узнал, что против нас действует не пятая, а первая армия и что принадлежащая последней Пензенская дивизия нисколько не считается с переговорами, веденными с V армией. Комбриг Зеленков и комиссар Сидоров двумя отношениями от 15—16 февраля сообщают ком-ру Смоленского полка, что они в нас (башкирах) нисколько не нуждаются, что с контр-революционерами разговора быть не может, поэтому требуют мени (Валидова), по прибытии в Кананикольск, отправить под усиленной охраной в Мраково, а башкир-

ских полков не принимать, требуя сдачи в плен, сложить оружие, отправив таковое вперед, в случае же нежелания сдать оружие и сдаться в плен, открыть по ним огонь.

19 февраля меня в Мраково, где я переговорил по прямому проводу с нач-ком Пензенской дивизии Воробьевым, с Уфой и с председателем центральной мусульманской военной коллегии при РВСР Султангалиевым, с председателем Башкделегации Куляевым, командарм I Гая и с членом Совета Обороны Р. Смирновым. Воробев повторил то же, что написали 16 и 15 февраля Зеленков и Сидоров, он указал на недопустимость нац. формирований и оставления частей при оружии. Председ. Всерос. Мус. Воен. коллегии при РВСР Султангалиев, член Совета Обороны Р. Смирнов и наших делегаций—Кулаев сообщили от имени центра о недопустимости разоружения частей Башкирского корпуса и необходимости моей дальнейшей работы в качестве командующего, сохранения и пополнения частей для наступления на Дутова—Колчака (телеграмма из Штаба V армии от 21 февраля 1919 г.). Командарм I Гая сообщил, что „им о разоружении никаких распоряжений не сделано, что желающие солдаты - башкиры должны записываться в существующие красноармейские полки, а не желающие — разойтись по домам". В Мракове меня держали под охраной. Зеленков здесь мне неоднократно заявлял, что все наши попытки ссылаться на договор с V армией бесплодны, так как Россия должна быть единой, без всяких автономий, если бы центр приказал оставить башкирские части, он все равно этого не исполнит. Из Мраково меня отправили в Оренбург, где т. Калнин (политком I) повторял то же, что т. Воробьев и, несмотря на сообщения т. Султангалиева от имени центра о том, что я должен оставаться на посту, т. Калнин 1 марта вручил мне документ (№ 0756), что я—б. командующий, и запретил мне сноситься с моими б. подчиненными. Было приказано первым разоружить 1-й стр. полк и в случае отказа открыть по нем огонь. Два батальона не согласились и перешли к белым. Первый кавалерийский полк категорически отказался сдать оружие и остался на фронте. Пошло бессистемное разоружение, хищение имущества полков, дивизии, корпуса, войскового управления. Уже после разоружения было объявлено в официальной газете Пензенской дивизии № 2, от 2/III, что Башкирские полки сдались в плен. Пошло систематическое оскорбление башкирских солдат. От Кананикольска до Стерлитамака они в каждом русском переселенческом селении, как пленные, подвергались побоям, раздевались. Я сам был свидетелем таких случаев, как (4 марта) некоторые солдаты IV стрелкового полка и командир роты Правительства после разоружения прошли 30 верст от хутора Побоища до Увары без шапок и обуви, обернутые в одеяла. На проходящих солдат крестьяне бросали лошадиный кал. Все это делалось с ведома командира Пензенской дивизии.

5-го марта я предложил последнему объявить красноармейским частям текст договора Башкирделегации с РВС Восточного фронта с пояснением, что башкиры-солдаты не являются пленными, что оскорблениями Красная армия только наживает себе врагов в лице башкирского народа и корпуса, но они отказались подписать и объявить такой приказ.

Мои предложения т. Гаю и Калнину от 1 марта о прекращении безобразий оставались без результата. Присланный из Стерлитамака в Мраково для приема имущества Штаба башкирских войск офицер заявил начальнику Башкирского Войскового Управления, в присутствии других, что то, что терпят Башкиры, это только начало того, что они в дальнейшем должны будут вынести. 3 марта дорогой из Темясово в Кананикольск арестовано 7 солдат 5-го полка и 2 расстреляно за нежелание после сдачи оружия снять с себя шинели и сапоги.

В то же время продолжались грабежи, аресты и расстрелы мирного башкирского населения; д. Кашкарова целиком ограблена, д. М. Рахимово тоже; убито 2 чел., д. Баранаул и Кашкат сожжены и убито 11 человек (1-й интернациональный полк). Эти сведения только мои, кои я собрал во время поездки из Оренбурга в Темясово 1—7 марта, и слишком отрывочны.

7/III из Кананикольска послал командарму I телеграмму (№ 385) с указанием на необходимость принятия самых срочных мер, кроме того, по при-

бытии в Оренбург мы, с другими членами Ревкома и начштаба т. Алкиным, сделали по этому поводу доклад Оренбургскому Исполкому и т. Гаю. Исполком обратил на наш доклад внимание очень поздно, мы просили выпустить воззвание крестьянам и Красной армии; однако Исполком счел возможным его выпустить через месяц, в начале апреля („Коммунар") т. Гай в тот же момент послал начдивам: Пензенской, 24 стрелковой и комбригу 1 Пензенской телеграммы (№ 0839 и 0855) с требованием прекратить безобразия и насилия.

В это время на фронте продолжал оставаться 1-й кавалерийский Башкирский полк, который, ниоткуда не получая довольствия, держал фронт против казаков в 50—60 верстах. При таком ненормальном отношении Красной армии к башкирам и разоруженным частям, пребывание полка на фронте мы считали рискованным, и члены Башревкома А. Адигамов, Ф. Тухватуллин 2 марта подали РВС I армии докладную записку с просьбой стянуть все части без исключения в тыл впредь до урегулирования отношений, что при непринятии всего этого во внимание у нас нет уверенности, что башкиры-солдаты будут стойко сражаться и держать фронт, и что они негарантированы от всевозможных недоразумений на фронте, которые лягут темным пятном на Башкирское войско и народ. Мы с начштаба уехали в Москву 14/III; предложение т. Тухватулина и Адигамова не было принято, 1-й кавалерийский полк и после этого оставался на фронте, кроме того, был послан и 2-й кавалерийский полк.

Распоряжения т. Гая о прекращении бесчинств совершенно не имели результатов; повидимому, их никто не наказывал, безобразия продолжались с прежней силой и даже усилились. Оренбургский Исполком для управления центр-районами Башкирии создавал, независимо от Башкирского Ревкома, „чисто русские" Ревкомы в Преображенске и Баймаке, кои соглашение между Башкирским правительством и Советской властью считали необязательным для себя и не признавали его.

Так называемый Преображенский ревком имел при себе какой-то особый „Преображенский отряд". 12/III члены этого Ревкома докладывали Оренбургскому Исполкому, что около Преображенска бродят какие-то башкирские белогвардейские шайки и для уничтожения таковых требуется 1½ миллиона рублей денег. Исполком решил эти деньги отпустить („Коммунар"). Сообщение это создало впечатление, тем более накануне этого сообщения в газете „Коммунар" была на это подготовлена почва одной статьей, посвященной Башкирии, где говорилось даже о необходимости ареста членов Башкирского Ревкома. Начштаб Башвойск т. Алкин написал в редакцию „Коммунар" письмо с опровержением этого сообщения, но письмо это не было напечатано, „Башкирские белогвардейские шайки уничтожались".

Дело в том, что 7 марта в д. Сабировой Преображенским отрядом были арестованы председатель Усерганского кантона Каримов, военный комиссар кантона Ахмеров со всеми служащими кантона и 40 солдатами. Каримов и Ахмеров были освобождены, а все солдаты расстреляны, хотя Ахмеров на проезд с подчиненными ему солдатами имел документ, помимо Башревкома также и от к-ра Смоленского полка, с перечислением всего имеющегося оружия и имущества. В то же время было арестовано 54 милиционера Усерганского кантона в Преображенском заводе, из коих 47 расстреляно потом 1-м Интернациональным полком... В середине марта расстрелян один из видных башкирских деятелей А. Атнагулов и его сын Х. Атнагулов... Много было случаев изнасилования женщин, и в этой области произошло одно из самых гнусных событий за это время: одна из виднейших башкирских женщин—учительница д. Баевой (Тюмбетовой), Бурзен-Кипчикской волости—Зугра Жданова в конце марта была изнасилована на глазах населения 22 красноармейцами в один день и затем была передана как пленница вора-хулигана Авдухалика, записавшегося в 1-й Восточный кав. полк, который держал ее под арестом и давал на оскорбления своим товарищам.

Еще более скорбная для башкир картина: расстрел двух молодых башкирских деятелей Шахзаде Бибачева и Абдулхай Иркабаева. Первый из них выдающийся поэт, автор любимых для башкир произведений, воспевавший

в своих последних песнях момент перехода башкирских войск на сторону Советов, многие из его песен знают наизусть все башкирские солдаты и молодежь. Второй (Иркабаев)—молодой башкирский поэт-философ, описывал в своих произведениях красоту Урала и башкирскую бедноту. Оба были расстреляны Смоленским полком. Самолюбивый башкирский народ и солдаты не могли, конечно, всего этого переносить, и 1-й кав. полк и эскадрон 2-го кав. полка перешли обратно к белым. Командир этого кав. полка солдат унтер-офицер Муса Муртазин, мой ближний друг, в 1918 году работал в Москве в Татаро-Башкирском комиссариате, в начале 1918 года попытался в Верхнеуральском уезде формировать Башкирский красный батальон, на 3 областном Башкирском съезде считался одним из самых левых—он себя считал убежденным большевиком—и будучи комиссаром по Верхнеуральскому уезду, арестовывал многих за контр-революцию, тем нажил себе врагов и при Дутове был преследуем. Когда Учредилка провалилась, он был явным сторонником перехода на сторону Советов и своих солдат на это подготовлял. Муртазин решил во что бы то ни стало взять Верхнеуральск, занял д. Абзалидову, но потом, перебрасывая своих солдат на другие места против казаков, он защиту Абзалидовой поручил 1-му Смоленскому полку, последний каждый раз не выдерживал натиска казаков и оставил деревню. Муртазин несколько раз занимал ее и несколько раз поручал защиту ее Смоленскому полку; но после последнего оставления полком деревни, Муртазин, заняв ее опять, угрожал смоленцам открыть по ним огонь в случае их отступления. Так и случилось. По открытии огня смоленцы думали, что 1-й кав. полк перешел к белым. Как передают очевидцы полка, Муртазин, еще несколько дней оставаясь никому неподчиненным, держал фронт в обе стороны: против смоленцев и против казаков. Солдаты 1-го полка несколько раз пытались открыть смоленцам истину, но ничего не вышло: прибывшие из этого полка 35 солдат были в Кананикольске расстреляны. Через несколько дней после этого 1-й кав. полк видели в д. Ново-Усмановой, присоединившимся к казакам или нет—неизвестно. Это трагическое недоразумение, вызванное прежде всего крайне недоверчивым и враждебным отношением к башкирам сформированного из местных русских крестьян-переселенцев Смоленского полка, еще больше осложняло положение, в силу чего один эскадрон 2-го кав. полка тоже перешел к белым.

Отношение командира и комиссара Пензенской дивизии т. Зеленкова и Сидорова к Башревкому было крайне враждебно... Переход 1-го кав. полка к белым положил начало тем кошмарным событиям на местах, которыми сопровождался отход частей I армии в южную Башкирию.

К тому моменту части Башкорпуса успели окончательно разоружиться. В момент перехода в состав Башкорпуса входят следующие части: 1-й стр. полк—800 солдат, 2-й стр. полк—715 солдат, 4-й стр. полк—650 солдат, 5-й стр. полк—720 солдат, 6-й стр. полк—650 солдат, 1-й кав. полк—540 солдат, 2-й кав. полк—1.110 солдат, зап. стр. полк—570 солдат. Комендантские караульные, конвойные, этапные, обозные команды и команды связи, саперные команды, особая комендантская рота при правительстве, Караван-Сарайская команда—285 человек, особый Усерганский конный батальон—210 человек, всего 6.556 человек. Ушедшие вскоре после перехода, не желая сдавать оружия, батальон 1-го стр. полка насчитывал не более 200 чел., в составе 1-го кав. полка—около 450 чел. и в 2-х эскадронах 2-го кав. полка—около 400 чел.; во всяком случае на сторону белых не перешло более 1.500 чел.

В настоящее время в Башкирских частях 2.286 солдат, из них только 1.300 бывшего Башкорпуса, остальные или вновь поступившие или перешедшие в состав штаба особой бригады, переданной I армией. Все остальные около 3.700 человек, согласно приказа („нежелающих распустить по домам“), разошлись по домам. Имущество полков, штабов расхищено.

Жалкие остатки Башкирского корпуса теперь должны лечь в основу наших формирований. Чтоб убедить наших солдат в справедливости Советской власти, нужно прежде всего подвергнуть наказанию Воробьева, Зеленкова и Сидорова, нач-ка хозчасти Смоленского полка Андроцкого, расстрелять из среды Красной армии некоторых зачинщиков грабежей...

Штаб I армии находился, конечно, до некоторой степени под влиянием Оренбургского Губисполкома, который имеет уже с прошлого 1918 года определенные убеждения по отношению башкир. Влияния Исполкома на политкома I армии т. Калнина—не было. Командарм I т. Гай, человек в трезвом и доброжелательном отношении к нам, мы нисколько не сомневаемся, однако, причины безрезультатности якобы двукратно принятых штабом I армии мер для нас всех ясны. В то время, как т. Гай посылал начдивам Пензенской и 24-й дивизии телеграммы, что башкиры не являются пленными, тот же штаб I армии печатал в своем официальном органе „Набат Революции" (от 6 марта), что Башкирский корпус, не выдерживая натиска Смоленского полка, сдался последнему в плен, во главе с командующим Башвойсками Валидовым. В тот момент, когда в Башкирии отступающие части I армии совершили невероятные зверства и когда т. Гай по просьбе Башревкома посылал 20-й и 24-й дивизиям вторичную телеграмму (0170), мы читаем в официальной газете Советского правительства „Известия ВЦИКС" № 70 (622) от 1 апреля следующее донесение того же штаба: N (Смоленский) стр. полк, продвигаясь по Башкирской территории между гор, скал, ущелий, встречал упорное сопротивление врага... несмотря ни на какие препятствия, красноармейцы полка сметали предстоящего врага и обращали его в бегство. Башкирские группы белых 16 февраля не выдержали и целиком сдались N стр. полку со всеми солдатами, офицерами и командующим войсками Валидовым, со всем оружием, коего насчитывается до 8.000 шт. винтовок, 40 пулеметов, и др. имуществом".

1 апреля армия была до невероятности ослеплена успехами в Южном Урале. Когда я в штабе бригады Пензенской дивизии и в штабе I армии заявлял, что положение Колчака улучшается, что нужно использовать услуги Башкирского корпуса по возможности шире, пополняя и доводя его до полного корпуса, что нужно использовать горных и Верхнеуральских башкир, то я получил ответ, что Колчаку пришел конец и что Советская армия не особенно нуждается в услугах башкир, что башкиры дезорганизованы, небоеспособны, что они перешли вынужденно, так же перейдет и вся Колчаковская армия.

Однако, некоторые из командного состава I армии, несмотря на указания свыше, относились к башкирам хорошо и оценивали положение более трезво. Политком Смоленского полка т. Гапонов, командир 1-го Восточного и командир Троицкого полков, представитель Уфимской организации партии коммунистов т. Карман—эти товарищи в сердцах наших солдат оставили самое теплое впечатление, и когда мы теперь говорим солдатам, всегда указываем на них...

И теперь мы думаем, что при вторичном завоевании Башкирии, чтоб устранить выступления самолюбивых башкир, нужно во главе идущих по Башкирии частей Красной армии назначать людей, не имеющих предубеждения против башкир, и ни в коем случае в момент наступления не записывать добровольцев из местных переселенцев—действительных врагов башкирского народа, так безвыходно запутавших и Оренбургский Губисполком и I армию.

Архив Красной армии, дело № 200—045.

Приложение 9.

Выписка из приказа по 1-й Пензенской дивизии

от 17 марта 1919 г. за № 55.

§ 2.

Всех солдат штабов 1-й и 2-й башдивизии перевожу для пользы службы в 3 стр. сов. полк во вверенную мне дивизию.

Справка: Рапорт коменданта штаба 1-й баш. дивизии за №№ 1100, 693 и рапорт начальника штаба 2-й Башкирской дивизии за № 53.

§ 3.

1-й пехотн. Башкирский полк в полном составе и имуществом полка назначаю на укомплектование 3 Сов. полка.

Справка: Рапорт к-ра 1-го баш. Рев. полка.

§ 5.

Всех стрелков 2-го Кав. стрелкового полка баш., оставшихся за штатом по сформировании дивизиона, приказываю отправить с надлежащими документами в распоряжение к-ра 3-го Сов. полка. Об исполнении донести.

Справка: Сношение к-ра 3-го Сов. полка за № 138.

„Известия Баш. Обл. Ком. РКП(б)“, № 1—2/IV 1922 года.

Приложение 10.

Командующему Туркфронта тов. Фрунзе.

23 августа 1919 года.

Приехал в Петровское наш представитель Имаков из штаба бригады белой Башкирской (Муртазина) с письмом на мое имя.

У Муртазина — кавалерийский и стрелковый полки, численностью 3.000 человек. Муртазин переводит в свою бригаду всех башкир из русских полков. Условия Муртазина:

1) не разоружать, не оскорблять, не расстреливать воинов-башкир и командный состав оставить на месте;

2) во время перехода выставить два-три башкирских советских полка, с представителями от Башвоенкома и от вашего Советского командования, а то башкиры русским красным частям не доверяют, боятся, что над ними будут издеваться и расстреливать их, как было в марте месяце;

3) после перехода полки, если не направят против Колчака, размещать их не в заводах и не в переселенческих селениях, а в Верхнеудинске и Стерлитамаке. Если эти условия не будут приняты, Муртазин со своими полками уходит в глубь Киргизской степи. Прошу тов. Фрунзе направить два наших полка против Муртазина; эти полки могли бы действовать временно в составе 20 дивизии. Муртазин, полагаю, согласился бы сдать полки и оружие, и если не он, то его солдаты согласятся.

Два наших полка будут 24/VIII в Стерлитамаке и 29/VIII могли бы стать против Муртазина. Я с собой возьму эскадрон кавалерии и полу-роту пехоты и, не дожидаясь прибытия двух полков, постараюсь добиться перехода Муртазина, но он может не положиться на такой малочисленный отряд в смысле ограждения его частей от русских красных частей.

Убедительно прошу разрешить полкам выступить, чтобы дело не было проиграно. Политком 20 дивизии Измайлов и Имаков едут со мной и т. Бройда. Буду ждать в штабе 3 бригады 20 дивизии, который теперь в Муносиповой.

22/VIII 1919 года. Военком Башкирии *Валидов.*

Архив Красной армии, дело № 82—166.

Приложение 11.

Передаю содержание мандата, выданного заместителем военного комиссариата по военным делам председ. РВСР тов. Склянским на имя тов. Валидова. Мандат № 858. Дан сей тов. Ахмеду-Заки Валидову в том, что постановлением РВСР он назначен комиссаром Башкирии и на него совместно с 2 политическими комиссарами возложено формирование башкирских частей с/приказу РВСР сего года за № 615 (секр.). Предлагается всем лицам и учреждениям оказывать тов. Валидову всяческое содействие. Заместитель при РВСР *Склянский.* На подлинном—печать Нар. комиссара по военным делам РСФСР, 7/IV 1919 года.

Правильность и действительность мандата № 858, выданного зам. председателя РВСР Склянским на имя тов. Валидова, и необходимость передачи такового по аппарату в Оренбург I армии, удостоверяю. За военного комиссара ЦУПВОСО при РВСР Попович. № (103).

Передал член Башкирской делегации *Бикбаев.*

Архив Красной армии, дело № 65—603.

СПИСОК

отличившихся бойцов башк. частей в Гражд. войне.

Имя и фамилия	Должность	Награда	Примечание
1. Иос. Беленький .	Военкомбриг.	Награжд. орд. Кр. зн.	Пал на поле боя
2. Руд. Гутман . . .	"	"	"
3. И. Муртазин . .	Комполка 28	"	"
4. В. Тихомиров . .	"	"	"
5. Коваленко	"	"	"
6. Д. Панченко . . .	"	"	"
7. Л. Эрадзе	Комполка 27	"	"
8. Зинуров . . .	Пом. ком. 27 п.	"	Умер
9. С. Павлов	Комэск.	"	Пал на поле боя
10. А. Суфьянов . .	"	"	"
11. М. Макаров . . .	"	"	"
12. Г. Губайдулин . .	"	"	"
13. А. Андреев . . .	"	"	"
14. И. Султанов . . .	"	"	"
15. П. Львов	Политрук	"	"
16. С. Ахменабаев . .	Красн-ц	"	"
17. А. Кудрявцев . .	Ком. эск.	"	"
18. М. Муртазин . .	Комбриг	2-мя ор-ми	В живых
19. Ш. Ашрапов . .	Комп. 1-го	Награжд. орд. Кр. зн.	"
20. М. Патенко . . .	"	"	"
21. Казбек-Айляр . .	Комп. 28-го	"	"
22. Х. Файзулин . . .	" 27-го	"	"
23. Н. Соров	Военк. полка	"	"
24. Я. Рамеев	Наштабриг	"	"
25. А. Знанчурин . .	Комэск.	"	"
26. Л. Кузнев	Нач. пулком.	"	"
27. А. Рыскулов . .	Комэск.	"	"
28. Т. Фетисов . . .	Комэск.	Нагр. орд-м	В живых
29. Х. Фасахединов .	Комвзвода	"	Умер
30. К. Ишмухаметов .	Красн-ц	"	В живых
31. Ш. Якшильдин .	"	"	"
32. Г. Катаранов . .	"	"	"
33. Б. Имангулов . .	"	"	"
34. Р. Абдулин . . .	"	"	"
35. К. Кудаков . . .	"	"	"
36. У. Шалхметов . .	"	"	"
37. Ш. Мухтанов . .	"	"	"
38. Г. Гайтулин . . .	"	"	"
39. З. Фаисов	"	"	"
40. Х. Минивалеев . .	"	"	"
41. Х. Фахрединов .	Комвзвода	"	"
42. Р. Шарипов . . .	Комп. 1-го	"	"
43. Ф. Ибрагимов . .	Ком. пеш. див.	"	"

Имя и фамилия	Должность	Награда	Примечание
44. Абдулгафаров . .	Комэск.	Нагр. орд-м	В живых
45. Актямов	"	"	12 раз ранен, умер
46. Гайнанов	Комполка 28	Предст. к орд.	В живых
47. А. Тиригулов . .	Комисс. 1 п.	Награжд. орд.	"
48. Х. Мурсалов . .	Политк. эск.	"	"
49. Хисматуллин . .	Комисс. 28 п.	Представлен	"
50. С. Исмагилов . .	Комисс. шт. бр.	"	"
51. А. Бакдеев . . .	Помкомэск.	"	"
52. Султанов	Красноарм.	"	"
53. Кинзябдев	"	"	"
54. Ф. Меркулов . .	Нач. пулем.	"	"
55. Х. Закирьянов .	Старшина	"	"
56. Абрахманов . . .	"	"	"
57. Абдрахманов . .	Помком. 28	"	"
58. Ус. Ямбулатов . .	Комп. 5	"	Умер
59. К. Ишмухамедов .	Комэск.	Нагр. орд.	В живых
60. Казнабаев	"	"	"
61. Д. Муртазин . .	Комэск.	"	Умер
62. Х. Муртазин . .	Комвзвода	"	"
63. Г. Хакбердын .	Нач. разв.	"	"
64. Говитцкий	Комис. бриг.	"	"
65. Г. Волеев [1] . . .	Завполитотд-м	"	"
66. З. Гареев	Нач. шт. стр. бр.	"	В живых
67. Алтаев	Комгруппы Башкирской	"	"
68. Ах. Муртазин . .	Начхоз. 5 полка	"	"
69. В. Калямов . . .	Комэск 5 п.	"	Ранен
70. Калямов	Помком. 5 п.	"	"
71. Кильмухамедов .	Комэск. 28 п.	"	"
72. Х. Сыдыков . . .	Адъютант дивизии	"	"
73. Худайбердын . .		"	Умер
74. Башев	Комисс. 27 п.	"	В живых
75. Ибр. Исханов . .	Комполка 2-го стр.	"	"
76. Г. Ибрагимов . .	Комисс. стр. бр.	"	"
77. М. Мансуров . .	Зав. политотд. бриг.	"	"
78. Н. Тагиров . . .	Комполка 1-го стр. [1]	"	"

[1] За неименением полных сведений, здесь не могут быть указаны все фамилии героев гражданских фронтов.